

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Лаврухина Анастасия Витальевна

**ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ
И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**
**(на материале англоязычных медийных текстов, посвященных
эпидемии коронавируса)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Склярова Наталья Геннадиевна

Ростов-на-Дону – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.....	14
1.1. Дискурс в онтологическом и гносеологическом аспектах	14
1.2. Место пандемического дискурса в дискурсивном пространстве	28
1.3. Пандемический дискурс в свете семиотики, лингвистики универсалий и теории вариативности	51
Выводы по первой главе	66
ГЛАВА II. СИСТЕМА ВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВ ПАНДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА, РЕАЛИЗУЮЩАЯСЯ В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ	70
2.1. Семантические особенности вербальных знаков разных типов в медийных текстах пандемического дискурса	70
2.2. Метафорические знаки в медийных текстах пандемического дискурса	96
2.3. Прагматические функции вербальных знаков разных типов в медийных текстах пандемического дискурса	123
Выводы по второй главе	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	156
Научная и справочная литература	156
Источники языкового материала	191

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертационная работа посвящена лингвосемиотической и прагматической характеристике пандемического дискурса, реализуемого в медийных текстах, тематика которых связана с эпидемией коронавируса.

Актуальность исследования обусловлена комплексом взаимодействующих лингвистических и экстралингвистических факторов. *Во-первых*, в современном языкознании продолжает господствовать когнитивно-дискурсивная парадигма, предполагающая исследование языка в социокультурном контексте, тогда как рассмотрение дискурса как лингвосемиотической системы позволяет, с одной стороны, выявить особенности осмысления окружающей действительности и закрепления его результатов в языковых знаках, а с другой стороны, установить закономерности функционирования этих знаков в тексте для решения различных прагматических задач.

Во-вторых, к настоящему времени лингвистикой накоплен достаточно большой материал по вопросам, связанным с теорией дискурса, всесторонне описаны различные типы дискурса, предприняты попытки их классификации. Вместе с тем дискурсивное пространство является динамичным, поскольку оно реагирует на происходящие в обществе изменения, что проявляется в возникновении новых дискурсов, гибридизации и инкорпорации существующих дискурсов, расширении их коммуникативного пространства за счет проникновения в нетипичные сферы общения, а также повышении интереса лингвистов к тем дискурсам, которые ранее были за пределами их внимания. В связи со сказанным выше пандемический дискурс, в фокусе обсуждения которого находятся экономические, политические, научные, медицинские и социальные проблемы, представляет перспективную область исследований, будучи кардинально важным по своему функциональному статусу, и вместе с тем чрезвычайно многогранным и интересным по своему содержанию.

В-третьих, повсеместное распространение коронавирусной инфекции за последние годы и приобретение ею статуса пандемии, изменившей образ жизни людей, борьба с которой осуществлялась в мировом масштабе, повлекло за собой широкое обсуждение данной проблемы на различных уровнях: профессиональном и непрофессиональном, межличностном и медийном, государственном и международном. В связи с тем, что эпидемия довольно редко приобретает статус пандемии, лингвистам выпадает уникальная возможность всесторонне исследовать пандемический дискурс, аккумулирующий в себе весь спектр языковых ресурсов, используемых людьми для выражения своего отношения, опыта, оценок происходящего, чтобы не только глубже понять нынешнюю ситуацию, но и подготовиться к будущим чрезвычайным ситуациям, разработать эффективные коммуникативные стратегии реагирования на подобные вызовы.

В-четвертых, анализ пандемического дискурса помогает обнаружить вызванные пандемией трансформации в языке и речевых практиках, которые, в свою очередь, отражают масштабные социальные, экономические и культурные процессы, а также проследить, как применяются языковые средства для воздействия, внушения, привлечения или переключения внимания общественности и формирования в коллективном сознании нужных установок с тем, чтобы управлять пандемической ситуацией.

В-пятых, лингвистическое исследование пандемического дискурса имеет большой междисциплинарный потенциал, ибо, будучи интегрированным с работами в области социологии, психологии, политологии, медицины, культурологии, оно открывает перспективы для осмысления языка как важного инструмента концептуализации, коммуникации и социального взаимодействия в условиях глобальных кризисов.

Степень разработанности проблемы исследования. Дискурс представляет собой довольно широко исследованный лингвистический феномен. В трудах отечественных и зарубежных ученых обсуждались

общетеоретические вопросы, связанные с определением термина «дискурс» (Э. Бенвенист, М. Л. Макаров, З. С. Харрис, У. Чейф и др.), разграничением понятий «дискурс» и «текст» (И. Т. А. ван Дейк, Н. В. Малычева и др.), установлением совокупности универсальных параметров, служащих для характеристики любого дискурса (В. С. Григорьева, В. Д. Кашкин и др.), а также принципами классификации и систематизации многообразия дискурсов (В. И. Карасик, А. А. Кибрик, О. Г. Ревзина, Ю. Хабермас и др.).

На материале разных языков всесторонне охарактеризованы такие типы дискурсов, как политический (И. Г. Рябцева и др.), экономический (Т. А. Евтушина и др.), медицинский (М. И. Барсукова, А. А. Календр и др.), научный (Е. В. Михайлова и др.), академический (С. Г. Николаев и др.), военный (С. М. Кравцов и др.), экстремистский (В. Ю. Меликян и др.), спортивный (Н. Н. Кислицина, М. В. Ласкова и др.), топливно-энергетический (Э. А. Китанина и др.). Российские лингвисты рассматривали различные типы дискурса, а именно: волонтерский (Т. А. Филиппова), рекламный (Г. В. Баева), цирковой, гастрономический (А. В. Олянич), сельскохозяйственный (Е. А. Сухова), университетский (И. К. Кириллова), медийный монархический, милитарно-медийный, туристический, футбольный (Н. Г. Складорова) как знаковые системы и внесли вклад в совершенствование лингвосемиотического подхода к изучению дискурса. Пандемический дискурс как система вербальных знаков не был предметом специального исследования, не подвергались анализу транспозиционные и гибридные типы языковых знаков.

Публикации ряда исследователей посвящены отражению пандемии в различных языках, а именно русском (Т. Н. Буцева, Н. В. Козловская, В. А. Козырев, Н. А. Купина, С. Д. Левина, Е. В. Маринова, З. И. Минеева, И. В. Нечаева, М. Н. Приемышева, Л. В. Рацибурская, Ю. С. Ридецкая и др.), английском (Р. Г. Бабаева, В. В. Катермина, А. В. Коренева, Е. А. Редкозубова, Т. А. Ширяева, S. Al-Salman и др.), немецком (А. В. Ленец, Я. А. Манукян, Л. А. Нефедова, А. С. Павлова), португальском (D. Dienstbach), чешском

(Д. К. Полякова), польском (А. Романик, A. Cierpich-Kozieł, M. Gębka-Wolak), венгерском (С. Янурик), финском (R. Tervonen), арабском (М. Й. М. Камель, H. A. Haddad) и др.

Ряд отечественных и зарубежных исследователей (Д. Н. Адащик, С. Б. Белецкий, С. Н. Бредихин, В. И. Карасик, Л. Н. Синельникова, Т. А. Ширяева, R. J. Alexander, L. Busso, M. W. S. Fukuda-Parr, M. Martinková, K. K. Sunalini и др.) занимались общими и частными вопросами, связанными со спецификой пандемического дискурса, но универсально-вариативный принцип для описания лингвосемиотической системы пандемического дискурса не применялся, оставалась необоснованной его гибридная сущность, не были выявлены функционально-семантические свойства вербальных знаков, используемых в нем для осуществления речевого воздействия.

Цель исследования состоит в характеристике пандемического дискурса как системы универсальных вербальных знаков, актуализируемых в текстах современных СМИ в дискурсивных вариантах для реализации информирующей и воздействующей функций.

Объектом исследования служит пандемический дискурс с его характерными чертами, которые манифестируются в публикациях англоязычных СМИ, посвященных эпидемии коронавируса, тогда как его **предметом** выступают лингвосемиотические и прагматические особенности указанных медийных текстов.

Гипотезой исследования является предположение о том, что пандемический дискурс как лингвосемиотическая система обладает универсальными свойствами, обусловленными инвариантным абстрактным значением выделяемых классов вербальных знаков, и особенностями, обусловленными тематической спецификой рассматриваемого дискурса, которые проявляются в реализации знаков обобщенной семантики в конкретных дискурсивных вариантах, служащих для передачи текущей информации и выступающих средством речевого воздействия.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. В настоящей диссертации предлагается комплексное теоретически и эмпирически обоснованное исследование пандемического дискурса как системы языковых знаков, функционирующих в медийных текстах, с точки зрения их универсальности, вариативности, семантики, синтактики и прагматики. Представленные в работе научные результаты соответствуют следующим направлениям исследования, указанным в паспорте специальности 5.9.8.: Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста (п. 9); Исследование языка как системы знаков, языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов (п. 11).

Материал исследования охватывает статьи, посвященные эпидемии коронавируса, которые размещены на сайтах британских и американских изданий *“The Independent”*, *“The Guardian”*, *“The Sun”*, *“The New York Times”*, *“The Washington Post”*, *“The Washington Time”*, *“The USA Today”*, *“The Daily News”*, *“The Daily Mail”*, англоязычных информационно-новостных агентств *“The BBC News”*, *“Aljazeera”*, *“CNBS”*, *“Fox News”*, *“Bloomberg”*, а также интернет-порталах *“Stat News”*, *“Spectrum News”*, специализированных медицинских и научно-исследовательских интернет-ресурсах *“News Medical”*, *“Medical News Today”*, *“Kaiser Health News”*, *“The Scientist Magazine”*, *“Health”* в период с января 2020 по декабрь 2023 гг. Общий объем проанализированного текстового материала составил около **800 000** п.з.

Методология и методы исследования. Решение поставленных задач осуществляется на комплексной методологической основе, которая устанавливает общую ориентацию и принципы исследования.

В качестве *основных общелингвистических методологических концепций*, определяющих парадигму исследования, принимаются принципы взаимосвязи языка и мышления, взаимодействия языковой системы и речевой среды, антропоцентризма, ономаσιологический, семасиологический,

коммуникативно-когнитивный и функционально-системный подходы. Исследование включает в себя три семиотических аспекта: семантику, синтактику и прагматику, т.е. отношения между знаками и их денотатами, между знаками в высказывании, и между знаками и теми, кто их использует.

Частнолингвистическую методологическую основу диссертации составили:

- ключевые положения теории дискурса, выдвинутые С. Н. Бредихиным, В. А. Гапутиной, А. В. Голодновым, В. И. Карасиком, В. Д. Кашкиным, А. А. Кибриком, М. Л. Макаровым, К. А. Наумовой, О. Г. Ревзиной, А. Ю. Рогозиным и др.;
- общие и частные теоретические аспекты семиотики, лингвосемиотики и природы языкового знака, разработанные В. В. Катерминой, И. А. Кудряшовым, Ю. М. Лотманом, Т. Б. Назаровой, Ч. С. Пирсом, Ф. де Соссюром, Ю. С. Степановой, А. А. Уфимцевой, Т. А. Ширяевой, И. Ф. Янушкевич;
- принципы речевого воздействия, обобщенные в трудах А. Н. Баранова, М. Я. Гловинской, В. И. Карасика, Н. А. Остроушко, Е. Ф. Тарасова;
- концепции лингвистики универсалий, представленные в трудах М. М. Гухман, Г. В. Колшанского, Н. Г. Склярской, Б. А. Успенского, С. Г. Шафикова, Дж. Гринберга, Д. Дженкинса, Ч. Осгуда, С. Ульмана, Ч. Ф. Хоккетта;
- идеи о вариативности языковых единиц И. Ф. Вардуля, А. М. Камчатнова, Н. Г. Склярской, Ю. В. Сложеникиной, В. М. Солнцева, Д. А. Шахбаговой, В. Н. Ярцевой;
- лингвосемиотическая модель языка, предложенная А. В. Оляничем и модифицированная Т. А. Филипповой и Н. Г. Склярской.

В диссертации использовались общенаучные и лингвистические **методы** исследования, такие как: гипотетико-дедуктивный метод, метод дискурсивного анализа (для исследования взаимосвязи языковых знаков и социальных процессов), метод контекстологического анализа (для изучения

языковых знаков в микро- и макроконтексте), метод дистрибутивного анализа (для выявления случаев взаимодействия языковых знаков), метод интенционального анализа (для установления прагматических функций языковых знаков и их воздействующего потенциала), метод семантического анализа (для соотнесения значения вербальных знаков с передаваемыми ими не зависящими от языка смыслами) в сочетании с элементами количественного подсчета.

На защиту выносятся следующие положения

1. Выделение в дискурсивном пространстве пандемического дискурса как объекта лингвистического исследования обусловлено совокупностью факторов, к которым относятся, во-первых, резонансность сложившейся экстралингвистической ситуации, во-вторых, лингвокреативная реакция на нее носителей разных языков, в-третьих, закрепление результатов лингвокреативной деятельности в языковой системе, в-четвертых, активное обсуждение темы в различных сферах общения, в-пятых, появление в научном обиходе понятия и обозначающих его терминов, в-шестых, наличие исследований, посвященных описанию отдельных черт самого явления.

2. Будучи тематически детерминированным типом, пандемический дискурс не отличается регулярностью и предсказуемостью, не имеет четких временных рамок, поскольку возникает стихийно и сопровождает эпидемию на протяжении всего периода ее существования. Места его реализации и состав участников варьируются в институциональной, персональной и медийной разновидностях, из которых последняя является наиболее значимой с точки зрения всестороннего освещения сложившейся ситуации и формирования общественного мнения. Задачи медийного пандемического дискурса, заключающиеся в информировании населения о ситуации с эпидемией, ее последствиях для различных сфер жизнедеятельности, предупреждении об опасности заражения, с тем чтобы консолидировать усилия общества, направленные на предотвращение распространения

инфекции, способствуют реализации общей цели пандемического дискурса, состоящей в борьбе с эпидемией.

3. Гибридная сущность пандемического дискурса, обусловленная взаимодействием с медицинским, научным, политическим, экономическим дискурсами, во всей своей полноте и многогранности раскрывается в медийных текстах при помощи лингвосемиотической системы, включающей в себя знаки-номинативы, знаки-инструментативы, знаки-процессивы, знаки-локативы, знаки-квантификаторы, знаки-квалификаторы, которые обозначают, соответственно, участников ситуации, их ресурсы и действия, места событий, а также различные количественные и качественные характеристики. Они являются концептуальными языковыми универсалиями, так как отражают обобщенные смыслы, основанные на фундаментальных экстралингвистических категориях, таких как: субъект, объект, процесс, пространство, количество, качество, и находят выражение в различных языковых единицах.

4. В медийных текстах пандемического дискурса наблюдаются гибридизация и транспозиция вербальных знаков, обусловленные конверсией, взаимодействием частей речи и асимметричным дуализмом. Образование знаков-неологизмов в результате лингвокреативной деятельности человека и влияния общественных изменений на лингвосемиотическую систему, а также метафоризация вербальных знаков, основанная на способности мышления устанавливать сходство между различными предметами и явлениями действительности, служат для реализации денотативной, экспрессивной и стилистической функций.

5. Материализуясь в медийных текстах пандемического дискурса, универсальная абстрактная лингвосемиотическая система подвергается дискурсивному варьированию, в результате которого знаки перечисленных шести классов реализуются в конкретных семантических вариантах, обусловленных спецификой данного дискурса. При этом каждый семантический вариант выполняет определенную прагматическую функцию и

таким образом вносит вклад в формирование картины мира реципиента через положительное, отрицательное, а также амбивалентное воздействие, которое может вызвать двойственное отношение к сообщаемой информации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней обобщены типологические признаки и охарактеризована структура пандемического дискурса, применен универсально-вариативный принцип описания его лингвосомиотической системы, выявлены функционально-семантические свойства вербальных знаков, используемых в медийных текстах пандемического дискурса для осуществления речевого воздействия и формирования картины мира реципиента, внесены уточнения в классификацию языковых знаков, состоящие в выделении транспозиционных и гибридных разновидностей.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет углубить имеющиеся знания о дискурсе как знаковой системе, расширить представление о функционально-прагматическом потенциале языкового знака, дополняет сведения о дискурсивном пространстве коммуникации. Его результаты вносят вклад в развитие дискурсологии, лингвистики универсалий, теории вариативности и семиотики. Предложенная схема лингвосомиотического анализа может найти применение для описания других дискурсивных образований.

Практическая ценность работы усматривается в возможности использования ее материалов в лекционных курсах по стилистике, общему языкознанию, межкультурной коммуникации, элективных курсах по теории дискурса, семиотике, прагмалингвистике, на занятиях по практике устной и письменной речи для лингвистической интерпретации медийных текстов, а также при написании курсовых и выпускных квалификационных работ магистерских и кандидатских диссертаций, составлении учебных пособий для лингвистов, журналистов. Результаты исследования могут быть востребованы для формирования иноязычной компетенции специалистов в области медицины.

Результаты проведенного исследования прошли **апробацию** в докладах, представленных на четырех конференциях различного уровня, а именно: Международной научной конференции «*От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов*» (Беларусь, Минск, МГЛУ, 12 – 13 мая 2023); XV всероссийской научно-методической конференции с международным участием «*Актуальные проблемы современно лингвистики и гуманитарных наук*» (Москва, РУДН, 24 марта 2023); LI международной научной *филологической конференции имени Л.А. Вербицкой* (Санкт-Петербург, СПбГУ, 19 – 26 марта 2024); III всероссийской конференции с международным участием «*Актуальные проблемы филологии и лингводидактики*» (Нижний Новгород, НГЛУ, 11 – 12 мая 2022). Основное содержание диссертации представлено в семи публикациях, общий объем которых составляет 3,4 п.л.

Поставленные цели и задачи определили композиционную **структуру** диссертации, отражающую логику и общие принципы исследования. Предлагаемая работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. Общий объем исследования составляет 217 страниц, в том числе 155 страниц основного текста.

Во *введении* аргументируются выбор темы диссертации, ее актуальность и научная новизна, определяются цель и задачи исследования, освещаются методы, используемые для их решения, излагаются структура и краткое содержание работы, формулируются ее теоретическая и практическая значимость, выносятся положения на защиту.

В *первой главе* представлен критический анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных общим и частным вопросам семиотики и дискурса, лингвистики универсалий и теории вариативности, в свете которых охарактеризован пандемический дискурс как вариант универсальной лингвосемиотической коммуникативной системы, обладающий определенной конфигурацией и набором типологических признаков.

Во *второй главе* с опорой на принятый концептуально терминологический аппарат рассмотрены семантические и прагматические особенности различных типов вербальных знаков, функционирующих в медийных текстах пандемического дискурса для реализации его целей, а также осуществления речевого воздействия и формирования картины мира реципиента.

В *заключении* обобщаются полученные результаты и подводятся итоги проведенного исследования.

Список литературы включает в себя 317 наименований научных трудов отечественных и зарубежных лингвистов, справочных изданий, в том числе 37 на иностранных языках, а также список источников фактического материала, охватывающий 186 медийных публикаций, цитируемых или используемых при написании диссертации.

ГЛАВА 1. ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

1.1. Дискурс в онтологическом и гносеологическом аспектах

В современных лингвистических исследованиях важное место занимает анализ языка в социокультурном контексте, теоретические основы которого сформулированы отечественными и зарубежными учеными. За последнее десятилетие в лингвистике все больше внимания уделяется проблемам, связанным с дискурсом, его типологией. В многочисленных трудах, посвященных дискурсу, обнаруживаются различные точки зрения на его сущность. Определение данного понятия представляет значительные сложности в силу того, что оно находится на пересечении целого ряда научных дисциплин, таких как лингвистика, антропология, этнография, философия, литературоведение, социология, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная психология и многих других.

Впервые термин «дискурс» был предложен Э. Бенвенистом для обозначения коммуникативного акта присвоения отправителем текста формального аппарата языка, выражения своего статуса говорящего посредством специальных показателей и с помощью различных вспомогательных приемов, а также установления в речи отношения к партнеру, будь он реальным или воображаемым, индивидуальным или коллективным (Бенвенист, 2002, с. 312).

Впоследствии термин оказался многозначным и использовался многими авторами в различных значениях. Дискурс (франц. *discours*, англ. *discourse*) понимается как: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная (Николаева, 1978, с. 479).

Дискурс, текст и речь считались синонимами, но впоследствии были предприняты попытки провести четкое разграничение между ними на том основании, что термины «речь» и «текст» являются видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину «дискурс» (Богданов, 1993, с. 5), обобщающий характер которого проявляется в нейтрализации оппозиций на основе таких признаков, как письменный / устный, монологический / диалогический.

Вместе с тем, перечисленные понятия сближаются в некоторых контекстах своего употребления. Как отмечает В. Г. Борботько, текстом можно назвать любой письменный документ, имеющий, например, вид справочника, анкеты, перечня инструкций, рекламы и т.д., а также включающий в себя элементы графики. В отличие от дискурса текст строится как по законам языка, так и по иным схемам, однако данный термин возможно использовать не только для наименования любого лингвистического материала в его письменном изложении, но и в качестве синонима к дискурсу, если данный текст выступает его письменным представлением. Согласно точке зрения В. Г. Борботько, дискурс представляет собой текст, состоящий из коммуникативных единиц языка – предложений, которые формируют более крупные единства и находятся в непрерывной внутренней смысловой связи, что дает возможность воспринимать его как цельное образование. Дискурсами можно считать, в частности, текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения (Борботько, 1981, с. 8).

Аналогичное мнение высказал В. А. Кох, который указывает на то, что дискурс равнозначен связному тексту, понимаемому как всякая последовательность предложений, замкнуто оформленная графически, а также различает «дискурсивные» и «недискурсивные» тексты на основании наличия / отсутствия проявления одного и того же конкретного мотива (Кох, 1978, с. 163).

И. П. Сусов отождествляет речь и дискурс, определяя последний как связные последовательности речевых актов. По его мнению, передаваемое от

говорящего слушателю высказывание (или последовательность высказываний) становится текстом, когда оно оказывается зафиксированным на письме (или с помощью звукозаписывающего аппарата). Текст выступает, таким образом, в виде «информационного следа» состоявшегося дискурса (Сусов, 2007, с. 40).

М. Фуко образно описывает дискурс как «тонкую контактирующую поверхность, сближающую язык и реальность, смешивающую лексику и опыт» (Фуко, 1977, с. 49). Ученый оперирует данным понятием, рассматривая исторически сложившиеся системы человеческого знания, которые в его работах именуется формациями. В соответствии с его определением дискурсы – это практики, систематически формирующие объекты, о которых идет речь (Фуко, 1977, с. 36).

В интерпретации американского лингвиста З. С. Харриса дискурсом считается сверхфразовое единство, последовательность высказываний, отрезок текста, больший, чем предложение (Harris, 1952, с. 1–30).

Понятие «дискурс» рационально использовать как объединяющее все виды применения языка, в связи с чем центральным элементом дискурса выступает текст, а изучение дискурса предусматривает изучение текста. Одновременно с этим дискурс формируется в речи, что определяет его динамическую природу.

В то время как одни ученые усматривали если не сходство между рассматриваемыми понятиями, так наличие точек пересечения или соприкосновения, другие стремились дать более точное определение дискурсу как лингвистическому феномену с целью отделить его от близких и смежных явлений. В трудах Т. ван Дейка предпринята попытка провести четкую границу между понятиями текста и дискурса на том основании, что текст – это абстрактная грамматическая структура произнесенного, а дискурс – это актуально произнесенный текст. Иными словами, первый связан с системой языка, а второй – с конкретным речевым действием. Будучи теоретическим конструктом, текст находит практическую реализацию в дискурсе, под

которым понимается комплексное единство языковой формы, значения и действия. Причем он не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, а включает в себя «говорящего, адресата, их личностные и социальные характеристики, а также другие параметры социальной ситуации» (Дейк ван, 2015, с. 122), т.е. экстралингвистические факторы, которым раньше не уделялось должного внимания.

У. Чейф характеризует дискурс как многовекторное явление, применение языка в котором реализуется под контролем сознания, в каждый момент фокусирующегося на том или ином фрагменте действительности (Chafe, 1994, с. 24–37).

Кроме того, дискурс обладает признаком процессности, что означает невозможность его существования вне прикрепленности к реальному физическому времени, в котором он протекает (Дымарский, 2001, с. 40), поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и «мертвым» языкам, связи которых с жизнью невозможно восстановить непосредственно. В таком смысле дискурс соотносится с текстом как процесс с фиксированным результатом этого процесса (Малычева, 2006, с. 123).

Текст, как известно, служит средством накопления информации, а также ориентирован на многократное воспроизведение. Дискурс же лишь способ передачи информации, но не ее «хранитель». Он не может быть воспроизведен несколько раз, так как невозможно создать хотя бы дважды совершенно одинаковые условия его осуществления по всем показателям (Малычева, 2006, с. 123).

Следовательно, дискурс неразрывно сопряжен с ситуацией, в которой он протекает, т.е. с внеязыковыми факторами. По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс предстает как связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, погруженная в жизнь (Арутюнова, 1998, с. 136–137). Соответственно,

дискурс включает в себя единство лингвистических средств, условий общения и соотнесенности с коммуникатором.

Согласно определению В. И. Карасика, дискурс – это «текст, погруженный в ситуацию общения» (Карасик, 2000, с. 5), в связи с чем представляется возможным соотнести понятия «дискурс» и «коммуникация», неслучайно именно в теории коммуникации началось рассмотрение текста в контексте ситуации, включающей в себя комплекс вариативных экстралингвистических факторов. Как отмечает А. В. Голоднов, элементами дискурса могут быть как участники общения, так и само сообщение (текст, код), на котором оно создано, и экстралингвистическая ситуация, в которой происходит коммуникация (Голоднов, 2009, с. 79). В своем сочетании эти элементы выступают дифференциальными признаками дискурса.

М. Л. Макаров понимает дискурс как диалог, который строится по определенным правилам и вероятностным зависимостям, когда один речевой акт не может однозначно определить тип и свойства последующего акта: он скорее задает условия, в которых появление того или иного продолжающего диалог акта будет более или менее ожидаемым, уместным, соответствующим нормам и правилам общения (Макаров, 2003, с. 19).

Таким образом, понятия «текст» и «дискурс» соотносятся между собой как «процесс – продукт». Дискурс – это текст, взятый в событийном аспекте, социально-направленный и включающий в себя экстралингвистические факторы. Текст и дискурс не взаимозависимы, поскольку любой дискурс также является текстом, но не каждый текст – дискурсом (Попова, 2014, с. 641).

В настоящее время в лингвистике приобретает популярность еще одна точка зрения на дискурс, который понимается как «совокупность вербальных манифестаций, устных и письменных, отражающих идеологию или мышление определенной эпохи» (Большой толковый социологический словарь, 1999, с. 179). Иными словами, дискурс представляет собой сложную взаимосвязь многих текстов, располагающихся в рамках одной коммуникативной сферы.

Исходя из этого, В. Е. Чернявская рассматривает его как «совокупность тематически соотнесенных текстов. Содержание дискурса раскрывается интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» (Чернявская, 2006, с. 76). При этом разные социально и исторически сложившиеся сферы человеческого познания и коммуникации рассматриваются как типы дискурса (например, юридический, рекламный, религиозный, политический и т.п.).

Дискурс имеет ряд специфических характеристик, в частности: целостность, информативность, интертекстуальность, интерпретируемость, модальность, пространственность.

Целостность дискурса проявляется в структурированности, завершенности, композиционной оформленности, т.е. в непрерывной смысловой связанности его компонентов. Связность дискурса рассматривается с точки зрения его интонационно-ритмического; логического, семантического, формально-грамматического оформления (Григорьева, 2007, с. 45).

Целостность дискурса неотрывна от его информативности, поскольку обмен информацией является одним из основополагающих условий осуществления коммуникативного акта, ведь «речевое взаимодействие всегда ориентировано на передачу или получение информации» (Клюев, 1998, с. 6).

Интертекстуальность дискурса выражается в его связанности с предшествующими и последующими произведениями. Как отмечает В. Б. Кашкин, «мы все говорим фразами уже ранее сказанных текстов» (Кашкин, 2005, с. 348). Создание и понимание дискурса в большой степени опирается на осуществленные ранее чужие устные или письменные речевые действия. Например, интертекстуальность в семейном дискурсе может просматриваться, когда член семьи цитирует популярные фразы из книг, фильмов, телепередач, отражающих определенную бытовую ситуацию.

Интерпретируемость предполагает ясность информации, сообщаемой в процессе коммуникации. Этому способствует логичность и простота

изложения мысли, а также клишированность (например, в юридическом или научном дискурсе).

С точки зрения модальности, П. В. Зернецкий выделяет дискурсы желания, возможности, долженствования, имеющие разные мотивы и цели. Дискурс желания мотивирован, и его цель – сформировать и спрогнозировать желания адресата; дискурс возможности осуществляется за счет аккумулятивных действий и сосредоточен на приеме информации; дискурс долженствования отличается отсутствием открыто выраженных мотивирования и аргументации и наличием требований от адресата вербальных или невербальных действий (Зернецкий, 1990, с. 65–66).

Неотъемлемой чертой дискурса является то, что он протекает в пространстве. Дискурсивное пространство представляет собой некую логическую среду, где сосуществуют дискурсы и дискурсивные личности, которые их производят (Плотникова, 2011, с. 123). Оно возникает между говорящими в ходе любого непосредственного взаимодействия, пусть даже кратковременного, и являет собой дополнительную территорию, установленную между участниками дискурса и накладывающуюся на определенное географическое пространство.

Применительно к отдельным видам дискурса, например, рекламному и научному можно выделить такие характеристики, как прецедентность и авторитетность (Баева, 2000; Болдырева, 2006), причем последняя считается одной из ключевых составляющих процесса коммуникации, сущность которой обусловлена господствующим статусом коммуникантов (Болдырева, 2006; Кашкин, 2007, с. 14). Она состоит в оперировании фразеологизмами, изречениями, которые выражают народную мудрость, афоризмами, цитатами и ссылками на мнение, результаты исследователей или известных личностей. Коммуниканты, отталкиваясь от уже признанных авторитетов, ненавязчиво передают свое мнение. Авторитетность связана с интертекстуальностью, но не тождественна ей. Что касается прецедентности, то она определяется рядом факторов национального, социального, исторического характера, которые, в

свою очередь, обусловлены единой культурной базой, формирующей в сознании коммуниканта идентичный системный ряд ассоциаций.

На процесс генерации дискурса оказывают влияние экстралингвистические принципы построения коммуникации, или дискурсивные законы (Грайс, 1985, с. 221), понимаемые как совокупность норм, которые необходимо соблюдать собеседникам с начала коммуникации, а именно: устремление к сотрудничеству, соразмерность высказывания, достоверность, информативность, качество словесной формы (Грайс, 1985, с. 221).

Сложность и многогранность понятия «дискурс» служит причиной того, что в лингвистике выделились различные критерии дифференциации его типов, в основе которых лежат подходы к исследованию языковых явлений и феноменов, разработанные прагмалингвистикой, психолингвистикой, социолингвистикой, структурной лингвистикой, лингвокультурологией и лингвостилистикой. Рассмотрим некоторые принципы классификации дискурсов.

В соответствии с каналом передачи информации, который может быть акустическим и визуальным, дискурс подразделяется на устный и письменный (Матвеева, 1990, с. 12). При их сопоставлении наблюдаются различия в процессе и результате. Во-первых, в устном дискурсе порождение и понимание осуществляются параллельно, а в письменном – последовательно, несмотря на то, что скорость письма ниже скорости речи, а скорость чтения выше скорости устной речи. Во-вторых, в отличие от письменного в устном дискурсе есть контакт между адресантом и адресатом во времени и пространстве, что приводит к их вовлечению и погружению в единую ситуацию (Калантаевский, Китова, Поповская, 2007, с. 28), которое проявляется через мыслительные процессы и эмоции коммуникантов, применение невербальных средств: мимики, жестов, интонации и др., тогда как в письменном дискурсе, наоборот, между участниками общения происходит отстранение. Наличие контакта предполагает и наличие обратной

связи, за счет которой говорящий может изменить применяемые коммуникативные тактики с учетом моментальной реакции реципиента, у которого нет возможности столь быстрого реагирования в письменном дискурсе. В-третьих, рассматриваемые разновидности дискурса отличаются с точки зрения спонтанности / подготовленности, а также синтаксической фрагментарности / сложности. Сказанное выше подтверждает критически важную значимость разницы в канале передачи информации в построении письменного и устного дискурсов (Chafe, 1994, p. 15).

Кроме устного и письменного дискурсов выделяют мысленный дискурс, соотносящийся с формой внутренней речи, для которой характерно отсутствие звуковых либо визуальных следов языковой деятельности человека, так как один и тот же индивид является и говорящим, и реципиентом одновременно и ведет диалог с самим собой, оперируя языком в коммуникативных целях, но вне акустической и вне графической речевой деятельности (Кибрик, 2003, с. 21). Ввиду отсутствия наблюдаемых проявлений и отпечатков речевого потока, мысленный дискурс изучен в меньшей степени, чем устный и письменный и представляет большой интерес в рамках психолингвистики.

Стремительный рост цифровых технологий продиктовал необходимость выделения электронного дискурса, представляющего собой общение на интернет-платформах в режиме реального времени, отличающегося интерактивным характером и объединяющего в себе черты устного дискурса, подобно которому он отличается краткосрочностью и неформальностью, и письменного дискурса, подобно которому он использует графический способ фиксации информации (Кибрик, 2009, с. 7).

Охарактеризованные типы дискурса образуют следующие оппозиции: устный и письменный, контактный и дистантный, виртуальный и реальный (Карасик, 2002, с. 301).

Существует мнение, что типы дискурса соответствуют выделяемым функциональным стилям, которые традиционно включают в себя научный, официально-деловой, публицистический, разговорный, художественный, к

ним предлагается добавить криминальный, религиозный, политический, коммерческий (Кибрик, 2009, с. 11), которые подвергаются дальнейшей дифференциации, в частности, в научном дискурсе в соответствии с областью научного знания выделяют дискурсы химии, физики, медицины и т.д., в политическом – правительственный, оппозиционный, предвыборный и т.п.

М. Л. Макаров противопоставляет повседневный дискурс как свободное, непосредственное, хаотичное, без каких-либо ограничений и речевых рамок общению официальному дискурсу, который относительно фиксирован, имеет речевые ограничения и, в отличие от первого, ориентирован не на процесс, а на структуру (Макаров, 2003, с. 176).

В. И. Карасик изучает дискурс с позиции социолингвистики, выделяя в нем два основных типа: личностно-ориентированный, или персональный, и статусно-ориентированный, или институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института (Карасик, 2000, с. 5).

Персональный дискурс включает в себя бытовое и бытийное общение, которое происходит между хорошо знакомыми людьми, и его задачей является поддержание контакта и решение проблем. Большую роль здесь играют невербальные компоненты – мимика и жесты. Участники общения говорят спонтанно, нарушая зачастую логику и структурную оформленность высказывания, произнося его бегло и нечетко (Григорьева, 2007, с. 52). Бытийный дискурс имеет развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, в нем используются все формы речи на базе литературного языка. Будучи преимущественно монологичным, он реализуется в произведениях художественной литературы, а также философских и психологических интроспективных текстах и противопоставляется бытовому дискурсу, который скорее диалогичен и заключается в непосредственном общении между людьми (Карасик, 2000, с. 6). Здесь также следует упомянуть

выделенные Ю. Хабермасом критический, практический и этический дискурсы (Habermas, 1984).

Институциональный дискурс представляет собой коммуникацию в заданных рамках статусно-ролевых отношений, его разновидностями служат политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, массово-информационный и др. (Карасик, 2000, с. 5). Поскольку общественные институты подвержены историческим изменениям, расширениям, слияниям и т.п., список представляющих их дискурсов не является конечным и варьируется, кроме того, появление новых типов институциональных дискурсов детерминировано не только их исторической изменчивостью, но и их способностью пересекаться и накладываться друг на друга, что обусловлено рядом внеязыковых факторов, и в реальности институциональные дискурсы в чистом виде встречаются сравнительно редко и представляют собой лишь абстракцию, вычлененную в исследовательских целях. Классификации институциональных дискурсов, предлагаемые разными учеными, могут отличаться в качественно-количественном отношении. Например, Е. В. Михайлова подразделяет институциональный дискурс на политический, юридический, деловой, научный и т.д., которые, в свою очередь, имеют такие разновидности как устный и письменный, массовый и индивидуальный (Михайлова, 1999, с. 22). Виды институциональных дискурсов, упоминаемые Н. Н. Мироновой, включают в себя педагогический, политический, научный, критический, этический, юридический, военный, родительский (Миронова, 1997, с. 14–15). Приведенные выше перечни свидетельствуют о том, что для каждой сферы деятельности характерно наличие своего дискурса, который обособляется в соответствии с разнородными критериями такими, как стилистическая специфика, установленная трендами в употреблении языковых средств, сфера деятельности, возрастная группа участников, их система убеждений и ценностей, характер рассуждения и т.д.

При изучении институционального дискурса в рамках социолингвистики выделяются такие его параметры, как время и место общения, цель общения, заключающаяся в решении конкретных задач, которые и определили наличие соответствующего института, обстоятельства общения, сложившиеся в пределах определенного социального института и обуславливающие формальность стиля, строгую заданность темы и содержание общения, участники общения, которые коммуницируют согласно статусно-ролевой позиции, а также ценности, которые эксплицитно и имплицитно отражаются через отличительные черты текстов данного дискурса, соответствуя сложившимся жанрам и стратегиям (Карасик, 2000, с. 6).

Институциональные дискурсы подвергаются дальнейшей дифференциации на основе жанровых характеристик, причем наряду с определенным набором жанров, принадлежащих к конкретному типу институционального дискурса, существуют и «пограничные жанры», которые относятся к разным типам дискурса одновременно (Карасик, 2009, с. 279). Кроме того, жанровые разновидности выделяются в устных и письменных дискурсах различного функционального стиля.

С точки зрения тематики общения учеными выделяются различные разновидности дискурса, что обусловлено определенными критериями, продиктованными личной точкой зрения каждого в отдельности. В частности, В. И. Карасик относит к тематическим дискурсам экономический, моральный, экологический, сказочный, прогностический, автобиографический, террористический, расистский, ксенофобический (Карасик, 2009, с. 277). Однако, как отмечает А. В. Голоднов, ни один перечень не может отразить всего многообразия тем, в рамках которых может разворачиваться коммуникация, поэтому, по его мнению, целесообразнее классифицировать дискурс исходя из исторически сложившихся практик социального взаимодействия людей, таких как политика, экономика, юриспруденция, религия, бизнес, медиа, наука, литература, быт (Голоднов, 2011, с. 87),

которые отличаются по сфере и среде общения. Более конкретизированная проблематика выступает триггером для образования тематического дискурса и поддержания его относительной стабильности. В зависимости от продолжительности интереса к той или иной проблеме тематические дискурсы могут иметь временный или периодически возобновляющийся характер (Силантьев, 2006).

Дискурсы дифференцируются по национально-лингвокультурному параметру (русский, российский, английский, испанский, американский и т.п.) (Ревзина, 2005, с. 67).

С позиций прагмалингвистики дискурс характеризуется определенной коммуникативной тональностью, под которой понимается эмоционально-стилевой формат общения, складывающийся в процессе взаимодействия и обладающий следующим набором противоположных признаков: обиходность / ритуальность, одноплановость / многоплановость, открытое / завуалированное выражение интенций и смыслов, серьезность / несерьезность, кооперативность / конфликтность, конкретность / отвлеченность тематики, увеличение / сокращение дистанции общения, приоритетность формы / содержания, направленность на информативное / фатическое общение (Карасик, 2009, с. 359–360), позволяющих различать следующие типы дискурса: информативный и фасцинативный, серьезный и юмористический, торжественно-ритуальный и обыденный, содержательный и фатический (Карасик, 2002, с. 301), которые взаимопересекаются.

Прагмалингвистическую направленность имеет классификация дискурса Г. Г. Почепцова, которая разработана с учетом специфики речи, специфики коммуникативной ситуации и специфики вербального выражения действительной ситуации и включает в себя следующие виды дискурса: рекламный, тоталитарный, иерархический, политический, неофициальный, ритуальный, религиозный, этикетный, бранный, ложный, мифологический, фольклорный, праздничный, визуальный, невербальный, межкультурный, иронический, театральный, литературный, газетный, теле-, кино- и

радиодискурсы, а также дискурс в сфере «публич рилейшнз» (Почепцов, 2001, с. 293–374).

По уровню социальной значимости выделяются дискурсы, которыми обмениваются изо дня в день, дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, где они были высказаны, дискурсы, которые подхватываются и трансформируются в новых речевых актах (Фуко, 1996, с. 60).

Исходя из того, что устойчивыми формальными признаками обладают не целые дискурсы, а их фрагменты, зарубежные ученые выделяют повествовательный (нарративный), описательный (дескриптивный), объяснительный (экспозиторный), инструктивный и убеждающий (аргументативный) фрагменты дискурса, которые отличаются набором лексико-грамматических параметров (Graesser, Goodman, 1985).

В целях эффективного структурирования типологии дискурса была выдвинута идея о составлении дискурсивной модели, охватывающей все признаки, необходимые для исчерпывающей характеристики дискурса, которые предлагается сконцентрировать на трех уровнях: системном, стратегическом и тактическом. На системном уровне обобщаются единые, глобальные признаки, которые характерны для каждого типа дискурса соответствующей группы, инициируется попытка определить место дискурсивных типов относительно друг друга. На стратегическом уровне определяются отличительные особенности дискурса, складывается его модель. На тактическом уровне происходит наполнение содержанием, рассматриваются типичная для того или иного жанра аргументация, композиция, языковые и стилистические особенности (Григорьева, 2007, с. 53–54).

В целом, трудности дискурсивной типологии связаны со сложным внутренним строением дискурса, многообразием типов, исследовательских принципов и подходов, наличием типологически существенных признаков для некоторых разновидностей, часто не сводимых к исходным типологическим

чертам, а также существованием гибридных форматов дискурса (Наумова, Солопова, 2018, с. 15).

Анализ предлагаемых подходов к систематизации разновидностей дискурса позволяет сделать вывод о том, что несмотря на разнообразие выделяемых типов дискурса, они не противоречат, а взаимодополняют друг друга, однако в рамках одной классификации отразить всю разноплановость данного явления невозможно, равно как и разработать универсальную, инвариантную типологию, тогда как разноаспектное рассмотрение дискурсивного пространства позволяет определить в нем место конкретного тематического типа дискурса и дать его типологическую характеристику.

Итак, дискурс представляет собой систему, которая обладает определенными параметрами. Дискурсивное пространство считается гибким и подвижным, что проявляется в образовании новых дискурсов под влиянием различных экстралингвистических факторов.

1.2. Место пандемического дискурса в дискурсивном пространстве

Как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, триггером для образования дискурса выступает актуальная проблематика, в зависимости от продолжительности интереса к которой соответствующий дискурс может становиться довольно продолжительным. Одной из таких тем стала пандемия коронавируса, также известная как пандемия COVID-19 (Corona Virus Disease), вызванная коронавирусом SARS-CoV-2.

Впервые вирус был выявлен во время вспышки заболеваемости в китайском городе Ухане в декабре 2019 года и быстро распространился по другим районам Азии, а затем в 2020 году и на другие континенты. 30 января 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила вспышку чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, а 11 марта – пандемией. По состоянию на 5 марта 2024 года зарегистрировано свыше 774 миллионов случаев заболевания по всему миру; подтверждено

более 7 миллионов летальных исходов заболевания, что делает пандемию COVID-19 одной из самых смертоносных в истории.

5 мая 2023 года глава ВОЗ Тедрос Адханом Гебрейесус объявил, что COVID-19 больше не является чрезвычайной мировой угрозой в области здравоохранения, хотя опасность сохраняется. Пандемия имеет тенденцию к снижению, ее чрезвычайная фаза завершилась, но при этом она не окончена.

Симптоматика COVID-19 варьируется от бессимптомного течения болезни до конкретного набора симптомов и осложнений в различных комбинациях, вплоть до смертельного исхода. Вирус характеризуется способами заражения, инкубационным периодом, периодом наибольшей заразности инфицированных. На основе имеющихся знаний составляется протокол лечения, которое первое время в связи с отсутствием специализированных противовирусных препаратов производилось при помощи симптоматической терапии, разрабатываются профилактические рекомендации. В области общественного здравоохранения вводятся ограничения на поездки, карантин, приостанавливаются и закрываются различные предприятия, осуществляется мониторинг ситуации на рабочих местах, внедряются системы тестирования и отслеживание контактов инфицированных. С конца 2020 года регистрируются ряд вакцин против COVID-19, разработанные в различных странах, которыми осуществляется массовая вакцинация. Мутации вируса SARS-CoV-2 породили множество штаммов (вариантов) с различной степенью инфекционности и вирулентности.

Пандемия стала причиной серьезных социально-экономических последствий. Она повлекла за собой перенос или отмену многочисленных культурных, спортивных, политических и религиозных мероприятий. Повсеместная задержка поставок, обусловленная снижениями производства, сбоями в работе заводов и логистических операциях, а также нехваткой рабочей силы, усугубилась паническими закупками, которые, в свою очередь, были вызваны ощущением угрозы дефицита, страхом перед неизвестным и

социально-психологическими факторами, что в совокупности повлекло за собой нехватку товаров социального значения.

Работодателям пришлось действовать в сложных и меняющихся условиях. По мере развития пандемии все более распространенной среди офисных работников стала удаленная работа, особую популярность приобрели приложения для видеоконференций. У большинства сотрудников не было такого опыта, ни они, ни их организации не были готовы к подобной практике, что непреднамеренно привело к фактическому глобальному эксперименту в трудовой деятельности.

Пандемия Covid-19 сказалась на мировой экономике и как следствие глобальный экономический рост стал самым низким за последнее десятилетие, произошел обвал фондового рынка. Она вызвала рост бедности во многих странах, которого не наблюдалось в течение последних десятилетий. В связи с потерей сотен миллионов рабочих мест по всему миру увеличился и уровень безработицы.

Сфера общественного питания оказалась одной из самых пострадавших из-за ограничений, связанных с пандемией, которые в то же время привели к значительному скачку интернет-торговли и спроса на услуги доставки товаров. Длительный период карантина изменил приоритеты потребления.

Глобальный туристический коллапс нанес ущерб данному сектору экономики. Из-за ограничения передвижений внутри стран и закрытия границ между государствами произошло падение как внутреннего, так и международного туризма, большинство авиакомпаний в той или иной степени сократили количество внутренних и международных рейсов по причине резкого снижения спроса и запретов.

В рамках противодействия распространению пандемии школы, колледжи и университеты были закрыты либо по общенациональному, либо по местному распоряжению властей, что повлекло масштабный переход на дистанционное обучение, который, в свою очередь, спровоцировал ускоренный темп цифровизации всей системы образования как в России, так

и за рубежом и вскрыл ряд проблем сферы образования, анализу которых посвящены публикации отечественных ученых в области психологии и педагогики (Крамаренко, 2020, с. 47–51; Акай, 2022, с. 134–451).

Сложившаяся из-за пандемии ситуация, в частности, такие ее аспекты, как история и характеристика заболевания, деятельность властей по борьбе с эпидемией, прогнозы специалистов относительно дальнейшего развития событий, активно обсуждалась СМИ, тогда как критичность восприятия информации резко понизилась, что типично для времен потрясений (Карасик, 2020, с. 26, 31) и влечет за собой распространение дезинформации, которая наряду с объективными и достоверными фактами о пандемии Covid-19 оказала существенное влияние на облик современного, привычного для нас мира. Кроме того, ученые пытаются идентифицировать и прогнозировать вероятные модели постпандемического мироустройства (Багдасарян, 2020, с. 65–72), геополитические и геоэкономические последствия (Егоров, 2020, с. 35–43; Комлева, 2020, с. 51–56).

Пандемия повлияла на систему здравоохранения во многих аспектах, в частности, это проявилось в сокращении числа обращений за лечением от других заболеваний и посещений больниц, нехватке медикаментов, возникновении вопроса о необходимости соблюдать баланс между требованиями общественного здравоохранения и правами личности. Пандемия сказалась на психическом здоровье, усилив тревогу, депрессию и посттравматическое стрессовое расстройство. Это коснулось как пациентов и лиц, находящихся на карантине, так и медицинских работников, что способствовало становлению эпидемической психологии (Vakoch, Mickey, 2023), которая состоит из трех потоков, а именно: 1) эпидемия страха и подозрительности, которая подогревает панические настроения; 2) эпидемия морализации как стигматизация носителей болезни, которая подталкивает к избеганию, сегрегации и преследованию; 3) эпидемия действия как вынужденный и мучительный отказ от повседневных привычек (Пономарев, 2022).

Пандемия оказала определенное влияние и на язык, который служит отражением изменений в мире, что проявляется в появлении неологизмов и новых значений у существующих лексических единиц, причем возникновение слов и выражений, связанных с пандемией коронавируса, подтверждает значение данного события для современного общества (Катермина, Липириди, 2020, с. 171).

Лингвокреативной деятельности носителей русского языка в период пандемии посвящены работы отечественных ученых, в которых были определены ключевые слова эпохи коронавируса (Вепрева, Куприна, 2021а, с. 113–124; Вепрева, Куприна, 2021б, с. 91–100; Громенко, 2021а, с. 101–112; Громенко, 2021б, с. 138–149; Кронгауз, 2021, с. 150–161; Павлова, 2021в, с. 125–137), систематизированы наименования типов людей, выделившихся в условиях эпидемии и их жизненных норм и ценностей (Буцева, Зеленин, 2021, с. 162–213; Дягилева, 2021, с. 307–321; Ефремов, 2021, с. 254–264; Купина, 2021а, с. 74–83; Купина, 2022, с. 156–166), установлены словообразовательные модели и механизмы номинации, наблюдаемые в ковидной лексике (Воронцов, 2021, с. 430–438; Геккина, 2021, с. 338–354; Козырев, Черняк, 2021, с. 214–223; Левина, 2021, с. 419–429; Маринова, 2021, с. 322–337; Минеева, 2021, с. 388–405; Митурска-Бояновска, 2021, с. 406–418; Рацибурская, 2021, с. 355–377; Ридецкая, 2021, с. 378–387).

На материале английского языка отечественные лингвисты изучают единицы языка, непосредственно обозначающие само заболевание, в том числе принадлежащие официальной медицинской терминологии и обиходно-просторечной медицинской лексике, а также выражающие связанные с пандемией предметы и события, общественные нормы (Катермина, Липириди, 2020, с. 170–175). Экспрессивность неологизмов отражает социальную позицию их создателей по отношению к описываемым явлениям, а их иронический характер служит еще одним подтверждением того, что юмор является мощной психологической защитой, помогающей снизить устрашающий эффект пандемии.

Лексические новообразования коронавирусной эпохи мотивированы не только медицинским, но и экономическим, политическим дискурсами, а в особенности социальным, связанным с правами и свободами, самоопределением личности, политкорректностью, оптимизацией жизни, психотерапией и др. (Северская, 2020, с. 902), иными словами, неологизмы пандемии передают как социальные изменения глобального плана, так и частные особенности быта во время эпидемии, отражают коллективное восприятие новых реалий в различных областях мироустройства (Катермина, Липириди, 2022б, с. 13). Тематические группы связанных с пандемией неологизмов, выделенные В. В. Катерминой и С. Х. Липириди, отражают трансформации в экономике, политике, образовательной системе, социальных и личностных отношениях, что демонстрирует степень воздействия эпидемии на различные аспекты общественной и частной жизни, а также позволяют установить доминирующие противоположные направления восприятия ситуации коллективным самосознанием, как то: принятие и критика новых социальных норм, но в целом указывают на успех мобилизации общества в борьбе с заболеванием (Катермина, Липириди, 2022а, с. 102–103).

Лексика пандемии коронавируса обладает воздействующим потенциалом и создается представителями различных профессиональных групп для реализации своих интенций, состоящих в том, чтобы, формируя эмоциональный настрой адресата, использовать эпидемию в политических целях, сдерживать ее распространение или игнорировать ее последствия (Катермина, Липириди, 2021б, с. 267).

Сопоставительный анализ зафиксированных в сети Интернет лексических единиц русскоязычного и англоязычного ареала, представленного в речи жителей Великобритании, США, Австралии, Канады, Ирландии, Индии, ЮАР, показывает, что несмотря на региональную специфику, языковые средства, описывающие последствия распространения пандемии, обладают универсальным культурным характером, проявляющимся в стилистическом и семантико-аксиологическом сходстве,

которое, в свою очередь, указывает на общность когнитивных процессов представителей различных лингвокультур, идентичность восприятия пандемии, путей противодействия ей и приспособления к ее последствиям (Катермина, Липириди, 2021а, с. 56). Синхронический анализ связанных с пандемией неологизмов раскрыл разнообразие вызываемых ею социально-психологических реакций, к которым относятся эскапизм, зависимость от техники, идеологии самосовершенствования и феминизма, модификация личностных отношений, тогда как диахронический анализ продемонстрировал постепенный переход от алармизма и страха через спокойное восприятие эпидемии к чувству ностальгии по карантинному режиму (Катермина, Липириди, 2022а, с. 13).

Новая лексика эпохи пандемии изучается не только в социолингвистическом, дискурсивном и лингвокультурном, но и переводческом (Катермина, Липириди, 2022в, с. 147–155) и лингводидактическом (Коренева, Бычкова, 2022, с. 54–66) аспектах. На материале русского, английского, немецкого, польского, чешского, венгерского, арабского языков рассматриваются обусловленные пандемией процессы заимствования, интернационализации и глобализации лексического состава (Ленец, Лагажан, 2023, с. 68-83; Нефедова, 2021, с. 185–196; Нечаева, 2021, с. 439–452; Павлова, 2021а, с. 533–549; Павлова, 2021б, с. 453–469; Поляков, 2021, с. 508–523; Редкозубова, 2020, с. 193–200; Романик, 2021, с. 495–507; Янурик, 2021а, с. 524–532; Янурик, 2021б, с. 470–494; Камель, 2022, с. 102–108).

Влияние коронавирусной эпидемии на неологизацию и словотворчество на материале разных языков изучалось зарубежными лингвистами (Haddad, Montero-Martínez, 2020; Khalfan, Batool, Shehzad, 2020; Lawson, 2020; Al-Salman, Haider, 2021). Они отмечают скорость языковых изменений, скачкообразный и циклический характер неологизации в период эпидемии коронавируса (Gębka-Wolak, 2020), а одной из причин появления новых слов

во время пандемии считают необходимость заполнения социальной пустоты (Khalfan, Batool, Shehzad, 2020, p. 126).

Но возникновение особых языковых единиц является не единственным проявлением влияния пандемии. Проникновение пандемических маркеров охватывает различные подсистемы языка. Лингвистической репрезентации эпидемии коронавируса посвящены работы отечественных ученых, где на материале русского, английского, немецкого языков рассматриваются вызванные ею метафорические процессы, как происходящие при образовании новых слов, так и служащие для создания экспрессивности речи (Козловская, 2021, с. 264–253; Купина, 2021б, с. 224–233; Приемышева, 2021а, с. 65–306; Трофимова, 2022, с. 57–71; Бабаева, 2023, с. 349–351), антипаремии пандемии коронавируса (Вальтер, Мокиенко, 2021, с. 563–572; Бажайкин, 2022, с. 66–68), ковидный фольклор (Приемышева, 2021, с. 550–562), ковидный юмор (Манукян, Трофимова, 2022, с. 218–234) разновидности сообщаемой о пандемии информации (Карасик, 2020, с. 26), связанные с нею аксиологические понятия (Shiryayeva, Katermina, Golubovskaya, Mekeko, 2023, с. 145–168), закономерности создания фейковых сообщений о пандемии (Monogarova, Shiryayeva, Tikhonova, 2023, с. 543–569), причем изучение последних способствует разработке не только эффективных методов выявления дезинформации, но комплекса мер борьбы с нею (Ширяева, 2024, с. 387).

Ряд зарубежных ученых указывают на наблюдаемую в период пандемии «медиализацию быденного языка» (Thorne, Gębka-Wolak, 2020; Cierpich-Kozieł, 2020; Tervonen, 2020 и др.), заключающуюся в принятии и массовом употреблении в повседневном дискурсе лексики медицины и здравоохранения. В результате слияния институциональных (государственных, здравоохранительных, медицинских) СМИ и социальных сетей, где с головокружительной скоростью осуществлялся обмен информацией и ее адаптация (Tran, 2013, p. 224; Jalonen, Kokkola, 2020), произошла популяризация специализированной терминологии, а новостные

информационные каналы сыграли ключевую роль в ее продвижении в массы (Schönhöfer, 2020). Британский лингвист и лексикограф Т. Торн выделил три фазы развития английского «корона-языка»: 1) медиализация повседневной лексики; 2) изобретение собственных слов для обозначения новой реальности; 3) использование властями языка политического дискурса для стратегического строительства нового мира (Thorne, 2020).

Итак, перейдя в статус пандемии, коронавирусная инфекция распространилась по планете, создав при этом беспрецедентную угрозу здоровью миллионов жителей. Ковид привел к массовой панике населения, показал экономическую, социальную и информационную незащищенность, подорвал устои обыденной жизни, нарушил мировую экономику и торговлю. Противостояние эпидемии COVID-19 нашло отражение в средствах массовой информации, в бытовом общении и в институциональной коммуникации, где активно обсуждались различные аспекты данной темы, что, в свою очередь, пополнило словарный состав языка новыми единицами, которые получили разностороннюю лингвистическую характеристику в научных трудах и закрепились в лексикографических источниках. В частности, специализированный словарь коронавирусной эпохи насчитывает более 3500 слов и выражений, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020 – 2021 гг. (Словарь русского языка коронавирусной эпохи, 2021), отличающихся эмоциогенностью, стилистической маркированностью, социальной значимостью, динамичностью, метафоричностью (Маджаева, Кислякова, 2022, с. 146–147). Зарубежные ученые разрабатывают глоссарии коронавирусной лексики (Belhaj, 2020; Cierpich-Kozieł, 2020), создают новые языковые корпуса, где собраны текстовые массивы, содержащие посвященные пандемии коронавируса материалы (например, корпус Дэвиса, корпус Марка Лазинского, cOWIDplus Viewer), а также обновляют существующие (подкорпус Covid-19 в корпусе Sketch Engine). С их помощью возможно определить частоту встречаемости единиц так называемого «корона-языка», являющегося частью «коронавирусной культуры» (Alyeksyeyeva, Chaiuk,

Galitska, 2020, p. 203), использовать полученные данные для лексикологического анализа, создания неологических словарей.

Исследование, проведенное Е. В. Мариновой, свидетельствует о том, что в словарном фонде русского языка четкие контуры приобрела новая лексико-семантическая микросистема, которая включает в себя тематические группы слов различных частей речи и устойчивых сочетаний, связанных с пандемией, вирусом и заболеванием, медицинскими мерами по борьбе с болезнью и заражением, режимом ограничений и образом жизни в коронавирусный период. При этом между элементами данной микросистемы наблюдаются отношения полисемии, антонимии, синонимии, а также гиперонимогипонимические отношения (Маринова, 2021, с. 322–323, 336–337). В немецком языке по состоянию на август 2020 года были зафиксированы 595 новых лексем, в том числе существительные, глаголы, прилагательные, включая новообразования, заимствования и устойчивые сочетания слов (Никитина, Гудкова, 2020, с. 125). События и явления коронавирусной эпохи не только порождают лексические номинации, но и детерминируют интерпретацию других, нейтральных по отношению к этому контексту, единиц языка, которые в силу различных ассоциаций группируются вокруг узловых точек, образованных актуальными ключевыми словами пандемийной тематики (Белецкий, Автаева, Кузьмичева, Чудинова, 2022, с. 1660).

В научной литературе, посвященной репрезентации пандемии в языке и речи, стал появляться термин «пандемический дискурс», который постепенно закрепился в терминосистеме дискурсологии. Одни ученые оперируют данным понятием при характеристике различных лингвистических аспектов пандемии, но не предлагают ни его определения, ни характеристики, т.е. считают его существование в сложившихся обстоятельствах очевидным и бесспорным. В частности, рассматриваются метафоры пандемического дискурса немецких средств массовой информации (Трофимова, 2022, с. 57–71), персуазивное воздействие в пандемическом дискурсе бывшего канцлера Германии А. Меркель (Бажайкин, 2020, с. 54–56), речевые тактики в

пандемическом дискурсе немецких и французских СМИ (Дзвоник, Мифтахова, 2021, с. 158–161; Мифтахова, 2021, с. 82–88), заимствованные и семантические неологизмы арабского пандемического дискурса (Камель, 2022, с. 102–108). Другие ученые не ограничиваются использованием только данного термина, но и выделяют некоторые свойства пандемического дискурса и устанавливают их взаимодействие и взаимовлияние (Бредихин, 2022, с. 8–24; Бредихин, Ледович, 2022, с. 25–61; Бредихин, Бредихина, 2022, с. 62–85).

Наряду с регулярно употребляемым термином «пандемический дискурс», “pandemic discourse” (Sunalini, Nair, Sumalatha, Merugu, Slathia, Kumari, 2022, p. 4771), используются наименования «пандемийный дискурс» (Белецкий, Автаева, Кузьмичева, Чудинова, 2022, с. 1657), «дискурс пандемии» (Бредихин, 2022, с. 17; Бредихин, Ледович, 2022, с. 25; Бредихин, Бредихина, 2022, с. 62), а также «дискурс о пандемии» (Никитина, Гудкова, 2020, с. 125; Камель, 2021, с. 90), свидетельствующее о его тематическом характере, и «дискурс коронавирусной пандемии» (Ширяева, 2022, с. 109), «пандемический коронавирусный дискурс» (Синельникова, Селезнева, 2022, с. 94), «дискурс пандемии коронавируса» (Касаткин, 2023, с. 137) “corona discourse” (Alexander, 2021, p. 18), конкретизирующие тематический вид пандемического дискурса.

Принимая во внимание изложенные выше факторы, а именно: резонансность сложившейся экстралингвистической ситуации, лингвокреативную реакцию на нее носителей разных языков и закрепление результатов лингвокреативной деятельности в языковой системе, активное обсуждение темы в различных сферах общения, появление в научном обиходе понятия пандемического дискурса и обозначающих его терминов, а также попытки ученых описать отдельные черты самого явления, совершенно правомерно говорить о существовании в дискурсивном пространстве пандемического дискурса, который представляет собой форму коммуникации,

связанную с эпидемией и ее последствиями, и обладает набором типологических признаков.

Пандемический дискурс выделяется на основе тематического критерия, при этом понятие «дискурс» трактуется как совокупность тематически соотнесенных устных и письменных вербальных манифестаций, отражающих идеологию или мышление определенной эпохи. Его возникновение обусловлено резонансностью события, которое меняет на глазах картину мира и служит триггером, запускающим общественную реакцию, став темой для обсуждения. Язык реагирует на все возбудители резонансного события, происходит конструирование нового дискурса, участники, время, место, условия, цель и длительность которого будут зависеть от значимости прецедента. В процесс когнитивно-языковой обработки потока новой информации включаются представители всех сегментов общества: политики, медики, журналисты, интернет-пользователи различных категорий, рядовые граждане, что наглядно видно на примере актуализации прецедентных онимов, и таким образом происходит стремительное формирование очередного пандемического дискурса (Синельникова, Селезнева, 2022, с. 94–96). Возвращение темы пандемии в поле коммуникации на протяжении истории и повышение ее актуальности в связи со вспышками той или иной инфекции позволяет либо говорить о множестве пандемических дискурсов, либо конкретизировать пандемический дискурс в зависимости от возродившего его заболевания (пандемический дискурс чумы, испанки, тифа, коронавируса и т.п.).

Пандемический дискурс, возрождение которого произошло на глазах у ныне живущего поколения, представляет собой социолингвистическую реальность, обусловленную коронавирусом кризисом (Sunalini, Nair, Sumalatha, Merugu, Slathia, Kumari, 2022, p. 4778), в нем конкурируют формы экспертных знаний, данных и нарративов о том, как понимать болезнь, науку и общество в условиях колоссальной неопределенности (Fukuda-Parr, Mahajan, Frazier, 2020). Иными словами, на сегодняшний день дискурс прецедентного

мира «COVID-19», охватывая различные виды коммуникативных практик, является наиболее репрезентативным, при этом различные факторы объективного и субъективного, национального и интернационального модифицирования оказывают влияние на изменение и обновление глобальной картины мира (Бредихин, 2022, с. 10, 18).

С. Н. Бредихин полагает, что пандемический дискурс представляет собой сложное топикально детерминированное образование эпизодического характера, совмещающее в себе контаминированные характеристики институциональности и персональности, обладающее транснациональным статусом (Бредихин, 2022, с. 19–20). При этом институциональные признаки данного вида коммуникации, обусловленные контекстом ситуации дискурсопостроения, весьма специфичны по причине наличия третьей регулирующей инстанции (государства, надзирающих органов и т.п.), что определяет пограничный характер институционального пандемического дискурса, когда наблюдается парадоксальная ситуация диссонанса коммуникативных действий: должностное лицо остается в рамках статусно-ролевых отношений, а клиент переходит в личностно-ориентированный тип общения, кроме того и должностное лицо, и клиент испытывают регулятивное влияние третьего дистантного контркоммуниканта – социального института, нормирующего в том числе и коммуникативное поведение в условиях кризисного реагирования на социально-исторические условия (Бредихин, Бредихина, 2022, с. 63, 80).

Неоднородность структуры пандемического дискурса при топикальном единстве находит репрезентацию в контаминации в нем медицинского профессионального институционального дискурса и персонально-ориентированного общения на бытовом уровне, которая проявляется в соседстве объективного информирования с повышением психоэмотивной значимости пандемических феноменов (Карасик, 2020, с. 31). Полидискурсивность пандемического дискурса является ключевым фактором, детерминирующим не только выбор в нем уже существующих стратегий и

тактик для воздействия на коллективного адресата сообщения и влияния на общественное мнение в отношении описываемых событий, но и появление новых, основанных на современных реалиях, таких как: создание психологического напряжения, ирония и юмор, косвенное негативное оценивание, формирование волюнтаристического пространства «жалости» к «жертвам» коронавируса, стимуляция логического рассуждения, манипулирование (Бредихин, Ледович, 2022, с. 25, 61).

Исследуя метафорическое моделирование эпидемии на материале русских и немецких СМИ, Н. П. Тарасова выделяет дискурс подъема эпидемии и дискурс спада, для которых характерна, соответственно, информирующая и воздействующая функции, поскольку в первом адресату предъявляются новые сведения, а во втором сообщается о контроле эпидемии, организации противоэпидемических мероприятий (Тарасова, 2013, с. 4). Однако, на наш взгляд, воздействующая функция сопутствует пандемическому дискурсу на всех стадиях развития, при этом ее вектор может изменяться в ту или иную сторону в зависимости от изменения эпидемической ситуации, что будет подробно рассмотрено во второй главе работы.

Обобщая изложенные выше точки зрения, а также собственные наблюдения и выводы (Склярова, Лаврухина, 2023, с. 41), попытаемся охарактеризовать типологические признаки и конфигурацию пандемического дискурса.

Будучи резонансным тематическим типом, пандемический дискурс отличается набором таких параметров, как время, место, участники, условия, цель и способы общения. Одной из его особенностей служит то, что он имеет формальную и неформальную стороны, каждая из которых включает в себя текст и контекст и обладает особыми стилистическими характеристиками, отражающими специфику коммуникации в конкретной ситуации. Вслед за Н. Г. Скляровой мы полагаем, что пандемический дискурс, как и любой тематический вид дискурса – монархический, туристический, футбольный и др. (Склярова, 2020, с. 48; Склярова, 2023, с. 166; Склярова, 2024, с. 69),

существует в институциональной, персональной и медийной формах. Институциональный пандемический дискурс представляет собой профессиональную коммуникацию в рамках заданных статусно-ролевых отношений между врачами и пациентами, а также между самими медицинскими работниками, учеными-вирусологами, инфекционистами, эпидемиологами и т.п. Персональный пандемический дискурс включает в себя общение между людьми, которые на бытовом уровне обсуждают эпидемию и высказывают свое мнение по поводу сложившейся ситуации. Медийный пандемический дискурс включает в себя освещение событий, связанных с распространением эпидемии и борьбой с ней, в периодических печатных изданиях, сетевых изданиях, телеканалах, радиоканалах, телепрограммах, радиопрограммах, видеопрограммах и иных формах периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием. В нем участвуют как специалисты и эксперты в данной области, так и рядовые граждане, а также политики, представители власти, журналисты, знаменитости. Таким образом, участники пандемического дискурса варьируются в зависимости от типа коммуникации. Места реализации пандемического дискурса также зависят от его разновидности. Институциональный пандемический дискурс ассоциируется с госпиталями и больницами, лабораториями, обрабатывающими тесты на наличие инфекции, научными мероприятиями, посвященными ее изучению, исследовательскими институтами, занимающимися разработкой вакцин и лекарств. Персональный пандемический дискурс не имеет определенной локации, поскольку может возникнуть где угодно – дома, на работе, в общественном транспорте и других местах. Медийный пандемический дискурс осуществляется в перечисленных выше средствах массовой информации.

Что касается условий его возникновения, то к ним следует отнести появление инфекции, не поддающейся традиционному лечению, ее стремительное и масштабное распространение, высокую смертность от вызываемых ею осложнений, а также озабоченность людей происходящим и

поиск способов остановить эпидемию. В связи с тем, что такие условия наблюдаются довольно редко, пандемический дискурс не обладает четкими временными параметрами и зачастую остается в рамках медицинского. Иными словами, он не отличается периодичностью, систематичностью, регулярностью, предсказуемостью, а возникает стихийно и сопровождает пандемию на протяжении всего периода ее существования. Наконец, целью пандемического дискурса является борьба с эпидемией на всех уровнях: профессиональном и обывательском, коллективном и индивидуальном, государственном и личном.

Пандемический дискурс охватывает обсуждение широкого спектра проблем, связанных с социальными, политическими, экономическими и медицинскими последствиями пандемии. К социальным вопросам относятся влияние пандемии на поведение людей, психическое здоровье, привычки, социальные взаимодействия, систему образования, обострение неравенства, уязвимость определенных слоев населения, доступность здравоохранения. Политические вопросы включают в себя принимаемые властями меры, чтобы взять ситуацию под контроль, поиск баланса между вводимыми ограничениями и нарушениями гражданских прав и свобод. Экономические вопросы связаны с оценкой воздействия, оказываемого пандемией на соответствующую сферу, нахождением равновесия между сдерживанием вируса и поддержанием экономической стабильности. Научные вопросы касаются изучения вирусов, способов их распространения и мутаций, а также разработку вакцин и лекарств. Медицинские вопросы затрагивают подходы к лечению заболеваний, профилактике и организации здравоохранения в условиях пандемии. В результате обсуждения перечисленных вопросов формируется понимание того, как общество реагирует на угрозы здоровья, и как эти угрозы могут изменить различные аспекты жизни. В частности, дискурс пандемии коронавируса показал сложность и многогранность вызовов, с которыми столкнулось человечество в последние годы, продемонстрировал необходимость комплексного подхода к решению проблем

общественного здравоохранения, подчеркнул важность сотрудничества, гибкости и готовности к адаптации в условиях быстро меняющейся реальности.

На наш взгляд, среди трех разновидностей пандемического дискурса именно медийная является наиболее влиятельной и всесторонне отражающей ситуацию, сложившуюся в связи с распространением коронавируса. Кроме того, именно благодаря информационной, оценочной и воздействующей функциям СМИ формируется общественное мнение, и внимание реципиентов концентрируется на тех или иных аспектах пандемии. Идеи, мнения, знания, представления, начиная с версий о происхождении коронавируса и заканчивая прогнозами о завершении эпидемии, распространяются в медийном пандемическом дискурсе, который равным образом способствует их возникновению и воспроизведению. Средства массовой информации способны в высокой степени определять отношение и позицию к карантинным мерам, вакцинации, что является очень важным в противодействии пандемии и служит инструментом социального контроля (Pollock, Vakoch, 2023). Аналогичную точку зрения высказал С. Н. Бредихин, считающий медийный дискурс наиболее значимым полем трансляции информации о пандемии (Бредихин, 2022, с. 21). В нем наблюдаются признаки научно-популярного медицинского дискурса – прагматически ориентированного способа вербализации научной информации (Уткина, 2006, с. 3).

Материализуясь в медийных текстах, пандемический дискурс освещает реалии происходящего, описывает консеквенции в различных сегментах и сферах здравоохранения, политики, экономики, образования, спорта и культуры, делает более ясной эпидемическую ситуацию, дает характеристику переменам в обществе, в то время как функционирующие в нем языковые единицы предназначены раскрыть специфику запечатленной реальности.

Для медийного пандемического дискурса характерны публикации, которые содержат статистические данные об инфицировании COVID-19 в различных странах и в целом по всему миру; информируют об

ограничительных мероприятиях, вводимых отдельными странами или федеральными и региональными органами управления для борьбы с вирусом; предлагают точки зрения экспертов в отношении способов передачи инфекции, средств терапии, профилактики заболевания и т.д. Пристальное внимание СМИ направлено также на меры поддержки органами здравоохранения государственных предприятий и частного бизнеса, регионов с наибольшими трудностями, а также отдельных групп населения, наиболее уязвимых и нуждающихся в поддержке.

Тема пандемии не только строит новое дискурсивное пространство и концентрирует вокруг себя разные виды дискурса (медицинский, научный, медийный, бытовой, и т.д.), но и оказывает влияние на другие дискурсы, например, нефтегазовый (Чанышева, 2022, с. 86–100), туристический (Склярова, 2023, с. 166), футбольный (Склярова, 2024, с. 73), которые в кризисной коммуникации попадают под сильное влияние тенденций, действующих в медиасфере, что проявляется в обсуждении в них несвойственных им ранее тем, обострении тем существующих, а также появлении специфических языковых единиц. В свою очередь, пандемическое дискурсивное пространство подвергается дальнейшей дифференциации, в нем выделяются, в частности, этико-пандемический дискурс, под которым понимается обсуждение этических проблем, обусловленных вызовами пандемии и опытом жизни в ее условиях (Апресян, 2022), пандемийный политический медиадискурс, который обладает набором формальных, микротекстуальных и макротекстуальных признаков (Адащик, 2024, с. 9–10). Исследование языковой репрезентации пандемии в социальных сетях государственных лидеров также свидетельствует о том, что пандемический дискурс взаимодействует с политическим и блогowym (Ширяева, Триус, 2022, с. 77–85).

Перечисленные факты служат проявлением такого явления как гибридизация дискурса, понимаемого как взаимодействие нескольких типов дискурса, каждый из которых модифицирует, приобретает и компилирует

специфические черты другого, но при этом не теряет своей индивидуальности. Соответственно, гибридный дискурс, интегрируя в себе идеологию и терминологию двух и более дискурсов, генерирует цельное дискурсивное, языковое и когнитивное пространство. К. А. Наумова и О. А. Солопова выдвинули радикальную точку зрения, согласно которой типологическая принадлежность конкретной разновидности дискурса является не абсолютной, а относительной величиной, устанавливаемой на основании преобладающих черт, тогда как взаимопроникновение и интеграция характеристик тех или иных типов дискурса порождает качественно новый формат дискурса, не сводимый к сумме его составляющих (Наумова, Солопова, 2018, с. 16).

Сфера медиа является наиболее продуктивной с точки зрения дискурсивной гибридизации (Силанова, 2016), в медийном пространстве, которое в современном мире представляет собой расширенную сеть информационно-коммуникационных каналов, присутствует не один, а целое множество дискурсов (Гапутина, 2019). В исследованиях отечественных лингвистов уже выделены и описаны такие гибридные дискурсы, как юридический медиадискурс (Силанова, 2016), экономический медиадискурс (Губик, 2006), военно-публицистический дискурс (Наумова, 2021), медиадискурс моды (Гапутина, 2019), что свидетельствует о политематичности современного медиадискурса, обуславливающей широкий набор текстотипов (Кузнецова, 2019, с. 273). А. Ю. Рогозин читает, что гибридизации подвержены институциональные дискурсы, взаимодействие которых начинается на когнитивном уровне с взаимодействия ментальных пространств, а после проявляется на уровне текста (Рогозин, 2020, с. 162–163). К гибридным исследователи относят автомобильный (Рогалева, 2014), учебный компьютерный (Ильющеня, 2008), туристический (Филатова, 2014), военно-политический (Наумова, 2021) дискурсы.

В нашем понимании пандемический дискурс относится к гибридным, поскольку отвечает трем выделенным В. А. Гапутиной параметрам гибридности (Гапутина, 2019). Во-первых, он обладает собственными

дискурсивными характеристиками, детерминированными, прежде всего, тематикой общения; во-вторых, он имеет свойства, обусловленные спецификой медиасферы, присущие любому медиадискурсу; в-третьих, он допускает включения элементов иных дискурсов, таких как медицинский, научный, экономический, инкорпорированных в структуру медиасреды, а также взаимодействующих с пандемическим дискурсом в институциональной и бытовой плоскостях.

Интеграция пандемического и экономического дискурсов обусловлена воздействием пандемии на различные сферы экономики. Интеграция пандемического и научного дискурсов обусловлена проведением исследований вызвавшего эпидемию вируса, разработкой препаратов и вакцин. Интеграция пандемического и политического дискурсов обусловлена введением властями ограничительных мероприятий для того чтобы остановить распространение эпидемии. Интеграция пандемического и медицинского дискурсов обусловлена влиянием эпидемии на систему здравоохранения, здоровье населения, принадлежностью тематики эпидемии к сфере медицины, где описываются заболевание, диагностика, лечение и профилактика, необходимостью обращаться за медицинской помощью и ее профессиональным оказанием в специализированных медицинских учреждениях. Все перечисленное выше находит вербальную репрезентацию в коммуникации.

Медицинский дискурс является областью профессионально-коммуникативного взаимодействия между медицинскими работниками и пациентами, т.е. относится к институциональному типу, основанному на статусно-ролевых отношениях. Вступая в медицинскую коммуникацию, врач идентифицирует себя как лицо, которое, представляя определенный социальный институт, обладает предоставленной ему властью и ведет соответствующий формат общения (Жура, 2008, с. 27). Врачи владеют профессиональными компетенциями, которые проецируются на языковую компетенцию, что проявляется в насыщенности их речевых актов

медицинскими терминами. Все это позволяет им в значительной степени осуществлять контроль над коммуникацией и поведением пациента. Медицинский дискурс включает в себя совокупность вербальных и невербальных структур, прагматическая цель использования которых состоит в оказании квалифицированных медицинских услуг (Маджаева, 2013, с. 56), поэтому основными стратегиями рассматриваемого дискурса служат диагностика, профилактика, лечение, рекомендации, которые реализуются с помощью определенных тактик, влияющих на эмоциональный фон пациента (Барсукова, 2007). Помимо институциональной формы медицинский дискурс также имеет место в медийной сфере, в частности, в медицинских публикациях в профессиональном и научно-популярном форматах, включающих в себя элементы рекламного дискурса (Календр, 2017).

Взаимодействие пандемического и медицинского дискурсов в медиасреде позволила последнему занять приоритетное место на всех медийных площадках, тогда как традиционный медицинский текст, призванный информировать о проблеме, отличающийся однообразным, строгим, терминологически насыщенным неэкспрессивным стилем изложения, эволюционировал в сторону публицистического текста, направленного на убеждение и воздействие (Расчепеева, Семейкина, Стеблецова, 2020). Взаимодействие пандемического и медицинского дискурсов в институциональной плоскости проявляется в общности участников коммуникации, таких как медицинские работники, практикующие врачи, специалисты в области медицины и пациенты. Вместе с тем, круг лиц, участвующих в обсуждении сложившейся ситуации, в пандемическом дискурсе гораздо шире, тогда как пространственная локализация пандемического дискурса не ограничивается специализированными медицинскими учреждениями, а сама ситуация помимо медицинского имеет и другие аспекты социального, экономического и политического характера. Данный факт, в свою очередь, обуславливает больший тематический охват пандемического дискурса по сравнению с медицинским, что проявляется в

языковом различии между ними. Кроме того, задачи медицинского дискурса, состоящие в оказании квалифицированных медицинских услуг, способствуют реализации цели пандемического дискурса, заключающейся в борьбе с эпидемией в том числе и через диагностику и лечение. Что касается взаимодействия пандемического и медицинского дискурсов в бытовой плоскости, то оно проявляется в проникновении в повседневное общение специализированной медицинской терминологии и обсуждении связанных с эпидемией медицинских проблем, таких как готовность системы здравоохранения, долгосрочные последствия для здоровья, эффективность оказываемой профессиональной помощи, на основе информации, полученной из различных источников и личного опыта.

Под экономическим дискурсом вслед за Т. А. Евтушиной и Н. А. Ковальской мы понимаем совокупность речевых актов в сфере экономики, а также созданные профессионалами, неспециалистами и журналистами устные и письменные тексты или их фрагменты, которые отображают реалии экономического мира. Его цели состоят в информировании о состоянии экономики, направлениях ее развития, уровне жизни населения, освещении событий в экономической жизни общества, формировании к ним определенного отношения и побуждении к определенным действиям. В зависимости от сектора экономики в рамках экономического дискурса формируются и соответствующие субдискурсы: финансовый, бухгалтерский, налоговый, деловой (Евтушина, Ковальская, 2014, с. 44).

Взаимодействие пандемического и экономического дискурсов в медиасреде проявляется в освещении целого комплекса ключевых проблем, с которыми соприкоснулись государства и рядовые граждане за время пандемии. Первостепенными стали такие темы, как закрытие или приостановка работы предприятий, спад производства, рост безработицы, срывы цепочек поставок, экономический кризис, снижение благосостояния населения, борьба с бедностью, меры государственной поддержки бизнеса и

населения, иными словами, социально-экономические явления бытия рассматриваются сквозь призму пандемии коронавируса (Арутюнян, 2020, с. 73, 82). Благодаря взаимодействию пандемического и экономического дискурсов в институциональной плоскости расширяется и состав участников коммуникации, ищущих способы противостоять экономическим последствиям пандемии, кроме того, вызванные эпидемией экономические проблемы активно обсуждаются на бытовом уровне.

Научный дискурс представляет собой форму коммуникации в научном сообществе для получения и трансляции в вербальной форме нового знания как результата познавательной деятельности ученого. Он относится к институциональным дискурсам, поскольку осуществляется представителями научного сообщества в пределах какой-либо научной школы и тесного сотрудничества с различными научными организациями, которые являются топосом его реализации. К его ключевым характеристикам относят объективность, некатегоричность, логичность, обобщенность, доказательность, ясность, точность, диалогичность, регламентированность, структурированность, абстрактность, агональность, полемичность, интертекстуальность (Мордовина, Воякина, Королева, 2019, с. 368; Орлова, Каракчиева, 2021, с. 528).

Взаимодействие пандемического и научного дискурсов в институциональной плоскости наблюдается в ходе исследовательской деятельности, направленной на выявление путей распространения инфекции и поиск эффективных способов противодействия ей. Взаимодействие пандемического и научного дискурсов в медиасреде, обусловленное активным интересом населения к эпидемии, позволило последнему выйти за рамки специализированных научных текстов и переориентироваться на представление научного знания, связанного с исследованиями вируса, принципами разработки вакцин и медикаментов, а также различными экспериментами в доступной для не имеющих специального образования людей форме. Перечисленные проблемы проникают и в сферу персонального

общения, где в зависимости от уровня образования и владения информацией обсуждаются с различной степенью компетентности.

Пандемический дискурс взаимодействует с политическим в институциональной плоскости через указы, законы, нормативные акты, издаваемые международными организациями, министерствами здравоохранения и другими государственными правительственными органами федерального и регионального уровня, вынужденными реагировать на чрезвычайную ситуацию. Эффективность предпринимаемых властями мер, включающих в себя ограничения на передвижение, обязательное ношение масок, локдаун, внедрение вакцин, выходит на обсуждение как в медиа-, так и в персональной коммуникации, вследствие чего ее участники принимают определенную позицию.

Итак, пандемический дискурс представляет собой особую коммуникативную среду, сформированную под воздействием социокультурных, прагматических, психологических и других факторов, обладающую набором специфических признаков, отличающих его от других типов дискурса, а также способствующих его интеграции с ними.

1.3. Пандемический дискурс в свете семиотики, лингвистики универсалий и теории вариативности

Среди различных подходов к анализу дискурса выделяется лингвосомиотический, который позволяет понимать любой его тип как сложное коммуникативное явление, включающее в себя процессы производства и восприятия сообщений на фоне социального контекста и дающее представление об участниках коммуникации, их целях, действиях и качествах, эксплицируемых с помощью вербальных знаков (Филиппова, 2014, с. 167) – двусторонних единиц языка, репрезентирующих различные фрагменты действительности.

Под семиотикой сегодня понимают научную дисциплину, изучающую общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и передающих информацию, будь то системы, действующие в человеческом обществе (главным образом язык, а также некоторые явления культуры, обычаи, обряды и т.д.), в природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (например, зрительное или слуховое восприятие) (Степанов, 1998, с. 440).

Понятие «знаковая система» является ключевым в семиотике, тем не менее, до сих пор не существует такой дефиниции знака, которая удовлетворяла бы всех ученых. Одну из первых попыток определения данного термина предпринял Ф. де Соссюр, который, называя знаком комбинацию понятия и акустического образа, отмечал при этом, что в общем употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ, например, слово (Соссюр, 1999, с. 68). Причины различия в понимании сущности понятия знака следует искать, вероятно, в возможности рассмотрения данного феномена в разных аспектах, в поисках его смысла исходя из его связи как с внешним миром (окружающей нас действительностью и деятельностью, направленной на ее преобразование), так и внутренним миром (психологическими и интеллектуальными особенностями личности). Существует множество представлений о знаке: как минимальном носителе языковой информации, материально выраженной замене предметов, явлений, понятий (Лотман, 2004), репрезентанте воспринимаемого объекта (Моррис, 2011; Пирс, 2000). А. А. Уфимцева определяет знак как материально-идеальное образование, представляющее собой единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и чувственно воспринимаемой формы (означающего), используемое для репрезентации предмета, свойства и отношения действительности (Уфимцева, 1998, с. 167).

Значение любого знака характеризуется также с точки зрения трех уровней знаковой системы, а именно: синтаксического, семантического и прагматического. На синтаксическом уровне рассматриваются отношения

знаков друг к другу в процессе построения речи. На семантическом уровне рассматриваются отношения знаков и смыслов, которыми они наделены, и происходит их интерпретация. На прагматическом уровне рассматриваются языковые знаки с позиций коммуникантов (Степанов, 1998, с. 441).

Любая знаковая система может быть реализована только при социальном взаимодействии, поскольку именно общество придает смысловое наполнение тому или иному знаку. В социуме существует огромное количество знаковых систем, при этом, процесс смыслопорождения имеет место лишь в ситуации семиотического многоязычия (Янушкевич, 2011, с. 282–289).

Будучи сложным социальным явлением, тесно связанным с сознанием, историей человечества, культурой и когнитивными процессами, естественный язык в то же время выступает в качестве важнейшей семиотической системы (Крысин, Швейцер, 1998, с. 606). Язык считается образцом знаковости, уникальной по своей универсальности знаковой системой, тогда как остальные семиотические явления измеряются по его образцу (Рождественский, 1997, с. 56–57). Он также выступает как результат культурно-исторического развития общества, как сложное социальное явление, несущее в себе информацию о его носителях. Сказанное выше позволяет использовать широкий и узкий подходы к пониманию языка как знаковой системы. В широком значении он определяется как максимально обобщенное понятие, т.е. определенный класс знаковых систем, в узком значении он выступает как «реально существующая знаковая система, используемая в данном социуме, в данное время, на данной территории» (Кибрик, 1998, с. 604). Оба подхода не исключают возможности деления языка, как и любой другой семиотической системы, на составляющие элементы, которыми служат языковые знаки.

Несмотря на то, что знак – явление противоречивое, со сложной структурой и связями, можно выделить некоторые параметры, определяющие его природу. Главный из них состоит в наличии двух способов означивания

языкового знака, а именно: семантического, порождаемого речью и принадлежащего к миру высказывания, и семиотического, придающего знаку статус целостной единицы (Никитина, 2006, с. 59). Тем не менее, природа человеческого общения в рамках разных функциональных стилей такова, что говорящие (пишущие) нередко переходят на метасемиотический уровень, выходя за пределы семиотического и семантического соотношения выражения и содержания, когда выражение приобретает новое содержание, либо содержание получает новое выражение (Назарова, 2003, с. 18).

Языковой знак также характеризуют следующие особенности: 1) disembodiment / displacement (Akhmanova, Idzelis, 1979); 2) arbitrariness / agreement (Akhmanova, 1977); 3) singularity (Akhmanova, Nazarova, 1988, с. 89–94). Под первым свойством понимается незакрепленность некоторого звучания за некоторым предметно-вещественным содержанием. Под вторым свойством подразумевается возникновение языкового знака в результате общественного договора как произвольного единства некоторого общекатегориального содержания и определенного лингвистического выражения. Третье свойство предполагает тождественность единственно себе каждой имеющей определение, свободной от любого предметно-вещественного значения единицы, встроенной в систему подобных единиц. Ф. де Соссюр считал, что языковой знак отличается от других произвольностью, линейностью, неизменчивостью и изменчивостью. В частности, он произволен, т.е. не мотивирован, поскольку не связан внутренними отношениями с объектом обозначения за исключением редких случаев, например, ономастопеи. Линейность языкового знака доказывается через протяженность обозначающего во времени. Противоречащие друг другу признаки языкового знака – неизменчивость и изменчивость – связаны с относительной устойчивостью языковой нормы, с одной стороны, и непрерывным развитием и модифицированием языка, с другой. В конце концов, оба эти явления взаимно обусловлены: знак подвержен изменению, именно потому, что он активно используется. При всяком изменении

отношения между означающим и означаемым преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала (Соссюр, 1999, с. 74).

Будучи средством наименования, языковые знаки являются единицами номинации, под которой понимается возникновение языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них. Обладая не только динамическими, но и статическими параметрами, этот термин может обозначать как процесс номинации, так и его результат, т.е. само наименование – значимую языковую единицу (Гак, 1977, с. 232). Термин «номинация» употребляется также для названия раздела языкознания, рассматривающего структуру актов наименования (Телия, 1998, с. 336). В этом значении он синонимичен ономазиологии, которая определяется как «один из двух разделов семантики, изучающий все единицы языка с точки зрения осуществления ими номинативной функции по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами» (Кубрякова, 1998, с. 345).

По характеру соотнесения с действительностью различаются автономные и неавтономные номинации. Автономные номинации непосредственно указывают на обозначаемое и, обладая в силу этого самостоятельной номинативной функцией, имеют свободные значения. Неавтономные номинации соотносятся с обозначаемым косвенно – только при совместной реализации с другими номинациями. Они не обладают самостоятельной номинативной функцией, а их значения выступают как связанные.

Номинации, соответствующие закономерностям внутреннего развития языка и отвечающие потребностям языкового коллектива в новых номинативных средствах, обычно входят в общеупотребительный словарный запас. За его пределами остаются номинации, создаваемые для нужд специального терминологического обозначения или возникающие в узких

социальных языковых коллективах, а также в индивидуальном языковом творчестве (Телия, 1998, с. 336).

Исходя из изложенных выше определений, языковые знаки, функционирующие в дискурсе, относятся к автономному типу и могут быть как общеупотребительными, так и терминологическими.

В зависимости от характера денотата, под которым в данном случае понимается «объект внеязыковой действительности, обозначаемый некоторым конкретным речевым отрезком» (Булыгина, Крылов, 1998, с. 128), различают событийные и элементные номинации. Первые называют внеязыковые события (ситуации) и имеют форму предложения. Вторые именуют «кусочки» действительности, ее элементы, служат строительным материалом для предложения и имеют форму слов, свободных словосочетаний и фразеологизмов различных типов. В связи со сказанным выше преимуществом семиотического описания дискурса служит тот факт, что знак не приравнивается к слову, а может представлять собой сочетание нескольких слов и целую предикативную единицу.

Вместе с тем словесные знаки считаются основными элементами языка как знаковой системы, поскольку в них закрепляются результаты человеческого познания. К их основным свойствам А. А. Уфимцева относит материальность, предполагающую наличие звуковой формы, билатеральность, состоящую в единстве означаемого и означающего, произвольность, подразделяющуюся на абсолютную, которая заключается в немотивированной природой вещей связи означаемого и означающего, и относительную, которая возникает при образовании словесных знаков из имеющихся уже в системе языка корневых морфем и системы словообразовательных средств, а также способность дифференцировать и отождествлять себя по отношению к другим знакам (Уфимцева, 1977, с. 10–17). Вместе с тем, билатеральность не предполагает наличия симметрии между двумя сторонами языкового знака, поскольку одно означаемое может иметь несколько означающих, а одно означающее может иметь несколько

означаемых, что составляет основу еще одного свойства языкового знака, именуемого асимметричным дуализмом.

Языковой знак и семиотическая система, функционирующая в области лингвистического знания, неразрывно связаны с окружающей нас действительностью, поскольку именно с их помощью человек усваивает и закрепляет в памяти информацию, поступающую из внешнего мира. В связи со сказанным выше, пространство лингвoseмиотики представляется Ю. М. Лотману как многоуровневое взаимодействие различных текстов, образующих в результате некоторую область со сложной системой внутренних взаимоотношений. Под ним находится пласт реальности, образованной множеством языков и находящейся с лингвистическим пространством в отношениях иерархической соотнесенности (Лотман, 2004, с. 30). При этом текст выступает в качестве целого, объединяющего вербальные и невербальные знаки, т.е. «выходит за рамки своего первоначального (узко филологического, вербального) значения и ассоциируется с определенным образом организованной последовательностью знаков любой природы – звуков, жестов, цветов, артефактов, изображений и т.д., образующих смысловое целое» (Топоров, 1983, с. 234). Смысл во всей его многослойной глубине становится главным конституирующим признаком текста, который, как информационное целое, являющееся продуктом взаимодействия разнообразных знаковых систем, может передаваться как вербально, так и невербально (Кармин, 2003, с. 33).

В лингвистике предпринимались попытки классификации языковых знаков и создания упорядоченных лингвoseмиотических систем. Так, исходя из способа образования они подразделяются на знаки первичного / вторичного означивания. К первым относятся морфемы, знаменательные и служебные слова, ко вторым – высказывания. В соответствии с законченностью / незаконченностью процесса порождения высказывания языковые знаки делятся на неполные и полные. Первые представлены словами и словосочетаниями, а вторые – предложениями. По категориальному значению

и выполняемым в речи функциям языковые знаки разграничиваются на следующие классы: характеризующие, идентифицирующие, количественные, соответствующие полнозначным словам, именам собственным, числительным, а также дейктические, заместительные, представленные различными разрядами местоимений, и связочные, включающие в себя предлоги и союзы. С точки зрения степени соотнесенности с актом речи языковые знаки обладают тремя степенями актуализации семантики, а именно: 1) слово-лексема; 2) сочетание слов; и 3) словоупотребление (Уфимцева, 1998, с. 167). Если рассматривать языковые знаки исключительно с точки зрения их лингвистического описания, то появится возможность их подразделения на синтаксические, грамматические и морфологические. Данная классификация позволяет судить лишь об их соответствии ряду критериев, определяющих специфику соотношения плана выражения и плана содержания в языковом знаке, но никак не о механизмах структурирования действительности и связях знаков с ней, т.е. необходимой информации для любой сферы семиотического исследования. На помощь лингвосомиотике приходит дискурсивная классификация вербальных знаков, разработанная А. В. Оляничем, исходя из способности последних выражать логико-понятийные категории субъекта, действия, объекта, признака. В ней выделяются три основные группы: 1) знаки-регулятивы; 2) знаки-процессивы; и 3) знаки-классификаторы. В зависимости от экстралингвистических факторов и задач языкового знака в дискурсе каждая из них подразделяется на несколько подгрупп.

Знаки-регулятивы определяют конвенциональную успешность коммуникативной ситуации в рамках некоторого дискурса. Они выполняют следующие задачи: обозначают участников дискурса, регламентируют их количество и достаточность, учитывают их роль и устанавливают последовательность исполнения ими этой роли, закрепляют за участниками символический инструментарий и номинируют его, осуществляют локализацию участников в пространстве дискурса и определяют для каждого

из них место в некотором акте коммуникации, характеризуют и регламентируют внешний вид участников дискурса. В соответствии с перечисленными задачами выделяются знаки-номинативы, знаки-квантификаторы, ролевые знаки, знаки-инструментативы, знаки-символы, а также знаки-локативы. Знаки-процессивы номинируют и описывают действия и поступки участников дискурса. Они служат для структуризации процесса коммуникации от ее начала до завершения. Кроме того, знаки-процессивы выполняют функцию регулятора, предписывая каждому участнику дискурса условно принятые правила поведения и роли. Знаки-классификаторы устанавливают нужное направление коммуникации, реализуемой в некотором дискурсе, а также специфицируют поведение его участников согласно их социальной, статусной или национальной принадлежности. Это могут быть, с одной стороны, знаки, устанавливающие рамки некоторой коммуникативной ситуации (например, исполнение гимна в начале и в конце торжественного заседания), а с другой стороны, знаки, классифицирующие участников коммуникации по группам – поведенческим, статусным, национальным и др. – в соответствии с их ролью в рамках того или иного дискурса (Олянич, 2004, с. 213).

Семиотический подход неоднократно использовался для характеристики различных типов дискурса, а именно: волонтерского (Филиппова, 2014), циркового (Олянич, 2019), гастрономического (Олянич, 2015), сельскохозяйственного (Сухова, 2016), университетского (Кириллова, 2010), милитарно-медийного (Склярова, 2019), медийного монархического (Склярова, 2020), туристического (Склярова, 2023), футбольного (Склярова, 2024) и др., которые рассматривались как система различных типов знаков, взаимодействующих друг с другом для реализации различных коммуникативных задач. Перечисленные исследования опираются на изложенную выше семиотическую классификацию в той или иной модификации, при этом каждый тип вербальных знаков получает особую интерпретацию в конкретном дискурсе.

В данной работе пандемический дискурс будет рассмотрен как лингвосемиотическая система, включающая в себя вербальные знаки шести типов, а именно: знаки-номинативы, знаки-локативы, знаки-инструментативы, знаки-процессивы, знаки-квантификаторы и знаки-квалификаторы.

Как отмечает Н. Г. Склярова, инвариантно-вариативная природа знаков перечисленных выше классов языковых знаков делает их универсальным средством закрепления в языке результатов процесса познания, тогда как, реализуясь в структурно-семантических вариантах в том или ином дискурсе, они интегрируются в высказывании для информирования, воздействия и оценки (Склярова, 2024, с. 74). Аналогичную мысль высказал И. А. Кудряшов, отмечая существование некоего семиотического конструкта, наполняемого конкретной семантикой на фоне противопоставления другой модели (Кудряшов, 2023, с. 126). Иными словами, к лингвосемиотическим категориям возможно применение универсально-вариативного подхода, поскольку различные классы вербальных знаков обладают универсальными свойствами и вариативными возможностями. Для этого необходимо обосновать универсальный статус лингвосемиотической системы, а также охарактеризовать вербальные знаки в ракурсе таких параметров, как «инвариант», «вариант», «варьирование».

Лингвистика универсалий имеет длительную историю становления, в ходе которой были предложены различные определения языковых универсалий (Гринберг, Осгуд, Дженкинс, 1970, с. 31; Успенский, 1970, с. 10; Шафиков, 1996, с. 17; Кочергина, 2004, с. 186), охарактеризованы разноуровневые универсальные свойства языка (Успенский, 1965, с. 182–222; Гринберг, 1970, с. 137–144; Ульманн, 1970, с. 254–285; Хоккетт, 1970, с. 71–75; Панфилов, 1974, с. 6–15; Добровольский, 1986, с. 25–28; Шафиков, 1996, с. 115–170), предприняты попытки их классификации (Мечковская, 2000, с. 281–282; Склярова, 2006, с. 24–34), установлены причины универсальности (Бархударов, 1969, с. 325), а также обоснована значимость данного направления лингвистических исследований для других

языковедческих дисциплин (Гринберг, Осгуд, Дженкинс, 1970, с. 31; Успенский, 1970, с. 11; Колшанский, 1985, с. 17–18). При этом отмечалась особая связь лингвистики универсалий с теорией вариативности, параллельно развивавшейся в трудах ряда отечественных лингвистов (Вардуль, 1977; Ярцева, 1983; Камчатнов, 1983; Солнцев, 1984; Шахбагова, 1986; Сложеникина, 2005). Ученые не только обратили внимание на отсутствие противоречия между универсальностью ряда языковых явлений и их вариативными возможностями, обусловленными влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов (Ярцева, 1974, с. 28; Панфилов, 1982, с. 35), но и предложили интегративный подход, который включает в себя две задачи, состоящие, соответственно, в построении универсальной модели естественного языка и описании тех вариантов и модификаций, в которых реализуются ее составляющие (Гухман, 1974, с. 37). Такой подход способствует более глубокому осмыслению сущности единиц разных уровней языка, изучаемых соответствующими разделами языкознания, поскольку он позволяет увидеть скрывающиеся за внешними различиями некоторые общие закономерности. В свете концепций универсализма и вариативности были рассмотрены понятийные (Склярова, 2022, с. 19–24, 48–51) и прагмалингвистические категории (Власова, Склярова, 2007), функционально-семантические поля (Склярова, 2019, с. 16–32) и лингвосемиотическая система футбольного медиадискурса (Склярова, 2024, с. 68–77).

Под языковыми универсалиями мы понимаем «категории, закономерности и структурные свойства языка, выполняющие идентичные функции в человеческом обществе» (Склярова, 2006, с. 24). Среди них выделяется особая группа общеязыковых черт высокого уровня абстракции, именуемых онтологическими или неограниченными универсалиями, которые отличаются от универсальных явлений других групп тем, что для подтверждения их универсального статуса не требуется собирания фактов разных языков, поскольку они как бы составляют имманентную сущность

человеческого языка (Гухман, 1974, с. 35) и обеспечивают организацию при помощи его средств осмысленного, содержательного и информативного высказывания (Колшанский, 1985, с. 15). К ним относятся структурированность, дискретность, избыточность, иерархичность основных элементов языкового строя, маркированность одних явлений по отношению к остальным, интонационная организованность и логическая членимость речи, имплицитность, знаковость, предполагающая существование содержательной и формальной сторон языка и прочие подобные свойства.

Другая группа универсалий включает в себя смысловые компоненты общего характера, которые восходят к онтологическим, гносеологическим, философским, аксиологическим категориям, отражают различные свойства действительности и выражаются в естественном языке разнообразными способами. Их универсальность, детерминированная общностью когнитивной деятельности человека, тождеством форм концептуальной организации человеческого опыта, единством окружающего нас мира как источника наших о нем представлений, допускает варьирование как плана их содержания, так и плана их выражения, обусловленное собственно лингвистическими и экстралингвистическими причинами (Склярова, 2006, с. 25–28). Это вполне закономерно, поскольку, по мнению М. М. Гухман, языковые универсалии неоднородны по своей сути: одни из них находятся как бы вне варьирования, будучи независимыми по своему существу от индивидуальной специфики того или иного языка, тогда как другие выступают в качестве инвариантов, находящих репрезентацию в тех или иных вариантах (Гухман, 1974, с. 35–36).

Согласно определениям, предложенным В. М. Солнцевым, вариативность представляет собой способ существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом, тогда как варьирование есть способность определенных элементов языка видоизменяться без нарушения звукового или смыслового тождества. Вариантность же состоит в наличии вариантов, которые выделяются на основе некоторого инварианта, под которым понимается набор семантических и / или

структурных признаков, обуславливающих объединение тех или иных единиц языка в отдельный класс. Инвариант сохраняет тождество самому себе в серии видоизменений объекта, в то время как конкретные объекты, составляющие группу, или класс, по отношению к которым может быть выведен инвариант, являются вариантами. Они несут в себе черты общего и отдельного, характерного только для данного класса (Солнцев, 1998, с. 80).

Если знаковость как таковая выступает в качестве универсального свойства первой группы, находящегося вне варьирования, то различные классы вербальных знаков, а именно: знаки-номинативы, знаки-инструментативы, знаки-процессивы, знаки-квантификаторы, знаки-локативы, и знаки-квалификаторы, отвечают всем упомянутым выше критериям принадлежности к универсалиям второй группы. В частности, они отражают обобщенные смыслы, опирающиеся на такие фундаментальные экстралингвистические категории, как субъект, объект, действие, количество, качество, пространство, и находят репрезентацию в различных языковых средствах. Перечисленные знаки обозначают, соответственно, участников событий, их действия, материальные и нематериальные ресурсы, которые они используют для достижения своих целей, различные количественные характеристики, а также осуществляют пространственную локализацию происходящих событий и дают им разнообразные оценки. Они выступают в качестве инвариантов, реализующихся в конкретных вариантах, при этом типологический признак, обуславливающий отнесение конкретного знака к тому или иному абстрактному классу, не изменяется, меняются лишь способы его представления в языковых значениях. Иными словами, данные универсальные вербальные знаки обладают вариативными возможностями.

Исходя из выделенной Д. О. Добровольским закономерной зависимости между степенью универсальности и уровнем конкретизации или обобщенности языковых явлений, состоящей в том, что степень универсальности некоторого языкового свойства тем выше, чем дальше оно от конкретных языковых фактов, и наоборот (Добровольский, 1986, с. 27), можно

отнести данные классы вербальных знаков к так называемым абсолютным (полным) универсалиям, которые выводятся дедуктивным путем, «когда на основании суждения о языке вообще делается логический вывод о свойстве конкретных языков» (Мечковская, 2000, с. 281–282).

Варьирование универсальных вербальных знаков наблюдается в дискурсе, где на фоне определенного экстралингвистического контекста происходят процессы их производства, кроме того, оно обусловлено спецификой дискурса, в котором они функционируют.

Таким образом, знаки-номинативы, знаки-локативы, знаки-инструментативы, знаки-процессивы, знаки-квантификаторы и знаки-квалификаторы могут рассматриваться как обобщенные инвариантные семантические структуры универсальной семиотической системы, конкретные репрезентанты которых в том или ином дискурсе, именуемые вариантами, возникают в результате междискурсивного варьирования, обусловленного, в свою очередь, спецификой каждого дискурса, а также внутридискурсивного варьирования, обусловленного динамичностью дискурса и изменением экстралингвистических факторов его протекания.

Применительно к нашему исследованию это означает, что универсальные вербальные знаки обобщенно-абстрактной семантики, осуществляющие локализацию событий, обозначающие их участников, совершаемые ими действия и используемые материальные и нематериальные ресурсы, а также дающие различные количественные и качественные характеристики, реализуются в медийных текстах пандемического дискурса в конкретных семантических вариантах, отражающих содержательные особенности рассматриваемого дискурса, которые, в свою очередь, обусловлены экстралингвистическими параметрами. Знаковая система пандемического дискурса как совокупность всех функционирующих в тексте знаков-номинативов, знаков-локативов, знаков-инструментативов, знаков-процессивов, знаков-квантификаторов и знаков-квалификаторов представляет

собой дискурсивный вариант универсальной абстрактной лингвосемиотической системы, обслуживающей различные дискурсы.

В каждом тематическом дискурсе отображается картина мира – реальность человеческого сознания, строящаяся на представлении человека об окружающей действительности (Маслова, 2018а, с. 62, 64). В современной науке данное понятие трактуется как «образ мира, складывающийся в голове человека в процессе познавательной деятельности» (Гришаева, Цурикова, 2007, с. 71). Этот образ может быть как глобальным, так и локальным, т.е. отражающим какой-то фрагмент мира, а также общечеловеческим, национальным и индивидуальным, опирающимся на соответствующий опыт, который, в свою очередь, обусловлен природными и социальными факторами (Маслова, 2018а, с. 64–65, 70). Процесс формирования и передачи результатов процесса познания невозможен без языка, поэтому моделирование картины мира производится при помощи его средств, соответственно, совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, грамматике, фразеологии выступает в качестве языковой картины мира (Маслова, 2018а, с. 65–66), сквозь призму которой человек видит мир (Маслова, 2018б, с. 65). В связи с тем, что язык понимается как естественно возникающая в человеческом обществе и развивающаяся система знаковых единиц, способная выразить всю совокупность понятий и мыслей человека и предназначенная прежде всего для целей коммуникации, языковые знаки являются средством моделирования картины мира того или иного тематического дискурса, тогда как совокупность представлений о пандемической картине мира, закреплённая в вербальных знаках одноименного дискурса представляет собой языковую картину мира.

Итак, универсальные вербальные знаки обобщенно-абстрактной семантики благодаря своему междискурсивному и внутрдискурсивному варьированию служат для отображения пандемической картины мира – представление об окружающей действительности в условиях пандемии, которое включает в себя социальные, медицинские, политические, психологические аспекты, имеет общечеловеческие черты, а также

национальные и индивидуальные особенности, опирающиеся на соответствующий опыт, и может отличаться в различных социальных и профессиональных группах.

Выводы по первой главе

1. В современной лингвистике дискурс понимается как речевая деятельность в контексте прагматических, социокультурных, психологических и других экстралингвистических факторов, конечным продуктом которой является совокупность текстов в пределах некоторой коммуникативной сферы, отражающих идеологию и мышление определенной эпохи. Дискурс характеризуется связностью, целостностью, информативностью, интертекстуальностью, интерпретируемостью, модальностью, пространственностью.

2. В основе типологии дискурса лежат различные подходы. В частности, в соответствии с каналом передачи информации выделяются письменный, устный, мысленный и электронный дискурсы, исходя из социолингвистического критерия, дискурс подразделяется на персональный, в том числе бытовой и бытийный, а также институциональный, подвергающийся дальнейшей жанровой дифференциации. Существует классификация видов дискурса, отражающая функциональные стили речи, дискурсы систематизируются по национально-лингвокультурному параметру, тематике, уровню социальной значимости, прагмалингвистическим характеристикам. Выделяемые типы дискурса взаимодополняют друг друга, но их типологическое разнообразие не позволяет разработать единую классификацию, однако способствует разноаспектному рассмотрению дискурсивного пространства.

3. Семиотика представляет собой научную дисциплину, изучающую общее в строении и функционировании различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию. С точки зрения семиотики язык

рассматривается как некоторая реально существующая знаковая система, тогда как любой дискурс представляет собой процесс производства сообщений на фоне социального контекста с помощью вербальных знаков. Преимуществом семиотического описания дискурса служит тот факт, что с точки зрения содержания знаки могут представлять собой элементные и событийные номинации, тогда как с точки зрения выражения они могут иметь форму слова, сочетания слов и предложения.

4. Языковые знаки определяются как материально-идеальные образования, двусторонние единицы языка, служащие для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них. Вербальные знаки подразделяются на знаки-номинативы, знаки-процессивы, знаки-инструментативы, знаки-локативы, знаки-квантификаторы, знаки-квалификаторы, которые обозначают, соответственно, участников ситуации, их действия, используемые ими ресурсы, а также осуществляют пространственную локализацию событий и дают различные количественные и качественные характеристики.

5. Вербальные знаки шести типов, соотносимые с базовыми экстралингвистическими категориями субъекта, объекта, действия, количества, качества, пространства, могут рассматриваться как обобщенные семантические инварианты универсальной семиотической системы, конкретные репрезентанты которых в том или ином дискурсе, именуемые вариантами, возникают в результате междискурсивного и внутрдискурсивного варьирования, обусловленного, в свою очередь, спецификой каждого дискурса.

6. Выделение в дискурсивном пространстве пандемического дискурса обусловлено резонансностью сложившейся экстралингвистической ситуацией, лингвокреативной реакцией на нее носителей разных языков и закреплением результатов лингвокреативной деятельности в языковой системе, активным обсуждением темы в различных сферах общения, появлением в научном обиходе понятия и обозначающих его терминов, а

также попытками ученых описать отдельные черты самого явления, обладающего набором типологических параметров, таких как время, место, участники, условия, цель и способы общения.

7. Пандемический дискурс можно определить как совокупность тематически соотнесенных вербальных манифестаций, связанных с эпидемией и ее последствиями. Он существует в персональной, институциональной и медийной разновидностях, которые имеют общую цель, состоящую в борьбе с эпидемией, но демонстрируют различия в местах реализации и составе участников. Охватывая обсуждение широкого спектра проблем, пандемический дискурс взаимодействует с медицинским, экономическим, политическим и научным дискурсами, модифицируя, приобретая и компилируя их специфические черты, но при этом не теряя своей индивидуальности, что указывает на его гибридный статус. Элементы пандемического дискурса инкорпорируются в другие коммуникативные сферы, которые в силу кризисной ситуации попадают под сильное влияние тенденций, действующих в медиасфере, что проявляется в обсуждении в них несвойственных им ранее тем, а также появлении специфических языковых единиц.

8. Институциональный пандемический дискурс представляет собой профессиональную коммуникацию в рамках заданных статусно-ролевых отношений между врачами и пациентами, а также между самими медицинскими работниками, учеными-вирусологами, инфекционистами, эпидемиологами. Он ассоциируется с госпиталями и больницами, лабораториями, обрабатывающими тесты на наличие инфекции, научными мероприятиями, посвященными ее изучению, исследовательскими институтами, занимающимися разработкой вакцин и лекарств.

9. Персональный пандемический дискурс включает в себя общение между людьми, которые на бытовом уровне обсуждают эпидемию и высказывают свое мнение по поводу сложившейся ситуации. Он не имеет

определенной локации, поскольку может возникнуть где угодно – дома, на работе, в общественном транспорте и других местах.

10. Медийный пандемический дискурс включает в себя освещение событий, связанных с распространением эпидемии и борьбой с ней в периодических печатных изданиях, сетевых изданиях, телеканалах, радиоканалах, телепрограммах, радиопрограммах, видеопрограммах и иных формам периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием. В нем участвуют как специалисты и эксперты в данной области, так и рядовые граждане, а также политики, представители власти, журналисты, знаменитости.

11. Сущность и типологические признаки пандемического дискурса во всей своей полноте и многогранности раскрываются в медийных текстах благодаря информативной, оценочной и воздействующей функциям средств массовой информации. Медийный пандемический дискурс всесторонне отражает ситуацию, сложившуюся в связи с распространением коронавируса и является наиболее значимым с точки зрения формирования общественного мнения и картины мира реципиента при помощи лингвосемиотической системы, где каждый универсальный класс вербальных знаков обобщенно-абстрактной семантики в результате дискурсивного варьирования реализуется в конкретных семантических вариантах.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВ ПАНДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА, РЕАЛИЗУЮЩАЯСЯ В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

2.1. Семантические особенности вербальных знаков разных типов в медийных текстах пандемического дискурса

Как мы уже отмечали, универсальная абстрактная лингвосемиотическая система, включающая в себя знаки-номинативы, знаки-локативы, знаки-инструментативы, знаки-квантификаторы, знаки-процессивы и знаки-квалификаторы, материализуется в медийных текстах пандемического дискурса, в результате чего каждый из перечисленных обобщенных типов вербальных знаков реализуются в конкретных семантических вариантах, особенности которых мы рассмотрим в данном разделе работы.

Знаки-номинативы, представленные одушевленными и неодушевленными нарицательными и / или собственными именами существительными, а также субстантивными словосочетаниями, в медийных текстах пандемического дискурса обозначают участников описываемых событий и причастных к ним, а именно:

– медицинских работников (*doctors and nurses, health-care / health workers, primary care doctor, clinicians, respiratory physicians, pulmonologist, pulmonary therapist, lung specialist, respiratory therapist, military doctors, medical professionals, medical personnel / community, sick / hospital attendant, nursing personnel, co-workers, medical stuff, volunteer medical teams / doctor, respiratory team* и т.п.):

(1) *Often during this global health pandemic **doctors** and **nurses** have been invoked as heroes on the frontline, as Covid-19 is compared by political leaders to a war* (Wright C. Lest we forget...).

(2) *We've come to expect that from Americans, whether it be our **medical workers** or everyday Americans making sacrifices in their commitment to their neighbors and their community* (Bruce T. Americans are asked...);

– экспертов и специалистов в области вирусологии, эпидемиологии, медицины, фармакологии (*researchers, epidemiologists, virologists, drugmakers, pharmacologist, infectologist, immunologist, respiratory consultant, health care / public health / medical experts, public health consultant, medical investigator, government's leading expert, professor of immunology, infectious disease specialist, professor of the chair of public health medicine, an adjunct lecturer on global health* и т.п.), в том числе в сочетании с их личными именами:

(3) *The warning was made by **Dr Wendy Anderson, a respiratory consultant** at the Northern Health Trust (Connolly M. Coronavirus...).*

(4) ***Health experts** are warning of a possible “twindemic” ahead of the upcoming flu season as COVID-19 spreads among communities and children return to classrooms (Shen Wu Tan. ‘Twindemic’ possible...);*

– должностных лиц (*Prime Minister, Minister of health and social welfare, President, Vice-president, governor, the head of the World Health Organization, health minister, the health secretary, health officials, the chair of public health medicine, chief medical officer, interim executive chairwoman of the National Institute for Health Protection, public-health authorities* и т.п.), в том числе в сочетании с их личными именами и/или с наименованиями представляемых ими учреждений или возглавляемых ими государств:

(5) ***Health secretary Matt Hancock** said he was “pleased” that people could soon be “carefully and safely reunited with loved ones who live in care homes” (Boris to allow kids...).*

(6) ***The head of the World Health Organization** has warned member countries that the UN’s global health body is being “set up to fail” without a “paradigm shift” in the way that it is funded and supported (Beaumont P. ‘Paradigm shift’...);*

– испытуемых и пациентов (*health consumer, patients, severe patient, symptomatic Covid-19 patients, COVID patient, silent coronavirus carriers, asymptomatic carriers, examinee, participants, study participant, person under test, viraemic person* и т.п.):

(7) *The trials, which each have tens of thousands of **participants**, are double-blind, meaning half of them are receiving saline or another placebo and **patients** don't know what treatment they are receiving (Farr C., Lovelace B. Coronavirus vaccine...).*

(8) *Private hospitals treated a total of just eight **Covid patients** a day during the pandemic despite a multi-billion pound deal with the government to help stop the NHS being overwhelmed, a report reveals (Cambell D. Private hospitals...);*

– рядовых граждан, представителей различных слоев общества, тем или иным образом вовлеченных в ситуацию, которые образуют малые группы, например: члены семьи, друзья, одноклассники, однокурсники, одногруппники, соседи, коллеги и т.д. (*classmates, course mates, cohabitant, relatives, family member, parents, friends, folks, coworkers, work colleagues, neighbors, partners* и т.п.); средние группы, например, члены политических партий, граждане различных возрастов, представители разных профессий т.д. (*party men / members / membership, citizens, civilians, residents, inmate teenagers, care home residents, students, young adults, the elderly, farmers, truckers* и т.п.); большие группы, например: расы, нации, народности, жители конкретных городов или регионов и т.д. (*the Chinese, the Americans, American people, British people, the British, the English people, Russians, Seoulites, New Yorkers, Sri Lankan, European, Pyongyangite, White people, Asians, Hispanics, Black people* и т.п.):

(9) *One **family member** who visited Wuhan was not infected, but another who had not visited Wuhan, but then spent time with their **relatives** when they returned, has been infected (Cockburn H. Coronavirus...).*

(10) *Rep. Lee Zeldin of New York on Wednesday said America is served by “everyday heroes,” from **farmers to truckers**, but the nation owes a great debt this year to **frontline health workers** battling COVID-19 (Howell T. Lee Zeldin...).*

(11) ***White people** are now less likely than **Asians** and **Hispanics** to be vaccinated, though somewhat more likely than **Black people**, and their death rates have risen in all but the oldest age groups (Lu D., Sun A. Why Covid Death Rates...);*

– конкретных знаменитостей, которые столкнулись с Covid-19 и его последствиями (*Chris Hemsworth, Idris Elba, Henry Grimes, Giuseppi Logan, Jill Biden, the first lady* и т.п.):

(12) *The lives of **Henry Grimes** and **Giuseppi Logan** already felt like the stuff of legend long before they came to an end last week — just two days and one borough apart — from complications of the coronavirus* (Russonello G., Grimes H., Logan G. Lost and Found...).

(13) ***Jill Biden, the first lady**, tested positive for Covid-19, the White House announced late Monday night, but she is experiencing only mild symptoms and will remain at the family home in Rehoboth Beach, Del., where she and President Biden spent part of the weekend* (Shear M. D. First Lady...);

– конкретных рядовых граждан, пострадавших от пандемии (*the Smiths, Johnson, Taylor, Williams, Fell-Davis, Ismail Mohamed Abdulwahab* и т.п.):

(14) *For her, though, Covid still poses a real threat: **Fell-Davis** has Type I diabetes, putting her at higher risk of hospitalization and long-term complications from illness* (Bernhard M. The School Where...).

(15) *It follows the death of 13-year old **Ismail Mohamed Abdulwahab** in London's King's College hospital on Monday without his family by his side* (Booth R. Allow loved ones...);

– вирус, его варианты и мутации (*COVID-19, SARS-CoV-2, 2019-nCoV, covid, coronavirus disease, severe acute respiratory syndrome coronavirus 2, B.1.1.529, Omicron, Delta, Alpha, SARS-CoV-2 Omicron variant, Gamma, B.1.351, B.1.617.2, the South African variant, the Indian variant* и т.п.):

(16) *The UK Health Security Agency (UKHSA) has published a situational assessment for **SARS-CoV-2 variant V-23AUG-01 (BA.2.86)*** (Ellis D. Latest updates...).

(17) *At present, key variants of concern are **the South African variant (501Y.V2), the Brazilian variant (P.1) and the Kent variant (B117)*** (Davis N. What are Covid variants...);

– сопутствующие заболевания, синдромы и осложнения, которые повлекла за собой коронавирусная инфекция (*pulmonary involvement, pneumonitis, pneumonic fever, lung damage, lung inflammation, decreased Sao2, lymphopenia with simultaneous increase in leukocytosis, signs of hypercoagulation with the risk of thrombosis of arteries and veins of various organs, fever heat, cough, severe cough, oxygen defect / deprivation / deficiency, hypoxia, anoxia, oxygen corporal* и т.п.):

(18) *It is characterized by **bilateral pneumonia**, quickly progressing to **acute respiratory distress syndrome (ARDS)**, and death by **respiratory failure**, often complicated by **multi-organ dysfunction** (Thomas L. Certain antibodies...).*

(19) *COVID-19 is another cause of **hypoxemia**, which can lead to **ARDS** in severe cases (Zoppi L. Hypoxemia...).*

Знаки-локативы, представленные именами собственными, в медийных текстах пандемического дискурса осуществляют локализацию происходящих событий путем обозначения следующих топографических и урбанистических объектов:

– государств и их административно-территориальных единиц (*the United States, China, Brazil, Singapore, England, Florida, New York, Auckland, Italy, Iran, China, the UK, South Korea* и т.п.):

(20) *However in eight cases – in **Germany, Japan, Vietnam** and the **United States** – patients were infected by people who had travelled to **China** (Coronavirus declared...).*

(21) *But unlike the spring outbreak in **New York**, which was met with some of the strictest shelter-in-place orders in the country, **Florida** is open for business (Glenza J., Florida hospitals...).*

Знаки-локативы данной группы могут использоваться в качестве метонимической замены знаков-персоналий, обозначая жителей страны или населенного пункта:

(22) *South Korea, China and Singapore are among the Asian countries facing a second coronavirus wave, fuelled by people importing it from outside.* (Coronavirus: Asian nations...).

(23) *The US and Brazil have each recorded over half a million deaths since the start of the pandemic* (Gutierrez P., Clarke S., Kirk A. Covid world map...);

– медицинских учреждений, где развернуты ковидные госпитали, и зданий, переоборудованных для приема и лечения ковидных больных (*Nightingale Hospital, Belfast City Hospital, Queen Elizabeth Hospital, Jackson Memorial Hospital, Manchester's Central Complex, Birmingham's National Exhibition Centre* и т.п.). Некоторые знаки-локативы представляют собой сочетания топонимических и урбанистических наименований (*expocenter ExCel in London, Principality Stadium in Cardiff* и т.п.):

(24) *Others are due to be set up at Manchester's Central Complex as well as Birmingham's National Exhibition Centre, which will open to patients on 12 April* (Coronavirus: Nightingale Hospital...).

(25) *Perpetual Uke, a rheumatology consultant, was taken to Queen Elizabeth hospital in Birmingham when she contracted Covid-19 in April and was placed on a ventilator in a medically induced coma when her condition deteriorated* ('Miracle': hospital consultant...).

Знаки-инструментативы, представленные нарицательными и собственными именами существительными и субстантивными словосочетаниями, в медийных текстах пандемического дискурса обозначают материальные и нематериальные ресурсы, используемые для борьбы с пандемией. Они номинируют различные денотаты, как то:

– предметы личной гигиены и средства санитарно-эпидемической обработки (*hand sanitizer, hand sanitizer gel, face-mask, bottles of sanitizer, anti-infective agent, antiseptic medicine, hand rub, aerosol, protective suit, face-covering* и т.п.):

(26) *As the public and governments grapple with understanding Covid-19 and how to curb its spread, sales of **hand sanitizer gel** have soared* (Sawa D.B. Hand sanitizer...).

(27) *But **masks** are essential for slowing the spread of Covid-19, especially indoors or in large groups, experts say* (Fortin J. Masks Keep Us Safe...);

– оборудование, предназначенное для терапии и лечения (*high-dependency beds, critical care beds, lung ventilator / motor, artificial lung, pulmotor, medical oxygen cylinder / tank, gas cylinders, oxygen concentrators, oxygen generators, ventilation beds, ALV, BiPap (bilevel positive airway) machine, pulse oximeter, oxygen saturation monitor, bronchoscope* и т.п.):

(28) *The basics are the oxygen source, and the options include **gas cylinders, oxygen concentrators and oxygen generators*** (Explainer: why is getting medical oxygen...).

(29) *Dozens of Covid patients a day are being moved from one hospital to another because of a severe shortage of **critical care beds** across the NHS* (Campbell D., Marsh S. NHS moving...);

– способы лечения и предотвращения болезни (*PCR test, saliva test, nasopharyngeal swab testing, late stage trial, clinical trial, vaccination, computerized tomography trials, monoclonal antibody therapy / treatments, supplemental oxygen therapy, medically induced coma, immunotherapy, hospitalization, compulsory vaccination, steroid treatments, specific cure, hospital treatment, intensive care, respiratory procedures* и т.п.):

(30) *Other options for enhanced respiratory support in severe cases **include high flow nasal cannula (HFNC), noninvasive positive-pressure ventilation (NIPPV) and extracorporeal membrane oxygenation (ECMO)*** (Zoppi L. Hypoxemia...).

(31) *Dexamethasone has been in use in hospitals as a COVID-19 treatment for seriously ill patients for several months now, after the UK RECOVERY trial reported in June that the drug reduced mortality in COVID-19 patients ill enough to require **mechanical ventilation*** (Offord C. Steroid Drugs...);

– препараты и вещества, предназначенные для тестирования, лечения, вакцинации и все, что связано с производством вакцины (*human antibodies, survivors' blood plasma, antibody cocktail, antiviral drug, home test kit, oxygen, steroid dexamethasone, sabizabulin, hydrocortisone, tocilizumab, sarilumab, Remdesivir, coronavirus vaccines, the Sputnik V vaccine, the AstraZeneca vaccine, the Moderna vaccine, the mRNA-based Pfizer vaccine* и т.п.):

(32) *Following two studies that screened thousands of **human antibodies** to SARS-CoV-2 to identify highly potent pairs, in which both **antibodies** bind the viral target simultaneously, a resultant **antibody cocktail** is being tested in human trials* (Ives J. Antibody cocktail...).

(33) *The drug, **sabizabulin**, seemed to be more effective than others that have been authorized for severely ill Covid patients* (Zimmer C. Cancer Drug...).

Вербальные знаки данной группы характерны для медицинской и научной сфер. В условиях пандемии COVID-19 они стали использоваться в речевом обиходе и функционируют в средствах массовой информации с целью объяснения реципиентам того, как работают антиковидные вакцины и как происходит лечение опасной инфекции;

– ограничительные мероприятия, вводимые федеральными и региональными органами власти для того, чтобы остановить распространение инфекции (*quarantine, observation, coronavirus-related quarantine, curfew, travel restrictions, severe restrictions, new lockdown restrictions, restrictions on holding mass events, lockdown, strict lockdown, national lockdown, prevention / precautionary measures, strict quarantine measures, physical distancing, travel ban, new coronavirus laws, lockdown light, distance teaching, border closure* и т.п.):

(34) *In Aberdeen, **lockdown restrictions** were imposed locally on Wednesday after a cluster of cases were linked to the city's pubs and bars* (Coronavirus: Pub Landlord...).

(35) *Meanwhile Scotland introduced a strict **travel ban** between itself and the rest of the UK, with stringent nationwide measures due to come into force on Boxing Day* (Wood V. Coronavirus: Christmas easing...);

– меры правительства, направленные на помощь населению и бизнесу (*corona bond, emergency aid package, vaccination allocations, additional support, sick pay, guaranteed sick leave, paid family leave, financial rewards, concessional lending, public dole, the coronavirus stimulus bill, unemployment benefits, Economic Injury Disaster Loans & Advances, Coronavirus Job Retention Scheme, Paycheck Protection Program, CARES Act / Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act, Covid Corporate Financing Facility* и т.п.):

(36) *The Senate approved its largest **emergency aid package** in modern history that will offer \$2 trillion to help Americans, hospitals and businesses weather the effects of the coronavirus* (Jackson D. Senate Passes...).

(37) *The thinking behind a **corona bond** is simple* (Elliott L. The coronavirus crisis...).

Знаки-квантификаторы могут быть представлены разными частями речи, но основными, по праву, считаются числительные, т.к. категориальное значение количества присуще именно данному лексико-грамматическому разряду слов. В текстах они часто заменяются на цифры – символы, используемые для обозначения числовых величин.

Число является результатом определения мощности множества как дискретной совокупности объектов того или иного рода (Панфилов, 1982, с. 227–228). Без числа немислимо любое знание, любое отношение к жизни. «Число дает не только меру вещей, но и простую связь явлений, и здесь язык неизбежно связан с числом в развитии человеческого мышления от диффузнопредметных попыток первобытного человека до современного понимания числа» (Реформатский, 1960, с. 385).

Главной оппозицией категории количества выступает противопоставление единичности и множественности. В семантике множественности можно выделить следующие значения: определенная

множественность, которая представлена двойственностью и плюральностью (точным количеством); неопределенная множественность, которая включает в себя приблизительную, неопределенно большую, неопределенно малую и собирательную множественности (Симонова, 2019, с. 95).

Противопоставление определенного и неопределенного множества связано с различным характером осознания объективных фактов, благодаря чему образуются разного рода семантические формы мысли. В реальной действительности не существует неопределенного количества предметов, оно всегда четко определено. Суть неопределенного множества представляет собой результат процесса обобщения или неизвестности данного количества.

Идея приблизительного множества формируется на гносеологическом уровне одновременно с опорой на объективную действительность. Из этого следует, что приблизительное множество сводит в своей семантике признаки определенного и неопределенного множества. Его отличительным свойством считается способность комбинировать несовместимые компоненты. Семантической чертой приблизительного количества выступает сигнификат неопределенного множества с указанием определенных границ этого множества. В рамках приблизительного множества Л. Д. Чеснокова выделяет следующие семантические группы (Чеснокова, 1982, с. 26): с начальной границей отсчета: *more than 850*; с конечной границей отсчета: *not more than 10 %*; с указанием на количественный промежуток: *65-80 year olds*; с указанием на срединную точку отсчета: *about 65.000 people*.

Знаки-квантификаторы, обозначающие определенное и приблизительное множество, в медийных текстах пандемического дискурса содержат следующие статистические сведения:

– стоимость медикаментозного лечения, дезинфицирующих средств, разработки новых вакцин, объем средств, отчисляемых на борьбу с пандемией и т.п.:

(38) *Four research teams at Columbia University will share a \$2.1 million grant to mount an aggressive effort to identify potential antiviral drugs and*

antibodies for use against the new coronavirus, 2019-nCoV (Anderton K. Columbia teams receive...).

(39) *Inovio received a grant of **up to \$9 million** to develop a coronavirus vaccine from the Coalition for Epidemic Preparedness Innovations, a group whose aim is to speed vaccines to market (Sheikh K., Thomas K. Researchers Are Racing...);*

– объем финансирования, выделяемый на мероприятия по поддержке людей на самоизоляции и оказавшихся без работы, а также терпящих убытки предприятий:

(40) *The new **\$1,500** payment is intended to “supplement and support” Victoria’s existing payment system by covering the fortnight of self-isolation after a positive result (Karp P. Victorian workers...).*

(41) *Three Democrats in Congress have introduced a bill to provide interest-free loans of **up to \$2 million** to businesses affected by the outbreak (Kliff S., Miller C. C., Sanger-Katz M. Sick Workers...);*

– финансовые потери государственного и частного секторов экономики:

(42) *The number of international tourist arrivals is expected to drop sharply this year, the World Tourism Organization has said, reversing a previous forecast of a substantial increase. The United Nations body says arrivals are now projected to fall by **1-3%** in 2020, instead of the previous forecast of 3-4% growth, with losses of **\$30bn-50bn (£23bn-£38bn)** in international tourism receipts anticipated (Tourist sites...).*

(43) *Huntington Bancshares fell **3.8 percent**, while KeyCorp and Regions Financial both fell **more than 2.5 percent** (Phillips M. Stocks Fall...);*

– число инфицированных, госпитализированных, умерших, вакцинированных людей, добровольцев, привлеченных для испытания новых вакцин, количестве необходимых доз и т.п.:

(44) *But there have also been deaths in 10 other countries, including **more than 50** in Iran and **more than 30** in Italy (Coronavirus: Global death...).*

(45) *Worldwide, **nearly 3,000** people have been killed and **about 87,000** infected since the virus was first detected late last year in the central Chinese city of Wuhan (Spike in China's COVID-19 cases...);*

– возрастные категории граждан, находящихся в группе риска, вакцинированных, инфицированных, в том числе госпитализированных и пребывающих в тяжелом состоянии:

(46) *In South Korea, for example, which had an early surge of cases, the death rate in Covid-19 patients ages **80 and over** was 10.4%, compared to 5.35% in **70-somethings**, 1.51% in patients **60 to 69**, 0.37% in **50-somethings**. Even lower rates were seen in younger people, dropping to zero in those **29 and younger** (Begley S. New analysis breaks down...).*

(47) *Those aged **85 and over** continue to have the highest hospital admission rates (Ramsey L. Flu and COVID-19...).*

Анализ приведенных выше примеров свидетельствует о том, что знаки-квантификаторы нередко сопровождаются аппроксиматорами *around, over, about, more than, older, something* и т.д. (Лаврухина, 2023, с. 4394), которые имеют следующие значения:

– «меньше, больше или равно точке отсчета»:

(48) ***About 64,000** people have recovered around the world (Italy records...).*

(49) *Pfizer, which received a **nearly \$2 billion** preorder of 100 million vaccine doses from the U.S. government, has projected having enough cases of covid-19, the illness caused by the novel coronavirus, among study participants to assess the effectiveness of its vaccine sometime this month and sufficient safety data by mid-November to seek regulatory clearance (Johnson C. Y. Unprecedented vaccine...);*

– «между двумя точками отсчета»:

(50) *Once someone has caught the COVID-19 virus it may take **between two and 14 days**, or even longer, for them to show any symptoms – but they may still be contagious during this time (Incubation period...).*

(51) *The platform isn't as widely used as Facebook – most of the main Covid sceptic Telegram groups have **between 5,000 and 15,000 users** – but discussion is*

lively, with members swapping thousands of messages a day (Shackle S., Among the Covid sceptics...);

– «меньше точки отсчета»:

*(52) By comparison, the new virus has killed twice as much and infected more than 7 times that in **less than 8 weeks** (Boyd C. How the killer coronavirus...).*

*(53) **Fewer than 0.1%** of New South Wales health staff have resigned as a result of Covid-19 vaccination mandates, contradicting claims that opposition to the jab would lead to staff shortages (McGowan M. Fewer than...);*

– «больше точки отсчета»:

*(54) In Britain, only people **over** the age of **65** are eligible to receive a Covid booster this winter, which is disappointing (Sridhar D. A new Covid variant...).*

*(55) Anyone **aged 30 or above** is now eligible to receive their fourth vaccine dose if three months have passed from their third dose, or from being infected with Covid – whichever was more recent (Davey M. How long after catching...).*

В каждой классификации языковых знаков, а также в теории семиотики в отдельный класс выделяются единицы, обозначающие действия (Гумбольдт, 1984; Чейф, 1975; Сильницкий, 1986; Кацнельсон, 2011), что свидетельствует об особой роли глагольных знаков, именуемых также знаками-процессивами, в коммуникации. Данный факт объясняется тем, что глагольные лексемы, по мнению А. А. Уфимцевой, будучи признаковыми именами, характеризуют не только внешний, но и внутренний мир человека, его отношение к окружающему миру, а также манифестируют сложные взаимодействия познающих, действующих людей, их эмоциональные и эмпирические оценки, многообразие предметов и их свойств (Уфимцева, 2002, с. 134). Согласно точке зрения Г. Г. Сильницкого, значимость глагола заключается в том, что его категориальная функция в качестве части речи выражает темпорально-динамическую сторону объективной действительности, которая проявляется в различных последовательностях изменений, происходящих в некоей сфере реального мира (Сильницкий, 1986, с. 6). Кроме того, лексическое значение глагола отличается высоким уровнем вариативности при предоставлении

данных о направлении, характере и развитии процесса. В частности, можно выделить абстрактные сведения о процессе (глаголы обладания и бытия), а также гиперконкретные признаки процесса (Олянич, 2015, с. 66–67). Наконец, дистрибутивный потенциал глаголов позволяет им сочетаться в высказывании с именами существительными в функции прямого и косвенного дополнения, в том числе предложного, а также с наречиями в функции различных обстоятельств, причем в ряде случаев они образуют с зависимыми словами единое смысловое целое, чем, по-видимому, обусловлено включение в класс знаков-процессивов не только глаголов, но и глагольных словосочетаний.

Знаки-процессивы, представленные глаголами и глагольными словосочетаниями, в медийных текстах пандемического дискурса описывают действия коронавируса, а также противодействие ему со стороны властей, медиков и рядовых граждан.

Процессы, в которые вовлечен вирус, касаются как его распространения, так и воздействия на здоровье и различные сферы жизни (*to infect, to spread, to poison, to cause damage to the lungs and other organs, to inflict damage, to develop, to be hurtful to the health, to have impact on* и т.п.):

(56) *After Boris Johnson imposed strict tier 4 coronavirus restrictions on London and southeast England on Saturday, the UK's neighbours responded by banning British travellers from crossing their borders for fear that the novel virus variant would **spread*** (Sharman J., Sullivan R., Chapman B. Coronavirus: Freight crisis...).

(57) *Worldwide, nearly 3,000 people have been killed and about 87,000 **infected** since the virus was first detected late last year in the central Chinese city of Wuhan* (Spike in China's COVID-19 cases...).

Процессы, в которых участвуют люди, охватывают широкий спектр действий, связанных, в частности, с:

– выявлением и подтверждением новых случаев заражения и штаммов (*to identify variants, to evaluate / diagnose cases, to confirm cases / death, to add up, to verify / to reinforce / to test asymptomatic cases* и т.п.):

(58) *The death toll in China from the deadly coronavirus outbreak that originated in the central city of Wuhan, rose to at least 361 on Monday, as the Philippines became the first country outside China to **confirm a death** from the infection (Coronavirus fatalities...).*

(59) *Several countries initially failed to detect it or **diagnose cases** quickly enough, and also failed to educate their population about the required response – exacerbating the crisis and leading to delays in containment (Ryder H. Africa’s Coronavirus...);*

– разработкой новых и действенных методов лечения, предотвращения и диагностики (*to approve, to produce, to develop, to devise, to design, to expertise, to sign licensing agreements, to prevent disease* и т.п.):

(60) *Vietnamese scientists have been able to **design** a test kit for the novel coronavirus (SARS-CoV-2) that is on a par with those **produced** by the World Health Organization (WHO) (Vietnam designs...).*

(61) *In the absence of known therapeutics or vaccines, scientists are working frenetically to **develop** effective strategies (Thomas L. COVID-19 produces...);*

– вакцинированием, лечением, исследованием, санитарной обработкой и профилактикой (*to deactivate, to prevent to dampen down inflammation, to reduce / cut / diminish the risk of death / mortality risk, to shorten recovery time, to vaccinate, to get immunized, to get jabbed, to give / to provide / to offer treatment, to take care of, to treat, to administer treatment, to do research in, to verify, to test, to interrogate, to tool, to clean, to flush, to sterilize, to disinfect, to sanitize, to antiseptisize, to decontaminate, to purify* и т.п.):

(62) *Over the last two months, law-enforcement agencies around the country have increasingly found themselves transporting people infected with the coronavirus, and facing the challenge of how to quickly and effectively **sanitize** their vehicles (Boudette N.E. To Disinfect a Police Car...).*

(63) *The experimental antiviral remdesivir successfully **prevented** disease in rhesus macaques infected with Middle East respiratory syndrome coronavirus*

(MERS-CoV), according to a new study from National Institutes of Health scientists (Anderton K. Experimental antiviral prevents...);

– контролем эпидемиологической ситуации, соблюдением мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции (*to impose, to ease, to fine, to issue a fine, to force school closures, to close hospitality businesses / borders, to reopen pubs / gyms / spas / nail bars / beauty salons, to wash hands regularly, to clean work surfaces and door handles, to test / check for coronavirus / Covid, to localize an outbreak, to slow / stem / contain / prevent the spread / transmission of coronavirus / outbreak / infection, buy and deliver food and medicines, to shut down whole cities and transport networks, to record deaths, to monitor, to wear* и т.п.):

(64) *Other countries have rushed to **evacuate** their citizens from Wuhan and Hubei, while many **have** also **imposed** extraordinary travel restrictions on travellers to and from China. Wuhan is the capital of Hubei (Coronavirus fatalities...).*

(65) *Health Ministry sources said there is no need for the public to **wear** face masks (Gunatilleke N. Sixteen people...);*

– проживанием в условиях пандемии (*to die, to mourn, to fall ill, to contract the illness, to lose, not to leave the house, to recover, to struggle, to pay bills, to endure, to pray for, to suffer from, to enjoy, to avoid household mixing, to keep oneself away from, to reduce social contacts, to search for jobs, singing, playing the guitar, indoor gardening, creating handmade goods, taking care of each other* и т.п.):

(66) *And though the death toll has been tragic, and the suffering immense, and though we **grieve** for all those we **have lost**, it is a fact that by adopting those measures we prevented this country from being engulfed by what could have been a catastrophe in which the reasonable worst-case scenario was half a million fatalities (Boris Johnson's speech...).*

(67) *So we practiced **singing, playing the guitar, started indoor gardening, creating handmade goods and taking care of each other**, in short, we learnt how to give value to our time (Grosetti M. Portraits of families...);*

– вызванными эпидемией изменениями в экономике (*to cease production, to dismiss, to damage, to levy, to charge, to audit, to save on something, to economize* и т.п.):

(68) *In Cambodia, the government today warned about 200 factories making mostly clothing will probably have to slow or **cease production** entirely due to a lack of raw materials (Coronavirus drying up...).*

(69) *The coronavirus outbreak will have a serious impact on New Zealand's economy in the short term, the finance minister has said, and the government may need to step in if the economic situation **deteriorates** (Roy E.A. New Zealand economy...).*

Знаки-квалификаторы, представленные именами существительными, прилагательными, причастиями, именными словосочетаниями, в медийных текстах пандемического дискурса обозначают качества, свойства, ценности и антиценности, характеризуют различные фрагменты действительности, а именно:

– физическое, эмоциональное и моральное состояние рядовых граждан и врачей, при этом знаки-квалификаторы обладают отрицательной коннотацией (*trauma, fatigue, uncertainty, total panic, fatigability, doubt, perplexity, distress, fear, exhausted, worried, anxious, overwhelmed, tired, profound shock, feelings of depression and anxiety* и т.п.) и положительной коннотацией (*endurance, steadfast, strength, heroic, inflexible, hard and fast, unperturbed, calm, courageous, fearless, stout-hearted, valiant, strong in spirit* и т.п.). Изменение вектора оценки обусловлено периодом пандемии (пик / спад заболеваемости, оптимистичным / пессимистичным настроением самих людей, результатами борьбы с вирусом, позитивными / негативными прогнозами на будущее, привыканием).

В примерах 70, 71 знаки-квалификаторы дают отрицательную оценку, тогда как в примерах 72, 73 они служат средством положительной характеристики:

(70) *Doing so may increase **feelings of depression and anxiety** among people in recovery* (Bebinger M. Addiction is ‘a disease of isolation’...).

(71) *For many modern families, there has been a **profound shock** to this new reality* (Wilson B. Off our trolleys...).

(72) *She was **heroic** and continually **inspiring*** (Kinnear R. My sister died...).

(73) *Healthcare and frontline workers, they displayed the best of humanity – **selflessness, compassion, stamina, courage** while protecting as much of us as they could, by risking their lives everyday* (Guardian readers nominate...).

В примере 74 при помощи знаков-квалификаторов физическое и эмоциональное состояние противопоставляется моральному:

(74) *Health-care workers are **exhausted, worried but steadfast*** (Clement S., Pascual C., Ulmanu M. Stress on the front lines...);

– различные штаммы коронавируса (*infectious, life threatening, contagious, severe, transmissible, transmutative, widespread, concerning, mutated, virulent, deadly, rapidly spreading, serious, asymptomatic, mild, hurtful to the health* и т.п.):

(75) *COVID-19 is a **highly infectious** disease that can cause **life threatening** symptoms* (Davis K. All you need...).

(76) *It is not yet known if P1 causes **more severe** disease, but evidence suggests it may be **more transmissible**. ... The **more concerning** variant was first detected in four people who had travelled from Amazonas to Tokyo in January* (Lovett S., Ng. K. What is the new Brazil Covid variant? Everything we know so far);

– состояние экономики, в целом, и отдельных ее секторов, систему здравоохранения, эпидемическую ситуацию и данный временной период (*evolving situation, critical stage, devastation, disaster, major crisis, financial risk, industrial hazard, huge falls, pained, indefinite, fading dark, difficult, desperate, awful, unfortunate, vulnerable, variable, understaffed, stretched beyond capacity, jarring, weakened, precarious, perilous, unthrifty, arising, reducing, painful, sorrowful, higher death rates* и т.п.):

(77) *For those who don't live with the one they love, however, it further emphasises this **pained, indefinite period** of isolation and separation (Lodge G. Streaming...).*

(78) *The **devastation** in Latin America is less visible, but compares to the worst in Europe or the U.S. (Quietly but Savagely...);*

– изменения приоритетов во время пандемии (*food, comfort, daily meals, health, sleep, families, old ties, opportunity for personal growth* и т.п.):

(79) *For people with a supportive partner, then the intense period of the lockdown might have offered a welcome **opportunity for personal growth** (Jarrett C. How lockdown may...).*

Знаки разных типов демонстрируют способность взаимодействовать друг с другом в высказывании. В частности, в приведенном ниже примере наблюдается совместное функционирование знака-процессива *support* со знаками-инструментативами *clinical trials, remdesivir*, обозначающими материальные и нематериальные ресурсы, привлекаемые для подавления пандемии, а также знаком-номинативом *scientists*, номинирующим участников событий и знаками-номинативами, называющими вирус и заболевания, которые он вызывает:

(80) *The **scientists** indicate that the promising study results **support** additional **clinical trials** of **remdesivir** for **MERS-CoV** and **COVID-19**, the disease that **SARS-CoV-2** causes (Anderton K. Experimental antiviral prevents...).*

Как отмечает Е. В. Муругова, взаимодействие представляет собой непрерывный и единый процесс, всеобщую внешнюю или внутреннюю, непосредственную или опосредованную связь явлений и предметов окружающего мира, возникающую вследствие наличия у взаимосвязанных элементов тождественных или отличительных черт. В результате этого взаимодействия может происходить преобразование качества, количества, времени, пространства, которые взаимосвязаны между собой (Муругова, 2007, с. 357), что находит отражение в лингвосемиотической системе во

взаимодействии вербальных знаков, которое, в свою очередь, приводит к их гибридизации и транспозиции.

Гибридные знаки в медийных текстах пандемического дискурса принадлежат одновременно к нескольким классам.

Во-первых, гибридными являются знаки, обозначающие учреждения и отделения, в которых проходит лечение больных, тестирование, исследование вируса (*hospital, field hospital, temporary hospital / site, research labs, mobile testing units, respiratory wards / unit, high care unit, ICU, lung function laboratory, emergency departments* и т.п.), т.е. служат для наименования мест, где разворачивается борьба с пандемией, и в то же время выступают в качестве наименований средств данной борьбы или дифференцируют учреждения по профилю предоставляемых медицинских услуг. Иными словами, они относятся одновременно к знакам-локативам и знакам-инструментативам:

(81) *“You can’t trust Covid,” says Daniyal Rizvi, 36, who is struggling for breath in Milton Keynes’ **respiratory higher care unit**, which contains critically ill patients not quite sick enough for as well as those who doctors think will not survive being put on a ventilator (Pidd H. 'We're bursting'...).*

(82) *Britain’s first **coronavirus field hospital** has been built in London and will treat up to 4,000 previously fit and healthy people struck down by Covid-19 (NHS Nightingale...).*

(83) *Rising numbers of people entering **hospital** with Covid are leading to other patients becoming infected, staff absences, delayed operations and long waits in **emergency departments**, experts have said (Davis N. Rise in UK...).*

Во-вторых, гибридными являются знаки, обозначающие различные международные, государственные и негосударственные организации, фонды, учреждения, существующие или созданные в условиях пандемии и служащие нематериальным ресурсом, используемым в борьбе с ней (*the World Health Organization, Public Health, National Pandemic Flu service, health protection principal committee, The Centers for Disease Control and Prevention, European Centre for Disease Prevention and Control, the Coalition for Epidemic*

Preparedness Innovations, the Bill and Melinda Gates Foundation, the Global Giving United Nations Foundation, DirectRelief, Doctors Without Borders, the Pan American Health Organization, the International Organization for Migration и т.п.), поскольку они одновременно относятся к знакам-номинативам и знакам-инструментативам:

(84) *Trump is also proposing a \$3bn cut to global health programs, including a 53% cut to **the World Health Organization** and a 75% cut to **the Pan American Health Organization*** (Reich R. *Coronavirus Is Bad Enough...*).

(85) *A ribbon cutting officially marks the opening of **BioLife's Plasma Services Center** in Worcester* (BioLife's Worcester...).

Транспозиционные знаки, обусловленные конверсией имен существительных и глаголов, а также асимметричным дуализмом языкового знака, в медийных текстах пандемического дискурса включают отдельные знаки-инструментативы, обозначающие способы лечения и предотвращения болезни, ограничительные мероприятия, вводимые федеральными и региональными органами власти для того, чтобы остановить распространение инфекции, и отдельные знаки-процессивы, связанные с вакцинированием, терапией, исследованием, санитарной обработкой и профилактикой, контролем эпидемиологической ситуации, соблюдением мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции (*test – to test, research – to research, quarantine – to quarantine, protect – to protect, to vaccinate – vaccination, to hospitalize – hospitalization* и т.п.):

(86) *Billions in public and private money were pumped into **research** like never before in such a short space of time* (Busby M. *How Covid changed...*).

(87) *A global alliance of world leaders is expected to pledge to raise an initial \$8.2bn (£6.5bn) at a virtual summit on Monday **to research** and equitably distribute vaccines and therapeutics to help tackle the coronavirus pandemic* (Wintour P. *Global summit...*).

В основе гибридизации вербальных знаков лежит единство окружающего мира, наличие естественных границ между его фрагментами,

тогда как в транспозиции вербальных знаков находит отражение взаимодействие частей речи, состоящее в субстантивации процессов и обусловленное разными формами существования материи и разными взаимоотношениями между ними (Муругова, 2007, с. 170, 358).

В медийных текстах пандемического дискурса встречаются **знаки-неологизмы**. Их возникновение обусловлено тем, что изменения, которые Covid-19 внес в нашу жизнь, отразились на лексическом составе языка, пополнившимся множеством новообразований. Это касается слов и выражений, отображающих новые реалии повседневной жизни, а также медицинской терминологии, которая, как мы уже отмечали, в силу активного обсуждения пандемии за пределами врачебной практики получила распространение в различных сферах общения. Массовое распространение коронавируса, повлекшее за собой всемирную пандемию и разнообразные ограничения, внесли свой вклад в словообразовательный процесс, что служит очередным подтверждением общественной природы языка, который остро реагирует на события в мире, и происходящие в нем изменения обусловлены изменениями в обществе. Соприкоснувшись с эпидемией и новыми вызовами, люди начали подбирать обозначения действиям, предметам и признакам, которые появились вместе с ней. Неологизмы, связанные с коронавирусом, являются ярким проявлением лингвокреативной деятельности коллективного сознания как потребности выражения социальной реакции. Многие неологизмы в период Covid-19 образованы путем словосложения, а также путем сокращения и полисемии, что служит проявлением экономии языковых усилий и рационализации языка.

Знаки-неологизмы принадлежат к следующим охарактеризованным выше классам:

– знаки-номинативы, включающие в себя существительные, а также субстантивированные прилагательные и причастия, служащие для наименования специалистов (*covidologist*), пациентов и носителей вируса (*super-shedder, coronator, coronic*), социальных групп граждан (*quaranteam,*

anti-masker, face naked, zoombie, coronial, social bubble, digital campfire, space marshal):

(88) *Others are "super-shedders", who release unusually large amounts of virus (or other bug) from their bodies, so anybody coming into contact with them is more likely to become infected* (Gallagher J. Coronavirus super-spreaders...).

(89) *He described instances where he has been physically assaulted by irate customers who refuse to wear masks, and said that understaffing has made the store a target for anti-maskers, because some other grocery and retail stores have enough employees to enforce protocols* (Sainato M. Anti-masker abuse...);

– знаки-локативы, номинирующие медицинские учреждения (*covidarium*), нелегально открытые во время карантина заведения (*Covid Speakeasy*), а также осуществляющие локализацию дистанционной работы (*boffice*):

(90) *Get into bed with your job - should we work from **the boffice**?* (McGuinness K. Get into bed...).

(91) **Covidarium**: *A field hospital temporarily set up to house Covid-19 patients* (Enrich your lexicon...);

– знаки-инструментативы, обозначающие средства личной гигиены (*face shield*), способы и приборы для выявления случаев заражения (*covidog, coronavisor, covisor*), меры по предотвращению распространения инфекции (*coronacation, hyflex, coroncellations, overdistancing*), а также ресурсы, связанные с переходом на режим онлайн (*Zoomwear, Zoom-shirt*):

(92) *Three Alsatian researchers have launched **Covidog**, a project allowing massive and low-cost screening of patients infected with Covid-19 thanks to the sense of smell of specially trained dogs* (Lloyd B. Alsatian researchers...).

(93) *If you ask, people who have managed to stay employed during the pandemic will confess to owning a **Zoom Shirt**: a top, typically kept on the back of the computer chair or a hanger nearby, that they pop on in the moments before their webcam lights up* (Stein J. The video call is starting...);

– знаки-процессивы, связанные с заражением вирусом (*to covid, to coronavirus*), а также с проживанием в условиях пандемии (*to work from home / WFH, to doomscroll, zoombombing, polyworking, to covidivorce, covexit, coronawashing, mask-shaming, quarantine shaming, corona-shaming*):

(94) *Being fortunate enough to have a job that allows you **to work from home** right now doesn't mean you aren't allowed to gripe about work* (Weaver C. The Most Crucial Tools...).

(95) *When people **doomscroll**, it can hurt their mental health* (Miller K. What Is Doomscrolling...);

– знаки-квалификаторы, дающие характеристики эмоциональным и физическим состояниям людей (*coronallusional, coronacoaster / ronacoaster, lockstalgia, social hangover, coronoaia, covidcrazy, caronely, covismart, covidism, covidiotism*):

(96) ***Coronallusional**, when your thinking starts getting disordered and you get confused* (Covidiot? Quarantinis?...).

(97) *The term "**coronasomnia**" can be used to describe difficulty falling asleep, or staying asleep, due to COVID-19-related stressors or worries* (Coronasomnia...);

– гибридные знаки, относящиеся одновременно к знакам-номинативам и знакам-квалификаторам, поскольку они обозначают людей и одновременно дают им характеристики (*maskhole, vaxhole, apocalypse wife, covidiot, covid-dissident, coviddy, covidist*):

(98) *You have to wear one in an airport and a plane so please, don't be a **mask-hole*** (Marks G. Pandemic restrictions...).

(99) *There are not enough dunces' caps for all **the covidiot**s out there* (Moore S. Are you a complete covidiot?...);

– транспозиционные знаки, а именно: знаки-инструментативы (*social distance, self-isolation, self-quarantine*) – знаки-процессивы (*to social-distance, to self-isolate, to self-quarantine*); знаки-номинативы (*super-spreader*) –

знаки-процессивы (*super-spreading*), знаки-номинативы (*anti-vaxxer / anti-vax*) – знаки-квалификаторы (*anti-vaccine views*):

(100) *Among delegates to the Singapore conference was a man who flew in from Wuhan, China, who may himself have been a **super-spreader*** (Boseley S., Belam M. Super-spreaders...).

(101) *Once K is below one, you have got the potential for **super-spreading*** (Davis N. K number...).

(102) *As the coronavirus spreads across the country, thousands of people who may have been exposed to the virus through travel abroad or contact with an infected person have been asked to **self-quarantine** for two weeks to help contain the outbreak* (Pan D. One man's two-week coronavirus...).

(103) *While for some the **anti-vaccine views** are deeply entrenched, others are “not **anti-vaxxers** but they want more information”* (Das S. ‘No no no...’).

Количественный подсчет позволил выделить следующее число внутридискурсивных семантических вариантов знаков каждого класса: знаки-номинативы – 9, знаки-локативы – 2, знаки-инструментативы – 6, знаки-квантификаторы – 5, знаки-процессивы – 7, знаки-квалификаторы – 4, гибридные знаки, в том числе знаки неологизмы – 3, транспозиционные знаки, в том числе знаки-неологизмы – 3. Неологизмы встречаются среди знаков-номинативов, знаков-локативов, знаков-инструментативов, знаков-процессивов и знаков-квалификаторов.

При этом следует отметить, что перечни знаков каждого типа не являются исчерпывающими и при дальнейших исследованиях, возможно, пополнятся другими разновидностями. В перспективе не исключена и дифференциация внутри выделенных классов.

Количественный подсчет знаков-номинативов, знаков-локативов, знаков-инструментативов, знаков-квантификаторов, знаков-процессивов и знаков-квалификаторов, функционирующих в медийных текстах пандемического дискурса, дает неоднозначные результаты. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что встречаемость вербальных

знаков различных типов варьируется в зависимости от тематики публикации. В частности, в статьях, предлагающих общий обзор ситуации с распространением коронавируса, включая случаи заражения, выздоровления, смерти, вакцинации, преобладают знаки-квантификаторы (34,6%), тогда как второе место занимают знаки-локативы (28,8%). В материалах, специализирующихся на медицинских аспектах проблемы, увеличивается число знаков-инструментативов (30,7%), а на второе место по употребительности выходят знаки-процессивы (22,8%). В текстах, освещающих социальные аспекты, лидируют знаки-процессивы (32,9%), второе место принадлежит знакам-номинативам (21,5%). В целом, в медийных текстах пандемического дискурса количественные показатели распределились следующим образом: 23,3% – знаки-квантификаторы, которые включают в себя числовые, процентные и сопоставительные данные и могут считаться содержательной доминантой рассматриваемого дискурса, 19,6% – знаки-процессивы, 17,9% – знаки-инструментативы, 15,3% – знаки-номинативы, 13,8% – знаки-локативы, 10,1% – знаки-квалификаторы (Склярова, Лаврухина, 2023, с. 45)

Анализ фактологического материала свидетельствует о том, что знаки-процессивы в пандемическом дискурсе благодаря регулярной встречаемости и типологической вариативности, обуславливающей, в свою очередь, их прагматическую многофункциональность, могут, по праву, считаться особыми дискурсивными единицами, в теории А. В. Олянич именуемыми презентемами (Лаврухина, 2023, с. 59). Они определяются как наименьшие информационные единицы воздействия, представляющие собой сложный лингвосомиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него (Олянич, 2004, с. 213). В силу широких дистрибутивных возможностей глагольных лексем знаки-процессивы включают в себя простые и составные наименования, а также взаимодействуют в высказывании со

знаками других типов. Именно знаки-процессивы отражают весь спектр социальных, медицинских, экономических, политических и научных проблем, обсуждаемых в медийных текстах пандемического дискурса, которые были перечислены в предыдущей главе, а именно: влияние пандемии на поведение привычки и взаимодействие людей, принимаемые властями меры для взятия ситуации под контроль, поддержание экономической стабильности, изучение вирусов, способов их распространения и мутаций, разработка вакцин и лекарств, подходы к лечению заболеваний, профилактике и организации здравоохранения в условиях пандемии.

Итак, пандемический дискурс представляет собой упорядоченную систему взаимодействующих друг с другом вербальных знаков, реализующихся в медийных текстах.

2.2. Метафорические знаки в медийных текстах пандемического дискурса

Метафоризация, в основе которой лежит соотношение или сходство между различными предметами и представлениями, служит средством художественной выразительности, источником возникновения новых значений и способом образования терминов. Во всех перечисленных случаях она реализуются в метафорических знаках, которые регулярно используются в медийных текстах пандемического дискурса для передачи определенных идей и смыслов, привлечения интереса и внимания читателя, активизации его восприятия, воздействия на эмоции.

Многие риторики, философы и лингвисты пытались разгадать тайну природы и структуры метафоры, способную образовывать целостность, объединяя разнообразный материал. Принято считать, что еще древнегреческий философ Аристотель в своих трудах рассуждал о сущности метафоры, отмечая ее эстетическую ценность (Аристотель, 1978, с. 194), а сам термин впервые был употреблен Исократом в труде “Evagorus” (Античные

теории языка и стиля, 1936). Вслед за Аристотелем современные ученые определяют метафору как «скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго» (Арнольд, 2002, с. 83), характеризуют процесс метафоризации как ощущение подобия типового образа реальности и некоторого конкретного образно-ассоциативного представления о другой реальности (Телия, 1988, с. 137), а также подчеркивают, что при формировании метафоры предметы и явления соотносятся друг с другом на основании сходства (Глазунова, 2000, с. 140). Теория концептуальной метафоры американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона базируется на том, что человек не рассматривает явления в первоначальном виде, а придает им собственные свойства. Иными словами, осмысление и переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода представляет собой характерное свойство нашего мышления (Джонсон, Лакофф, 1990, с. 387). Исходя из этого метафора расценивается как средство отражения мира, категоризации, связанное с когнитивными структурами сознания. «Мы рассматриваем метафору как неотъемлемую часть человеческого восприятия действительности и как механизм создания новых значений и новых сущностей в нашей жизни» (Lakoff, 1980, p. 195). Метафоричность языкового выражения возможна благодаря понятийной системе человека, которая по своей природе является метафоричной. Метафора трансформирует существующие в сознании образы, картину мира, упорядочивает знания и порождает новые ощущения и оценки, зачастую выдвигая иную точку зрения на те или иные фрагменты окружающей нас реальности. Квантитативный анализ метафорических моделей позволяет проследить динамику развития метафорического мышления (Андреев, 2020, с. 27).

В настоящее время существуют различные подходы к классификации метафор, а также внутри каждого подхода предлагаются несколько классификаций. В частности, разновидности метафоры выделяются на основе

степени метафоричности и структурно-семантической модели метафорических единиц, а также типа метафорического переноса (Гак, 1988, с. 11–26); по способу реализации компаративного элемента (Левин, 1998, с. 457). Н. Д. Арутюнова установила наличие четырех разновидностей языковой метафоры, а именно: номинативной, состоящей в переносе названия, образной, состоящей в переходе дескриптивного значения в предикативное, когнитивной, состоящей в переносе значения, и генерализирующей, приводящей к возникновению логической полисемии (Арутюнова, 1999, с. 366). В. П. Москвин предлагает формальную, функциональную и семантическую классификации метафор. Формальные метафоры включают в себя простую, развернутую, контекстуальную и незамкнутую разновидности. Функциональные метафоры, закрепленные за определенными стилистическими подсистемами языка, включают в себя газетную, разговорную, художественную, поэтическую разновидности (Москвин, 2006, с. 163), семантическая классификация представлена анималистической, антропоморфной, пространственной, цветовой, количественной и другими разновидностями (Москвин, 2006, с. 115). Обширность семантического принципа классификации метафор в совокупности с безграничностью лингвокреативных возможностей человека и многообразием дискурсивных практик способствуют выделению различных классов и подклассов метафор, таких как военная (Логачев, 2008; Кондратьева, 2011; Федотова, 2022 и др.), пространственная и дорожная (Баранов, Караулов, 1991; Чудинов, 2004; Скребцова, 2005 и др.), медицинская (Балашова, 2018 и др.) спортивная (Удальцова, 2015 и др.). Данный тематический список включает в себя соматическую, гастрономическую, морскую, текстильную, цирковую, игровую, юридическую, архитектурную, театральную, музыкальную, религиозную, фитонимическую метафоры (Керимов, 2005; Симоненко, 2009; Бойчук, 2011; Константинова, 2011; Юдина, 2012; Коротун, 2017; Фадеева, 2018; Рябко, Григорьева, 2016; Ребрина, Аль-Хафаджи, 2024 и др.) и его можно продолжать бесконечно.

Метафоры рассматриваются на материале русского, немецкого, французского и английского языков в различных типах дискурса: политическом (Парешнива, 2023), в том числе как средство формирования образа государства (Пакус, 2023) экономическом (Воякина, 2011; Бадаева, 2022), туристическом (Скрябина, 2021), рекламном туристическом (Третьякова, 2016), медицинском (Уткина, 2006), военном (Кравцов, Соловьева, 2022), бизнес-медиа дискурсе (Ширяева, 2022) и др.

Пандемический дискурс, вызванный эпидемией коронавируса, характеризуется своеобразным использованием метафор, роль которых состоит не только в осведомлении об опасностях коронавируса, так и в преувеличении до ужасающих масштабов его прогнозируемого апокалиптического потенциала (Sunalini, Nair, Sumalatha, Merugu, Slathia, Kumari, 2022, p. 4771). Результаты исследований, посвященных метафорическим моделям, характерным для пандемического дискурса СМИ Германии (Трофимова, 2022, с. 57–71), языковым и индивидуальным метафорам, отражающим пандемическую картину мира в русскоязычных медийных текстах (Купина, 2021б, с. 224–333), служат еще одни подтверждением вывода Г. Я. Солганика о том, что своеобразность газетно-публицистической метафоры состоит в источниках метафоризации, в механизме и сущности трансформации семантики лексической единицы, в характере функционирования и в стилистическом облике, качестве метафоры (Солганик, 2002, с. 98). В ряде статей рассматривается концептуализация пандемии через отдельные виды метафор, главным образом, метафоры войны (Бабаева, 2023, с. 349–351; Козловская, 2021, с. 264–253; Трофимова, 2022, с. 59–61; Катермина, Яченко, 2022, с. 55) и неживой природы (Темиргазина, 2020, с. 645–652), в основном связанные со стихийными бедствиями (Приемышева, 2021а, с. 271–275; Трофимова, 2022, с. 61–62), а также библейские, медицинские, пространственные, временные (Приемышева, 2021а, с. 271–275), зооморфные, политические, дорожные (Трофимова, 2022, с. 62–64) метафоры.

Зарубежные ученые на материале различных языков также исследуют метафоризацию пандемии (Berndt, 2020; Martinková, Janebová, 2020; Reijnierse, Brugman, Droog, Frezza, Leymann, Renardel de Lavalette, 2020; Busso, Tordini, 2020) и указывают на частотность военных метафор (Gipper, Hirtzel, 2020; Dienstbach, 2020; Iritspukhova, 2020), чрезмерное употребление которых приводит к раздражению и утомлению (Flusberg, Matlock, Thibodeau, 2018) в связи с чем в немецкой публицистике они были сведены к минимуму, а популярность приобрели метафоры неживой природы, особенно, метеорологические, что, по-видимому, объясняется их отсылкой к естественной сущности коронавируса (Berndt, 2020).

В данной работе мы используем лингвосемиотический подход к метафоре, т.е. исходим из того, что результатом процесса метафоризации является метафорический знак. Как особые знаки семиотического континуума метафоры рассматривались в рамках профессионального дискурса (Катермина, Ширяева, 2023, с. 47–58). При классификации метафорических знаков, функционирующих в англоязычных медийных текстах пандемического дискурса для описания сложившейся ситуации, мы будем оперировать наименованиями семантических типов метафор, введенными в лингвистический обиход разными учеными.

В связи с тем, что для реализации значения метафоры совершенно необходимо наличие нескольких сопутствующих ей слов, входящих в единство с нею, как бы расшифровывающих ее значение и образующих метафорическую группу (Лясота, 1962, с. 93), метафорические знаки подразделяются на простые семиотические образования, относящиеся к одному из охарактеризованных в предыдущем параграфе классов, но включающие в свой состав несколько лексических единиц, и сложные семиотические образования, представляющие собой комплекс нескольких знаков разных классов. В метафорическом знаке происходят определенные сдвиги в значении входящих в его состав лексических единиц вследствие переноса в необычное окружение. Характер семантической связи компонентов

метафорического знака приводит к тому, что его значение не вытекает непосредственно из значений составляющих их слов. Они представляют собой в отношении своего содержания новое качество, новое смысловое единство. Метафорический знак отличается тесной смысловой сплоченностью компонентов, поскольку передает нерасчлененное образное представление.

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что метафорические знаки в медийных текстах пандемического дискурса выполняют денотативную и стилистическую функции.

Денотативную функцию выполняют **устойчивые метафорические знаки**, которые характеризуются тем, что утратили образность и экспрессивность:

(104) *Once someone **has caught the COVID-19 virus** it may take between two and 14 days, or even longer, for them to show any symptoms – but they may still be contagious during this time (Incubation period...).*

(105) *Spinney herself contracted Covid along with her husband in September, and **lost her sense of smell** for two weeks, although, like many, she was not tested (Vince G. Following the science...).*

В примерах 104, 105 метафорические знаки *has caught the COVID-19 virus*, *lost her sense of smell* включают в свой состав антонимические глаголы *catch* и *lose*, которые обозначают действия, обычно осуществляемые с осязаемыми материальными объектами, но в данном случае они взаимодействуют с лексическими единицами, обозначающими нематериальные объекты.

(106) *A **delivery of 600,000 doses of the AstraZeneca vaccine** arrived in Accra on Wednesday (Covax vaccine-sharing...).*

В примере 106 метафорический знак *a delivery of 600,000 doses of the AstraZeneca vaccine arrived* включает глагол *arrive*, который обозначает действие, обычно осуществляемое одушевленными субъектами, но в данном случае взаимодействует с лексическими единицами, обозначающими неодушевленные субъекты.

(107) *The robust retail sales come even as millions of Americans **remain out of work** because of the pandemic (Cyber Monday...).*

В примере 107 метафорический знак *remain out of work*, основан на переносе пространственных ориентиров с конкретных объектов на абстрактные.

Денотативную функцию выполняют **терминологические метафорические знаки**, которые служат для обозначения специализированных понятий научно-медицинской сферы:

(108) *Following two studies that screened thousands of human antibodies to SARS-CoV-2 to identify highly potent pairs, in which both antibodies bind the viral target simultaneously, a resultant **antibody cocktail** is being tested in human trials (Ives J. Antibody cocktail...).*

(109) *As well as gaining a bit of extra income for her staff, Krüger hoped that testing centres like hers could point the way to how Berlin's dance floors can reopen even before vaccine-led **herd immunity** has vanquished the virus completely (Ostermann Ph. Fetish gear out...).*

(110) *Prof Edward Holmes, a virologist at the University of Sydney, agreed that the virus could have been in **an intermediate host** for a long time, and perhaps even in humans for a few months before it was reported (Spinney L. Wuhan virologist says...).*

В примерах 108, 109, 110 в основе образования терминологических метафорических знаков *antibody cocktail*, *herd immunity*, *an intermediate host* лежат, соответственно, название напитка *cocktail*, состоящего из различных компонентов, которое используется для наименования медицинского препарата, включающего различные антитела, название группы животных *herd*, которое используется для наименования естественного сопротивления распространению инфекции в популяции, название социальной роли индивида *host*, которое используется для наименования носителя невыявленного вируса.

Стилистическую функцию выполняют **экспрессивные метафорические знаки**, основанные на различных образах и ассоциациях. В

них один из компонентов, так называемое указательное слово, обозначает предметы или явления действительности, т.е. связывает этот знак с действительностью. Другие компоненты направлены не на непосредственное обозначение конкретных явлений и предметов, а вызывают лишь образное или ассоциативное представление о них, и служат для сопоставления, выражения субъективно авторского восприятия действительности и являются собственной метафорой:

(111) *Zac Petkanas, director of the healthcare pressure group Protect Our Care's coronavirus war room, said: "The Trump administration has completely surrendered any leadership or effort to combat the spread of this virus. While doctors, nurses, first responders and frontline workers battle the worst surges this country has experienced so far, Donald Trump and his cronies are partying away the holiday season."* (Smith D. Donald Trump stays...).

(112) *We all have to join together to protect the community from the coronavirus outbreak* (Indian Wells tennis...).

В примерах 111, 112 метафорические знаки военной семантики *the Trump administration has surrendered, to combat the spread of this virus, frontline workers battle the surges, to protect from the coronavirus*, подразумевая уподобление пандемии врагу, подчеркивают ее опасность, оказывают эмоциональное воздействие на реципиентов с тем чтобы генерировать у них сознательное и серьезное отношение к проблеме распространения вируса и борьбы с ним.

С точки зрения тематической отнесенности денотата, лежащего в основе сравнения, метафорические знаки, встречающиеся в медийных текстах пандемического дискурса, подразделяются на множество классов, которые были нами дифференцированы и упорядочены в семиотическую систему.

Метафорические знаки пространственной локализации (ориентационные метафорические знаки) основаны на способности человеческого сознания использовать горизонтальную и вертикальную оси в качестве ориентира для оценки различных явлений действительности. Они

подразделяются на **метафорические знаки динамической и статической пространственной локализации**, которые отражают, соответственно, перемещение субъекта или объекта по вертикали и горизонтали, и нахождение субъекта внутри и снаружи, а также **туристические метафорические знаки**.

В состав метафорических знаков динамической пространственной локализации по вертикали входят глаголы, в структуре значения которых присутствуют противоположные семы «вверх – вниз» *to lift, to rise, to climb – to bring down, to fall, to drop* и т.п., образующие так называемую синонимико-антонимическую парадигму – объединение, состоящее из двух синонимических рядов, члены которых образуют, по меньшей мере, одну (или более) антонимическую пару (Джалашова, 2004, с. 7). В медийных текстах пандемического дискурса они характеризуют развитие ситуации, связанной с распространением вируса, смертностью, выздоровлением. В зависимости от того, о чем идет речь, каждый из них может обозначать изменения эпидемиологической обстановки как в сторону улучшения, так и ухудшения:

(113) *The US **death toll from the coronavirus climbed** to 12 on Thursday, with all but one of the victims in the north-western US state of Washington (Coronavirus: White House...).*

(114) ***Deaths dropped** to just over 20,000 in June after states closed many businesses and ordered people to stay at home (Gabbat A. Florida passes...).*

(115) *An England-wide lockdown, brought about after the other UK nations imposed their own restrictions, has helped **to bring cases down**: 83% of local authorities across the UK saw their **case rates fall** for two weeks running (up to 27 November) (Duncan P., Barr C., Gayle D. UK government's...).*

В примере 115 в метафорических знаках динамической пространственной локализации по вертикали глаголы взаимодействуют с объектом и субъектом действия.

В состав метафорических знаков динамической пространственной локализации по горизонтали входят глаголы движения *to pass, to come, to go, to pad, to run, to tread* и т.п. Они служат для характеристики различных

аспектов сложившейся ситуации, в частности, в примерах 116 и 117, соответственно, указывают на тщательность, с которой Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США проверяет безопасность новой вакцины, и увеличение случаев смерти от ковида:

(116) *They all take safety seriously – that’s the main job of a drug regulator – but the FDA seems to go an extra mile* (Boseley S. How vaccine...).

(117) *This toll has been consistently significantly lower than figures from the UK’s three statistical agencies, which put the death toll as having passed 76,000* (Campbell L. Covid...).

В примерах 118 и 119 метафорические знаки динамической пространственной локализации по горизонтали, в состав которых входят антонимичные глаголы *to come – to go away*, имеющие противоположные семы «удаление – приближение», обозначают действия вируса и доставку вакцин:

(118) *We must not lose sight of the fact that Covid has not gone away* (Topham G. Road and rail...).

(119) *Vaccines are coming, we can look forward to a future beyond pandemic in 2021* (Skopeliti C., Topham G. Busy high streets...).

В примере 120 в состав метафорических знаков динамической пространственной локализации по горизонтали входит глагол *to place* с предлогами *on* и *under*, обозначающими перемещение относительно горизонтальной поверхности. Оппозиции антонимичных предлогов в сочетании с полнозначными словами отражают противоположные отношения, которые вследствие свойственной им противоречивости возникают в различных сферах (Боева, 2000, с. 50), поэтому оба метафорических знака, несмотря на антонимию их отдельных компонентов, связаны с введением превентивных мероприятий:

(120) *The Maldives has confirmed its first two cases of deadly coronavirus outbreak on March 7 and placed two of its islands under effective quarantine, as authorities conducted further tests to contain the spread of the disease... It was not*

*clear how many tourists were under lockdown on each of the islands... The government has also **placed entry restrictions on those arriving from China, parts of South Korea** (Maldives confirms...).*

В примерах 121 и 122 метафорические знаки статической пространственной локализации, в состав которых входят глаголы с предлогом *in* и наречием *out*, имеющими противоположные значения «внутри – снаружи», служат для обозначения противостояния вирусу и пребывания на карантине:

(121) *There has been perhaps no place on Earth where people have been more vigilant in **keeping out the virus** than Antarctica, the only continent which remains virus-free* (Perry N. Pacific Isles...).

(122) *Two weeks after that, the **entire nation was in lockdown*** (Vince G. Following the science...).

Туристические метафорические знаки, основанные на ассоциации с путешествиями, странствиями, походами, в медийных текстах пандемического дискурса характеризуют перемещение вируса, как в примере 123, где метафорический знак содержит словосочетание *to take the path* и в данном контексте показывает, что пути распространения эпидемии невозможно предугадать:

(123) *Those involved in the Lancet and WHO investigations know they may never be able to clarify the exact **path the virus took** towards being passed on to humans, so long after the event* (Spinney L. Wuhan virologist says...).

Биоморфные метафорические знаки подразделяются на **антропоморфные, зооморфные и фитоморфные**, образующиеся, соответственно, в результате способности мышления уподоблять и соотносить неодушевленные объекты и абстрактные понятия с человеком, фауной и флорой.

В медийных текстах пандемического дискурса встречаются, главным образом, **акциональные антропоморфные метафорические знаки**, основанные на переносе действий человека на вирус. В примерах 124, 125, 126

они содержат глаголы *to escape, to behave, to hit* и характеризуют ковид как коварное, безжалостное и неуловимое существо, меняющее поведенческие модели:

(124) *Virologists describe a **virus as having "escaped"** when it can no longer be controlled by antibodies built up after infection or vaccination (Weintraub K., Weise E. New strains of COVID).*

(125) *Two steroid treatments have been found to reduce the risk of death in the seriously ill, while much has been learned about how **Covid behaves**, which means hospitals will be better prepared for problems such as blood clots and kidney damage (Triggle N. Covid: Is it time...).*

(126) *The World Health Organization said Sunday that the **virus** appears to particularly **hit** those over the age of 60 and people already weakened by other illness (Global COVID-19...).*

Телесность является важнейшим инструментом порождения смыслов и телесный опыт переносится на другие социальные практики для достижения яркости выражения и доступности восприятия (Абросимова, 2015, с. 82). В примере 127 **соматические** антропоморфные метафорические знаки, основанные на переносе структуры и функций человеческого тела на абстрактные понятия и неодушевленные объекты, используются, чтобы подчеркнуть опасность вируса и необходимость консолидации усилий для борьбы с ним:

(127) *Public health security is a common **challenge faced by humanity**, and all **countries should join hands** to cope with it, said Xi during an inspection in Beijing on Monday, calling on countries to share research data and jointly work out response strategies (Amid COVID-19 war...).*

В медийных текстах пандемического дискурса регулярно используются фитоморфные (ботанические) метафорические знаки, которые характеризуют вирус через проекцию на него свойств растений, таких как вегетация, особенности цветения, внешний вид. Если в примере 128 с помощью метафорического знака *fresh spike in COVID-19 infections* обозначаются новые

единичные случаи заражения, то в примере 129 метафорический знак *the coronavirus outbreak grows* служит для того, чтобы подчеркнуть распространение инфекции, тогда как в примере 130 метафорический знак *coronavirus clusters* подчеркивает наличие охваченных эпидемией территорий, или очагов:

(128) *China reported a fresh spike in COVID-19 infections on Sunday, as President Donald Trump urged calm after the first death on US soil and Australia registered its first fatality (Spike in China's COVID-19 cases...).*

(129) *As the coronavirus outbreak grows, the Bill and Melinda Gates Foundation is giving \$100 million in funding for frontline responders, prevention measures, and treatment efforts around the world (Secon H. The Gates Foundation...).*

(130) *Coronavirus clusters in Alpine resorts such as Austria's Ischgl played a key role in the spread of the virus during the first wave of the pandemic earlier this year, with holidaymakers bringing Covid-19 back home following ski trips abroad (Henley J. France to carry out...).*

Аналогичную функцию в примере 131 выполняет зооморфный метафорический знак *the biggest nest of infections*, основанный на переносе на вирус свойства других представителей живой природы, в данном случае гнездования, являющегося отличительной особенностью птиц:

(131) *South Korea, the biggest nest of infections outside China, reported nearly 500 new cases on Monday, raising its total past 4,000 In China, the number of reported new cases has gradually been declining, and there were only six confirmed new infections outside Hubei (Global COVID-19...).*

Метафорические знаки неживой природы подразделяются на гидроморфные, ландшафтные, метеорологические, астрономические и др., образующиеся, соответственно, в результате способности мышления уподоблять и соотносить различные объекты и абстрактные понятия с водной стихией, рельефом земной поверхности, атмосферными явлениями и космическими феноменами.

В медийных текстах пандемического дискурса встречаются гидроморфные метафорические знаки различной степени экспрессивности, служащие для характеристики эпидемии. Так, в примере 192 она сравнивается с айсбергом, у которого, как известно, большая часть льда скрыта под водой. Тем самым подчеркивается, что SARS-CoV-2 является малоизученным, таит в себе множество опасностей и негативных последствий для человеческого организма. Примечательно, что данный метафорический знак использовался в текстах, опубликованных в начале пандемии, когда в распоряжении ученых и медицинских работников было мало информации о новом вирусе:

(132) *Professor Gabriel Leung, the chair of public health medicine at Hong Kong University, said the overriding question was to figure out **the size and shape of the iceberg*** (Boseley S. Coronavirus ‘could infect...).

В примерах 133 и 134 метафорические знаки *the ripple effects of Covid-19, a dangerous surge*, основанные на различных состояниях водной поверхности, на которой могут возникать как мелкое волнение, так и большие волны, отражают разную динамику распространения штаммов вируса:

(133) *Even as China pushes factories to reopen, **the ripple effects of Covid-19** have already proved inescapable for manufacturers outside the country. Particularly hard hit is Southeast Asia, where industries (Coronavirus drying up...).*

(134) *The US nationally has seen almost 13m infections from Covid-19 and the figure is increasing by around a million a week in **a dangerous surge** that experts warn is only going to worsen before a vaccine is ready for widespread immunization (Gabbat A. Florida passes...).*

В примере 135 ландшафтный метафорический знак *the health system is on the brink* указывает на уязвимость системы здравоохранения, находящейся на краю обрыва, в который она в любой момент может рухнуть, не справившись с потоком зараженных пациентов:

(135) *Even as the arrival of vaccines bring hope, **the health system is on the brink*** (The coronavirus pandemic...).

В примере 136 метеорологический метафорический знак *new coronavirus epidemic epicentre*, основанный на переносе свойства климатической аномалии на эпидемию, обозначает наиболее охваченную ею территорию страны:

(136) *The global death toll from the **new coronavirus epidemic** surpassed 3,000 on Monday after dozens more died at its **epicentre** in China and cases soared around the world, with a second fatality on US soil (Global COVID-19...).*

Применение гидроморфных, ландшафтных и метеорологических метафорических знаков позволяет представить новую реальность с помощью уже известных простых и ярких наглядных образов, служащих ранее для отображения других фрагментов действительности.

В примере 137 метафорический знак *the second wave has not eclipsed the first wave*, образованный в результате взаимодействия гидроморфного и астрономического образов, служит для того, чтобы подчеркнуть прогнозируемое ухудшение ситуации.

(137) *Dr Jason Oke, of the Centre for Evidence-Based Medicine at the Nuffield Department of Primary Care Health Sciences at the University of Oxford, said one “crumb of comfort is that the number isn’t as high as many predicted it would be and **the second wave has not eclipsed the first wave in terms of deaths**” (Duncan P., Barr C., Gayle D. UK government's...).*

В примере 138 метафорический знак *fuelling a third wave of the coronavirus*, основанный на взаимодействии образов двух противоположных стихий – воды, представленной лексемой *wave* и огня, представленного лексемой *fuel*, используется в контексте, где говорится о необходимости предотвратить распространение заболеваемости. Экспрессивность высказывания усиливается за счет сочетания слов, обозначающих несовместимые понятия:

(138) *While Alpine resorts in France will technically be open over Christmas, ski lifts and other essential winter sports infrastructure, as well as bars and restaurants, will not as the country strives to avoid **fuelling a third wave of the coronavirus** (Henley J. France to carry out...).*

Метафорические знаки неживой природы подразумевают невозможность активного вмешательства человека в динамику развития пандемии как стихийного бедствия и призваны активизировать ментальную программу выживания, поиска способов спасения, а не противостояния ей.

Социоморфные метафорические знаки подразделяются на **криминальные, военные, спортивные, экономические** и др., образующиеся в результате способности мышления уподоблять и соотносить различные объекты и абстрактные понятия с соответствующими явлениями общественной жизни.

В примерах 139, 140, 141 в состав криминальных метафорических знаков *one of the three cases ... has not been traced, coronavirus has killed, to detect the virus* входят лексемы *to kill, to detect, to trace*, тогда как вирус выступает в качестве субъекта и объекта обозначаемых ими действий. Они создают образ вируса как серийного убийцы, совершающего преступления, которого пытаются выследить и обезвредить:

(139) *However, what's troubling officials is that **one of the three cases** found in England **has not been traced*** (Ellyatt H. UK hunts for...).

(140) ***Coronavirus has killed** 168 more people in Italy in the past 24 hours, the highest toll in a single day since the start of the outbreak in the country* (Italy records...).

(141) *Shi's group has so far failed **to detect the virus** in farm animals or wildlife they have sampled around Wuhan, the capital of Hubei province* (Spinney L. Wuhan virologist says...).

Военные метафорические знаки в медийных текстах пандемического дискурса являются наиболее многочисленными и разнообразными. Они включают в свой состав глаголы *to target, to attack, to fight, to battle, to resist, to confront, to combat, to protect, to safeguard, to surrender*, образующие синонимико-антонимическую парадигму, существительные *frontline, threat, hotspot, battle, war, weapon*. Военные метафорические знаки создают образ вируса как всеобщего врага, с которым воюет человечество на невидимом

фронте, неся огромные потери. Они используются для описания действий медицинских работников, ученых, властей, населения, единство и сотрудничество которых служит залогом победы:

(142) *To prevail over a disease that threatens all, **unity and cooperation is the most powerful weapon,***” Xi wrote in a reply to a letter from Bill Gates, co-chair of the Bill & Melinda Gates Foundation (Amid COVID-19 war...).

В примере 143 метафорический знак *hotspot* служит для того, чтобы выделить наиболее пораженные вирусом регионы:

(143) *In the European **hotspot** of Italy, the number of infections doubled in 48 hours, the head of the country's civil protection body said on Sunday... On Monday, South Korea - the biggest **hotspot** outside China - reported 476 new cases, bringing the total number of cases to 4,212* (Coronavirus: Global death...).

В примерах 144, 145 в метафорических знаках *China is fighting a tough war against the coronavirus disease* и *to confront the coronavirus* присутствуют глаголы *to fight* – *to confront*, образующие антонимическую оппозицию «нападение – защита»:

(144) *As **China is fighting a tough war against the novel coronavirus disease** (COVID-19) outbreak, Chinese President Xi Jinping has underscored international cooperation in scientific research guided by the vision of a community with a shared future for humanity* (Amid COVID-19 war...).

(145) *“We’ve taken the most aggressive actions **to confront the coronavirus,**” Trump said at a hastily arranged White House press conference* (Spike in China’s COVID-19 cases...).

Спортивные метафорические знаки, встречающиеся в медийных текстах пандемического дискурса, представляют собой, главным образом словосочетания *to hit / to mark / to set record*, которые используются для характеристики масштабов распространения эпидемии и ее последствий. Так, в примере 146 метафорический знак *pandemic death toll hit its record* подчеркивает увеличение количества случаев смертельного исхода. Вирус изображается как атлет, побивший свой собственный рекорд:

(146) *On Wednesday, when the **pandemic death toll hit its record**, he released a 46-minute videotaped speech that spread lies and disinformation about voter fraud (Smith D. Donald Trump stays...).*

В примере 147 метафорический знак *the Coronavirus threat has dealt a crippling blow* создает образ вируса как участника состязаний в контактных видах спорта:

(147) *The Coronavirus threat in China has further **dealt a crippling blow** on Sri Lanka's apparel industry with 50 factories or more being threatened with temporary closure (Ladduwahetty R. Coronavirus takes...).*

В примере 148 метафорический знак *fast-track approval of a coronavirus vaccine*, основанный на ассоциации с велоспортом, подчеркивает скорость прохождения всех формальных процедур, связанных с регистрацией вакцины против коронавируса:

(148) *Politicians, health professionals and commentators in Europe and the US have questioned Britain's decision to **fast-track approval of a coronavirus vaccine** and criticised what some saw as the jingoistic tone of its announcement (Henley J., Connolly K., Jones S. European and US experts...).*

Экономические метафорические знаки в медийных текстах пандемического дискурса служат для описания различных аспектов ситуации, связанной с эпидемией. Так, в примере 149 метафорический знак *managed the pandemic* представляет отдельные государства как менеджеров, способных успешно управлять пандемией, тогда как в примере 150 метафорический знак *cases being imported* основывается на сравнении вируса с товаром, который может импортироваться из страны в страну:

(149) *Both Germany and South Korea are generally seen by health care experts as having successfully **managed the pandemic** (Americans Say...).*

(150) *Conte asked Italians not to take to the slopes at all during the Christmas holidays, and called on all other European countries with major winter sports sectors to agree common rules to prevent **cases being imported** if Italy's pistes stayed closed (Henley J. France to carry out...).*

Ироничное использование метафорического знака в примере 151 указывает на то, что во время пандемических ограничений крупнейший интернет-магазин значительно увеличил прибыль:

(151) *Amazon, one of the biggest beneficiaries of the pandemic-induced shift away from physical stores, did not appear to have any major technical glitches during the day (Cyber Monday...).*

При формировании **артефактных метафорических знаков** в качестве отсылочных образов выступают объекты, созданные человеком в технической, строительной, архитектурной, гастрономической, автомобильной, бытовой и прочих сферах, а также процессы или действия, которые осуществляются с ними.

В медийных текстах пандемического дискурса нам встретились **автомобильные и строительные** метафорические знаки, принадлежащие к артефактному типу.

В примере 152 метафорический знак *give the green light*, образной основой которого выступают правила дорожного движения, функционирует в контексте, где речь идет о выдаче разрешений на использование вакцин против коронавируса:

(152) *That's different, the EMA said, from the "conditional marketing authorisation" it hopes to grant in a few weeks, which will **give the green light** to any European country to use the vaccine (Boseley S. How vaccine...).*

В примере 153 метафорический знак *virus was not constructed*, в состав которого входит глагол строительной семантики *to construct*, употребляется в контексте, где отрицается искусственное происхождение вируса:

(153) *The World Health Organization has cited evidence of coronavirus originating late last year from bats in China; the **virus was not constructed** in a laboratory (Harding L., Boffey D., Willsher K., McKernan B. Lockdown eased...).*

Метафорические знаки искусства образуются в результате способности мышления уподоблять и соотносить различные объекты и абстрактные понятия с такими практиками творческого самовыражения, как

исполнительское, изобразительное и литературное искусство. В примерах 154, 155 метафорические знаки *the public health epidemic created by coronavirus, exhibiting symptoms of the virus* олицетворяют вирус, уподобляя его креативной личности, деятельность которой привела к возникновению эпидемии и изменению жизни большинства людей, служащих экспонатами на выставке его творчества:

(154) *On the other hand, the public health epidemic created by coronavirus continues to disrupt social and economic life of people in many parts of the world* (Emeritus S.H. Climate change...).

(155) *“An employee at the resort is also exhibiting symptoms of the virus,” the minister said* (Maldives confirms...).

В медийных текстах пандемического дискурса нам встретились **театральные, музыкальные и литературные** метафорические знаки, принадлежащие к рассматриваемого типу.

В примере 156 метафорический знак *subjects of epidemiology, virology and immunology take centre stage*, основанный на образном сравнении сюжетов художественных произведений с действием на главной театральной сцене, подчеркивает изменения тематики книг, написанных во время пандемии:

(156) *It has been an extraordinary year to be a science writer, watching the formerly niche subjects of epidemiology, virology and immunology take centre stage – a bit like how it must be for constitutional law experts when a new Brexit detail is announced* (Vince G. Following the science...).

В примере 157 метафорический знак *the gamut of outcomes*, основанный на образном сравнении различных органов человеческого организма с музыкальным рядом, служит для обозначения многообразия вызванных вирусом осложнений и последствий для здоровья:

(157) *Our four patients represent the gamut of outcomes* (Mangan L. Surviving Covid...).

В примере 158 метафорический знак *turn the page on New Zealand’s Covid-19 restrictions* основан на сравнении жизни с книгой, а новый этап

существования в рамках ограничительных мероприятий – со страницей книги, которую придется открыть для продолжения чтения, но, дочитав до конца, ее тоже можно будет перелистнуть:

(158) *Jacinda Ardern has declared it “time to safely **turn the page**” on New Zealand’s Covid-19 restrictions, scrapping all but a handful of remaining rules (New Zealand drops mask...).*

В примере 159 метафорический знак *coronavirus was just a story* подразумевает, что респираторное заболевание переросло в пандемию с различными социально-экономическими и политическими последствиями, подобно художественному произведению, которое сначала задумывалось как рассказ, а потом превратилось в роман со сложными жизненными перипетиями, и точка в нем еще не поставлена:

(159) *They thought the **coronavirus was “just a story”** when they first heard about it (Mangan L. Surviving Covid...).*

При формировании **религиозных метафорических знаков** в качестве отсылочных образов выступают понятия, связанные с верой в высшие силы, библейскими сюжетами, концом света.

В примере 160 при помощи метафорического знака проводится аналогия между пандемией и представителем темных сил зла, который отличается коварством и злонамеренностью, тем самым данные качества приписываются вирусу:

(160) *“**The epidemic is a devil. We will not let it hide,**” said Xi when meeting with WHO Director-General Tedros Adhanom Ghebreyesus in Beijing on Jan. 28 (Amid COVID-19 war...).*

В медийных текстах пандемического дискурса апокалиптические метафорические знаки служат для образного представления различных аспектов жизни во время пандемии в сценах Армагеддона, как в примере 161 где метафорический знак *to expose chaos* характеризует сотрудничество ученых и властей, направленное на борьбу с вирусом, которое вместо созидательного превратилось в разрушительное:

(161) *Scientists set to expose chaos and disagreement in UK government at Covid inquiry* (Helm T. Scientists set to expose...).

В примере 162 наблюдается взаимодействие военного метафорического знака *to conquer this virus* и религиозного метафорического знака *to make sacrifices*, восходящего к обряду жертвоприношения, практиковавшемуся во многих культурах для того, чтобы добиться милости сверхъестественных сил, которым приписывалась ответственность за природные катаклизмы и массовые заболевания. Его использование в данном контексте имеет гиперболический характер, поскольку речь идет об отмене горнолыжного сезона, выступающего в качестве жертвы, которую нужно принести с тем, чтобы не допустить распространение вируса:

(162) *Those who cannot ski are not victims,” he told the TV station Rete 4. “This discussion about winter holidays is surreal. We need to make sacrifices in order to conquer this virus* (Connolly K. Austria set...).

Охарактеризованные выше типы метафорических знаков могут взаимодействовать в одном высказывании для усиления его экспрессивности. Нам уже встретились случаи совместного функционирования нескольких метафорических знаков неживой природы, а именно: гидроморфного и астрономического, а также социоморфного военного и религиозного. Рассмотрим другие подобные примеры.

Пример 163 представляет собой сложное взаимодействие шести типов метафорических знаков, служащее для образного отображения сложившейся ситуации. Мифологический, антропоморфный акциональный, криминальный и судебный метафорические знаки, обладающие отрицательной коннотацией, характеризуют действия вируса, который описывается как монстр, подчинивший себе весь мир, беспощадно убивающий людей и содержащий их в одиночном заключении. Военные метафорические знаки, обладающие положительной коннотацией, относятся к противодействию, которое ему оказывается, и подчеркивают, что в конечном итоге с ним будет покончено,

тогда как литературный метафорический знак подразумевает, что это противоборство – длительный процесс, который может затянуться на годы:

(163) *This year has had the makings of an epic saga: a monstrous disease that took over the world, killing the oldest, poorest and most vulnerable, imprisoning the population in lockdown – and the heroic scientists who battled day and night to create a miracle vaccine to defeat it* (Vince G. Following the science...).

В примере 164 наблюдается взаимодействие гидроморфного, артефактного механистического и фитоморфного метафорических знаков, которое нагнетает ситуацию с распространением вируса:

(164) *The fading dark days of this pandemic winter could yield to another wave of infections propelled by mutated variants of the virus that have taken root, with 997 infections attributed to them nationwide by Thursday night* (Winter coronavirus wave...).

В примере 165 взаимодействие криминального и туристического метафорических знаков используется в контексте описания деятельности ученых по выявлению траекторий распространения вируса:

(165) *A team led by renowned Chinese respiratory specialist Zhong Nanshan is working with foreign scientists on tracing of the virus source, its transmission routes as well as building of the animal model for experiments, among others* (Amid COVID-19 war...).

В примере 166 метафорические знаки динамической пространственной локализации по вертикали и спортивный служат для того, чтобы подчеркнуть ежедневный прирост заболеваемости:

(166) *The country now has the most deaths of any country outside China, and the second-most COVID-19 infections in the world, after the number of cases rose by a single-day record of 1,492 to 7,375* (Italy has...).

В медийных текстах пандемического дискурса метафорические знаки характеризуют различные аспекты ситуации, сложившейся в результате эпидемии.

В примерах 167, 168 метафорический знак динамической пространственной локализации по вертикали и метафорический знак неживой природы, связанный со стихией воды, в состав которых входят слово *cases* используются для того, чтобы показать масштаб и скорость распространения вируса, тогда как в примере 169 военный метафорический знак, в состав которого входит слово *outbreak*, обозначает борьбу с ним:

(167) *Italy is to close all schools and universities from Thursday to try to contain its worsening coronavirus outbreak, a government source said, as cases continued to rise in Europe's worst-hit country (Italy set to close...).*

(168) *The news comes as **coronavirus cases across the country surge** during the holiday season (Evelyn K. Fauci accepts...).*

(169) *Congress meanwhile moved with unusual speed to approve a bumper emergency aid package **to combat the outbreak** (White House concedes US lacks enough test kits).*

В примере 170 антропоморфные акциональные метафорические знаки характеризуют, соответственно, увеличение случаев заболевания и смертельного исхода:

(170) *Italy, the hotspot of the outbreak in Europe, saw **a jump in new cases** on Saturday, with its number of infections exceeding 1,000 and **the death toll jumping** by eight to 29 (Spike in China's COVID-19 cases...).*

В примере 171 метафорический знак неживой природы, связанный со стихией воды, указывает на переполненность больниц, вызванную большим количеством случаев заражения вирусом, и свидетельствует о том, что системе здравоохранения пришлось столкнуться с большими трудностями:

(171) ***The emergency department at Jackson Memorial Hospital, wedged between Little Havana and the vibrant murals of Wynwood in Miami, has overflowed with Covid-19 patients for weeks** (Glenza J. Florida hospitals...).*

В примере 172 антропоморфный метафорический знак, основанный на ментальной деятельности, служит для того, чтобы подчеркнуть

эффективность и перспективность новых методов лечения, проходящих клинические испытания в различных странах мира:

(172) *The World Health Organization (WHO) is running the Solidarity trial to assess **promising treatments** in countries around the world* (Gallagher J. Coronavirus cure...).

В примере 173 метеорологический метафорический знак, обозначающий осадки, служит для того, чтобы показать громкую рекламную кампанию, которая была развернута вокруг новой вакцины, тогда как в примере 174 утративший образность метафорический знак динамической пространственной локализации по горизонтали связан с доставкой партии вакцины:

(173) *The Moderna vaccine was hailed as "tremendously exciting" when the US pharmaceutical company posted its phase three clinical trial results in November* (Cambridge E. Moderna produces...).

(174) *A **delivery of 600,000 doses of the AstraZeneca vaccine arrived in Accra on Wednesday*** (Covax vaccine-sharing...).

В примерах 175, 176 метафорические знаки динамической пространственной локализации по вертикали и горизонтали обозначают противоположные действия введения и отмены локдауна, тогда как в примере 177 игровой метафорический знак подчеркивает непредсказуемость его последствий:

(175) *New Zealand's largest city of Auckland will **go into a three-day lockdown** beginning just before midnight Sunday following the discovery of three unexplained coronavirus cases in the community* (New Zealand city...).

(176) *The Brazilian "variant of concern" that has been discovered in the UK could disrupt plans **to lift all lockdown measures** in the UK by June 21 an expert has suggested* (Gutteridge N. Schools reopening...).

(177) *Whichever way the **lockdown played out**, there has been one near universal aspect to the past months – it abruptly disrupted our daily routines and*

living arrangements in ways that would not normally occur (Jarrett C. How lockdown may...).

В примере 178 устойчивый метафорический знак статической пространственной локализации обозначает безработицу, обусловленную вспышкой пандемии:

(178) *The robust retail sales come even as millions of Americans **remain out of work** because of the pandemic* (Cyber Monday...).

В примере 179 театральный метафорический знак служит для того, чтобы подчеркнуть отношение к деятельности Исполнительного агентства Министерства здравоохранения и социальной защиты Соединенного Королевства, отвечающего за обеспечение работоспособности и приемлемой безопасности лекарственных средств и медицинских устройств, которая не заслужила одобрения широкой общественности и получила поддержку только политиков и производителей вакцины:

(179) *The Medicines and Healthcare Products Regulatory Agency (MHRA) in the UK **has not had a round of applause** from anyone other than the UK's politicians and the vaccine companies* (Boseley S. How vaccine...).

В примерах 180, 181 военные метафорические знаки относятся к экономической ситуации, в частности к фондовому индексу и мировым рынкам, тогда как метафорический знак, основанный на общепринятом цветообозначении, в частности ассоциации красного цвета с опасностью, характеризует состояние экономики США:

(180) *Equity markets reversed last week's marginal gains (12.8 points) as the broad share index continued **to lose ground** for 5 consecutive days this week, shedding over 100 index points to remain staunchly below the 6,000 mark amid persistent foreign sell-off from domestic equities* (ASPI falls...).

(181) *US markets are also **in the red**, with **markets** around the globe **in retreat*** (Coronavirus fears...).

В примере 182 антропоморфный физиологический и военный метафорические знаки описывают сферу туризма, которая с их помощью

представляется как раненый пациент, выздоравливающий после того, как он был подвергнут нападению:

(182) *Furthermore, the global spread of the coronavirus could also affect Sri Lanka's tourism sector which was recovering from the impact of the Easter Sunday attacks last year (ASPI hits...).*

В примере 183 метафорический знак неживой природы, обозначающий физическое явление, характеризует пандемическую ситуацию в целом:

(183) *But there is light at the end of the tunnel out of perplexing situation (Re G. Trump says...).*

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что устойчивые метафорические знаки представляют собой, в основном, знаки-процессивы, среди терминологических метафорических знаков преобладают знаки-инструментативы, экспрессивные метафорические знаки основываются, главным образом, на знаках процессивах и знаках-квалификаторах в сочетании со знаками-номинативами или знаками-инструментативами.

Результаты проведенного исследования показывают, что пандемическая картина мира, отраженная в метафорических знаках, не находится в статическом состоянии, она довольно динамична, поскольку постоянно изменяется в зависимости от экстралингвистических факторов, а также индивидуальных особенностей восприятия.

Итак, метафорические знаки разных типов регулярно используются в медийных текстах пандемического дискурса. Устойчивый характер одних, терминологическая природа других, и яркая образность третьих, независимо от того, является ли она оригинальной или уже известной и ранее используемой для описания других явлений, позволяют авторам публикаций донести идеи до аудитории, а читателям их воспринять и принять. При этом многие метафорические знаки или обладают негативной семантикой, связанной с природными стихиями, апокалипсом, войной, которая переносится на пандемию, или приобретают отрицательную коннотацию в контексте своего использования.

2.3. Прагматические функции вербальных знаков разных типов в медийных текстах пандемического дискурса

Характеризуя роль СМИ в жизни современного общества, Ч. Ларсон, отмечает, что сегодня мы живем в окружении различных медиа, и иногда убеждение средствами массовой информации оказывается лучшим способом получения информации об альтернативных возможностях (Larson, 1998, p. 335). В контексте медийного дискурса возрастает роль реципиента, поскольку «читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» (Эко, 2005, с. 10). Автору любого медийного текста следует знать, что реципиент представляет собой «комплекс благоприятных условий», обязательных для выполнения с тем, чтобы потенциальное содержание текста, заложенное в него, было в полной мере реализовано при декодировании сообщения (Кисс, 2009, с. 204). Оторванность участников дискурса друг от друга во времени и пространстве нивелируется за счет внутренних отношений, т.е. между знаками, которые используют адресант и адресат, должна присутствовать строгая эквивалентность, или, по крайней мере, адресант должен быть уверен в том, как именно адресат станет трактовать тот или иной знак (если они имеют разное смысловое наполнение для разных участников дискурса) (Добросклонская, 2004, с. 9). В силу того, что семиотические личности, как правило, не идентичны, автор, ориентируясь на реципиента, перекодирует свою изначальную мысль в соответствии со своей интерпретацией системы знаков потенциального адресата (Рябцева, 2007, с. 58–60). Действительность может отличаться от ее интерпретации в некотором медийном тексте, где выражается субъективное мнение автора как представителя конкретной социальной группы.

В медийном дискурсе текстом следует считать последовательность любых, а не только вербальных знаков (Добросклонская, 2004, с. 9). Так, например, при телевизионном вещании текст раскрывается как на уровне вербальном, так и на уровне визуальном и аудиальном – в форме видеоряда и

звукового сопровождения. Ключевое требование к медийному тексту состоит в учете прагматического фактора, когда использование языковых знаков определяется задачами адресанта. Автор текста может быть идеологически ориентирован, кроме того, его мировоззрение может в корне отличаться от принятого в данной социальной группе за норму, им может руководить классовый интерес, стремление изменить отношение аудитории к некоторым событиям общественной жизни.

В сфере медийной коммуникации можно наблюдать связь между языком и когнитивными процессами, актуализация которых приводит к возникновению определенной прогнозируемой картины мира (Глинческий, 2006, с. 80–86), которая, будучи результатом отражения в сознании объективной реальности, репрезентирует сущностные свойства действительности в понимании того или иного индивида (Ивицкая, 2002, с. 122–142). Переходной ступенью между реальным миром и текстом, интерпретирующим его, является работа сознания, тогда как «...речевое воздействие связано с изменениями индивидуального сознания или образа мира, существующего в нем» (Петренко, 1997, с. 325). Любой индивид как член некоторой социальной группы выступает в качестве носителя стереотипов, которые чаще всего заложены на уровне бессознательного. Кроме того, ситуация, воспринимаемая индивидом, обогащается его личными эмоциональными переживаниями (Зобов, 1991, с. 25–36). Воздействие текста может привести к существенным переменам в психологии реципиента, к переоформлению системы ценностей, т.к. текст предлагает альтернативный взгляд на окружающий мир.

Единицы любой семиотической системы имеют определенные функции, сущность которых обуславливается характером данной системы. Лингвистическая семиотическая система не является исключением – каждая ее единица способствует реализации основополагающих и тесно связанных между собой функций языка: информирующей, когнитивной, коммуникативной, регулятивной, именуемой также волюнтативной и

воздействующей, которые отражают реальное практическое назначение речи и речевой деятельности. Причем в современных трудах по нейролингвистическому программированию подчеркивается ведущий характер волюнтаривной функции. Согласно А. А. Леонтьеву, любой речевой акт ставит перед собой задачу, прежде всего, оказать воздействие на коммуникативного партнера путем побуждения к действию, ответу на вопрос, запрета действия и т.п., нежели просто сообщить ему некую информацию (Леонтьев, 1999, с. 159).

Исследование языкового знака как инструмента формирования общественного мнения становится одной из ведущих задач в различных науках, так как оно имеет отношение не только к лингвистике и журналистике, но и к философии, психологии, политологии и социологии. Известно, что воздействие осуществляется не отдельными словами и фразами, но текстом в целом, который рассматривается как единица коммуникации, организованная с целью достижения максимального воздействия на реципиента (Старикова, 2005, с. 208). Особенно это касается текстов СМИ, порой ставящих перед собой задачу не столько сообщить фактическую информации, сколько оказать воздействие на читателя. Способность языкового знака регулировать поведение действует как план выражения, так и план содержания, что активно используется журналистами в медийном дискурсе для достижения неких прагматических целей.

В широком смысле речевое воздействие представляет собой «любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиции одного из коммуникантов, который или рассматривает себя как субъект воздействия, или полагает своего собеседника объектом или адресатом воздействия». В узком смысле речевое воздействие определяется как «речевое общение в системе средств массовой информации или агитационных выступлений непосредственно перед аудиторией» (Денисюк, 2003, с. 28). Критерием результативности любого метода воздействия является убежденность, понимаемая как глубокая

уверенность в истинности усвоенных идей, представлений, понятий, образов. Убежденность позволяет принимать однозначные решения и осуществлять их без колебаний, занимать твердую позицию в оценках тех или иных фактов и явлений. Благодаря убеждениям формируются установки людей, определяющие их поведение в конкретных ситуациях (Копыл, 2011, с. 52).

Существует несколько классификаций видов речевого воздействия (далее РВ), в основе которых лежат различные критерии. Например, В. И. Карасик в зависимости от «скрытности / открытости» выделяет манипуляцию и аргументированное убеждение (Карасик, 1992).

Манипуляция представляет собой «такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) сознательно пытается осуществлять контроль над поведением другого (манипулируемого), побуждая его вести себя угодным манипулирующему образом; причем делается это так, что манипулируемый не осознает себя объектом контроля» (Остроушко, 2002, с. 89). Манипулятивное речевое воздействие оказывает влияние как на психологию объекта РВ, так и на его внешнюю деятельность. Оно направлено даже не на сознание, не на разум и чувства человека, а прежде всего на его подсознание, ведь манипулятору важно, чтобы манипулируемый захотел выполнить то, чего от него хотят, и не ощутил при этом, что им манипулируют. Манипулятивное РВ базируется на гипнозе, внушении, нейролингвистическом программировании. Адресант не стремится сформировать картину мира реципиента РВ, в его речах не раскрывается его собственное видение мира, он нацелен не на приведение аргументов, а на сиюминутную выгоду.

Целью аргументативного убеждения является изменение взглядов реципиента. Его предназначение состоит в оказании влияния на внутренний мир человека для того, чтобы впредь он жил и действовал уже на основе собственных сознательно измененных взглядов на положение вещей в окружающем мире. В аргументативном речевом воздействии убеждение нацелено не на подсознание, а на сознание, и не на мгновенную выгоду, а на

изменение картины мира. При этом субъект аргументативного РВ непременно отражает в речи свое восприятие реального мира (Остроушко, 2002, с. 89).

М. Я. Гловинская объединила термины «воздействие» и «убеждение» в одно наименование, подчеркнув, таким образом, его направленность на сознание реципиента. Так называемое «убеждение-воздействие» на ментальный мир адресата может носить как эксплицитный доказательный характер (to convince), так и внушающий имплицитный характер (to persuade) (Гловинская, 1993, с. 82–88).

По мнению Е. Ф. Тарасова, средства массовой информации чаще всего используют эксплицитное убеждение, поскольку «...на аудиторию, обладающую определенной свободой выбора вариантов поведения, можно повлиять только путем мотивации или, иначе говоря, путем включения «желаемой» действительности в систему мотивов адресата. Внушение в этом случае играет второстепенную роль» (Тарасов, 1990, с. 5). Преобладание доказательного характера речевого воздействия в медийном дискурсе объясняется также тем, что большинство текстов СМИ относятся к публицистическому стилю, обладающему сложной смысловой структурой, обуславливающей аргументативный, а не манипулятивный характер РВ.

Существует и другая типология механизмов воздействия на сознание, предложенная А. Н. Барановым, который рассматривает их с точки зрения принадлежности к различным уровням языка. На фонетико-фонологическом уровне механизмы делятся на сегментные и суперсегментные. Первые представляют собой фонетические особенности речи и обычно не используются как средства воздействия, тогда как вторые связаны с интонацией и обладают значительным воздействующим потенциалом. На лексическом уровне имеет место варьирование, сопряженное с изменением стилистической окраски лексики, и смысловое варьирование терминов различных идеологических систем. Воздействующим эффектом может обладать и варьирование внутри стилистически нейтральной и нетерминологической лексики. Это обусловлено тем, что во всяком

естественном описании действительности присутствуют черты, привнесенные средствами его интерпретации. Воздействие на синтаксическом уровне наблюдается, когда автор при помощи синтаксических преобразований акцентирует внимание адресата сообщения на различных сторонах описываемого положения дел. Например, пассивизация (выведение из центра) одного из участников ситуации уменьшает степень его ответственности за происходящее; опущение агенса, когда действие превращается в состояние, а также номинализация позволяют легко выводить из обсуждения важных участников событий вплоть до их полной элиминации и т.п. Порядок слов внутри синтаксических конструкций, определяемый сложными культурно-обусловленными иерархиями, также может быть использован для ранжирования адресованного партнеру по коммуникации языкового материала в соответствии с интересами говорящего (Баранов, 2007, с. 220–225).

Воздействие на сознание и процесс принятия решения тесно связаны с проблематикой категорий истины и лжи, когда истинность высказывания понимается как соответствие действительности. В СМИ часто используются «непропорциональные» способы искажения истины, основанные на возможности вариативной интерпретации действительности (далее ВИД) средствами языка. Расплывчатость, неясность плана содержания языковых выражений, «многослойность» их строения, наличие в языке отношений омонимии, синонимии, полисемии, антонимии и др. на различных уровнях его структуры – все это образует целый комплекс лингвистических предпосылок функционирования языковых механизмов ВИД. Сами по себе они не привязаны к выражению истины / лжи, т.к. одни и те же способы выражения смысла и описания ситуации применимы как для искажения истины, так и для ее прояснения. ВИД осуществляется через исключение из описания части положения дел – т.е. через умолчание и полуправду (в зависимости от степени достаточности описания ситуации), через введение в описание ситуации некоторых, не содержащихся там изначально и не относящихся к сути дела

персонажей, событий, предметов, через замену конкретных предметов и участников более обобщенными описаниями, через модальные преобразования, в частности, использование гипотетической оценки, рефлексии, через некорректное указание на источник, либо через ссылку на него безо всякой необходимости для повышения или понижения коммуникативного статуса информации (Баранов, 2007, с. 216–220).

Речевое воздействие может осуществляться не только языковыми механизмами ВИД, но и путем апелляции к социально и культурно обусловленным структурам ценностей адресата. Ценностно-ориентированная модель аргументации может быть логической (аргументативный диалог протекает при использовании одной и той же ценности), эмоциональной (в качестве ценностей выступает структура эмоций), порождающей (в процессе аргументирования происходит уничтожение и / или порождение новой ценности) и диалектической (изменение порядка следования ценностей в ценностной иерархии) (Баранов, 2007, с. 216–220).

Эффективным средством речевого воздействия выступает метафора, прибегая к которой, адресант формирует определенное понимание действительности, трансформируя один из ее аспектов, и таким образом оказывает влияние на ментальную и психологическую составляющие адресата (Баранов, 1991, с. 189–190). За счет неожиданных аналогий рисуется яркая, живая картина происходящих событий, происходит задержка внимания реципиентов. Выражая авторскую оценку, метафора формирует конкретное отношение и, создавая необходимые ассоциативные связи, культивирует общественное мнение. Посредством метафоры усиливаются или ослабляются нежелательные реакции читательской аудитории на конкретную информацию. Кроме того, метафора уместна в тех случаях, когда прямое высказывание будет невежливым или слишком жестоким, неприятное известие смягчится метафорической вербализацией.

Таким образом, в распоряжении журналистов находится широкий выбор механизмов речевого воздействия и вариативной интерпретации

действительности, которые используются при освещении различных событий для формирования картины мира реципиента. Осуществление речевого воздействия и вариативной интерпретации действительности происходит при функционировании языковых знаков в тексте.

Пандемический дискурс представляет собой не только особый способ экспликации различных граней мировоззренческих и мировидческих компонентов того или иного феномена, значимого для всех участников дискурса, но и инструментальное пространство формирования этих граней, т.е. формирования общественного мнения как неравного сумме восприятия критериальных признаков конкретного феномена объективной реальности (Бредихин, Ледович, 2022, с. 25). В связи со сказанным выше, для данного исследования существенное значение имеет информирующая функция, поскольку вербальные знаки, функционирующие в медийных текстах пандемического дискурса, знакомят читателей с развитием ситуации с коронавирусом. Однако наибольший интерес представляет воздействующая функция, с помощью которой происходит изменение отношения реципиента к описываемым событиям и ситуации в целом и, в конечном итоге, изменение его картины мира. Рассмотрим примеры использования языкового знака как средства фиксации информации и инструмента формирования общественного мнения при освещении глобальной эпидемиологической ситуации, связанной с коронавирусной инфекцией.

Анализ фактологического материала позволяет выделить три типа речевого воздействия, оказываемого на читательскую аудиторию в медийных текстах пандемического дискурса, а именно: отрицательное, положительное и амбивалентное, под которым понимается воздействие на читателя, способное вызывать двойственное отношение к сообщаемой информации (положительное или отрицательное).

Отрицательное воздействие в медийных текстах пандемического дискурса осуществляется посредством негативной репрезентации ситуации в целом или отдельных ее аспектов, что, в свою очередь, способствует

актуализации у реципиентов информации негативных эмоций. В отрицательном воздействии принимают участие различные классы вербальных знаков.

В частности, знаки-номинативы, обозначающие представителей системы здравоохранения, употребляются в контекстах, подчеркивающих трудные условия работы медицинского персонала:

(184) *Doctors and nurses on the front lines are running on empty, under increasing duress as the pandemic surges and hospitals are overrun with patients* (Brenner D. Covid Combat...).

(185) *Blomkalns worries about staffing shortages as health care workers are inevitably exposed to the virus* (Henderson E. A view from the front lines...).

Использование знаков-номинативов, обозначающих рядовых граждан, людей разных национальностей, тем или иным образом вовлеченных в события, свидетельствует о том, что ситуация так или иначе коснулась всех и каждого:

(186) *From that date, care home residents in England will be allowed one regular visitor and there will almost certainly be some easing of the rules on meeting people from other households outdoors* (Merrick R. All UK adults...).

(187) *Aboriginal and Torres Strait Islander people have been infected at twice the rate of non-Indigenous Australians during the country's deadly third coronavirus wave, a senior Indigenous health leader says* (Indigenous people infected...).

В зависимости от контекста функционирования знаки-номинативы, обозначающие должностных лиц, выполняют различные задачи. Во-первых, они служат для того, чтобы подчеркнуть, что для коронавирусной инфекции не существует никаких границ, поскольку заразиться может каждый, даже позволяющий себе воздерживаться от обширных контактов с другими людьми в силу своих статусных и должностных привилегий. Во-вторых, данные знаки указывают на озабоченность властей сложившейся ситуацией:

(188) *Prime Minister Boris Johnson has tested positive for coronavirus and is self-isolating in Downing Street* (Coronavirus: Prime Minister...).

(189) *The head of the World Health Organization warned the threat of a global coronavirus pandemic was “very real” as the contagion continued its rapid spread around the world* (Mayberry K. Threat of coronavirus...).

Применяя знаки-номинативы, обозначающие пациентов разной тяжести, журналисты наводят страх перед инфекцией:

(190) *Hospitals across the country are overwhelmed with **patients*** (The coronavirus pandemic...).

(191) *It is a mystery that has left doctors questioning the basic tenets of biology: Covid-19 patients who are talking and apparently not in distress, but who have oxygen levels low enough to typically cause unconsciousness or even death* (Devlin H. 'Happy hypoxia'...).

Аналогичный эффект производят знаки-номинативы, обозначающие сопутствующие заболевания, синдромы и осложнения, которые повлекла за собой коронавирусная инфекция:

(192) *Coagulation abnormalities are also found, including **lung clots*** (Thomas L. Certain antibodies...).

(193) *Damage to the respiratory system can lead to **hypoxemia**, which is a potentially life-threatening state of low blood oxygen levels* (Zoppi L. Hypoxemia...).

Знаки-локативы, именующие государства и их административно-территориальные единицы, показывают масштаб пандемии, подчеркивают, что ею охвачены даже самые экономически благополучные районы, с высоким уровнем жизни, а также населенные пункты, расположенные в различных климатических зонах:

(194) *Seven states are reporting new highs for current coronavirus hospitalizations – **Arizona, Arkansas, California, North Carolina, South Carolina, Tennessee and Texas** – as the number of infections continues to climb across the South and West* (Knowles H., Wagner J. Seven states...).

(195) *The disease has caused tens or hundreds of thousands of deaths in many countries, hitting **the US, Brazil, India, Mexico and Russia** with particular cruelty in terms of total deaths* (Gutierrez P., Clarke S., Kirk A. Covid world map...).

Знаки-локативы, именующие медицинские учреждения, где развернуты ковидные госпитали, и здания, переоборудованные для приема и лечения ковидных больных, свидетельствуют о серьезности ситуации, сложившейся в мире, о распространении пандемии, увеличении случаев, требующих госпитализации:

(196) *The emergency department at **Jackson Memorial Hospital**, wedged between Little Havana and the vibrant murals of Wynwood in Miami, has overflowed with Covid-19 patients for weeks* (Glenza J. Florida hospitals...).

(197) *Tennessee has built its own field hospitals to handle patient overflows — one is inside the old **Commercial Appeal newspaper offices** in Memphis, and another occupies two unused floors in **Nashville General Hospital*** (Henderson E. As hospitals fill...).

Знаки-инструментативы, номинирующие ограничительные мероприятия, которые вводятся федеральными и региональными органами власти для того, чтобы остановить распространение инфекции, демонстрируют масштабность борьбы с ростом заболеваемости, степень заразности вируса и серьезность ситуации, в целом:

(198) *It's also not possible to maintain true **social distance** from the people preparing or serving the food* (Mandavilli A. Wondering About...).

(199) *Some **travel restrictions**, such as **passenger locator forms** and **quarantine** for unvaccinated people who test positive after arrival, are likely to continue* (Walker P., Stewart H., Sample I., Weale S. Boris Johnson plans...).

Знаки-квантификаторы, содержащие сведения о стоимости медикаментозного лечения, дезинфицирующих средств, разработки новых вакцин, объеме средств, отчисляемых на борьбу с пандемией и т.п., информируют о дополнительной нагрузке, оказываемой коронавирусной инфекцией на экономику:

(200) *The average cost to treat a hospitalized patient with the virus is \$30,000, according to a study released Wednesday by America's Health Insurance Plans, a trade group for insurers (O'Brien S. Here's what you need...).*

(201) *Separately, the Covid-19 Uninsured Program provided more than \$20 billion in reimbursements to roughly 50,000 hospitals, clinics and other providers for testing, vaccinating and treating the uninsured, including nearly \$8 million to Nashville General (Weiland N. Loss of Pandemic...).*

Знаки-квантификаторы, содержащие сведения об объеме финансирования, которое выделяется на мероприятия по поддержке людей на самоизоляции и оказавшихся без работы, а также терпящих убытки предприятий, тоже подчеркивают акцессорную нагрузку на экономику, вызванную пандемией:

(202) *Key issues facing lawmakers were the expiration of the eviction moratorium on 24 July, the same weekend 30 million Americans received their last unemployment checks to include a \$600 supplement (Holpuch A. Trump calls...).*

(203) *An early stimulus measure, the \$35bn cashflow boost program supported 800,000 businesses and not-for-profits with payments of between \$20,000 and \$100,000 (Karp P. The 2021 federal budget...).*

Знаки-квантификаторы, содержащие сведения о финансовых потерях государственного и частного секторов экономики, выполняют аналогичные задачи. В приведенных ниже примерах знаки-квантификаторы *between US \$ 200,000 and 500,000; more than \$200 billion; 17 percent of the roughly \$1.2 trillion; 3.8 percent, more than 2.5 percent* свидетельствуют о негативных экономических последствиях в разных странах и отдельных регионах. В примере 204 числительные *200,000 and 500,000* употребляются с символом \$ и, таким образом, убытки государства выражаются в конкретной валюте, тогда как в примере 206 числительные *3.8* и *2.5* в сочетании с лексемой *percent* служат для демонстрации падения акций компаний в процентном соотношении, подчеркивая таким образом финансовую незащищенность в период пандемии. В примере 205 в конкретной валюте (*more than \$200*) и в

процентном соотношении (*17 percent*) показано, сколько государственных денег, предназначенных для осуществления мероприятий целевого назначения, было выведено в офшоры мошенническим путем:

(204) *“It is our assessment that Sri Lanka’s losses in export revenue would be in the region of **between US \$ 200,000 and 500,000 up to about May 2020,**” he said (Ladduwahetty R. Coronavirus takes...).*

(205) *The Small Business Administration’s inspector general has estimated that **more than \$200 billion** – or at least **17 percent** of the **roughly \$1.2 trillion** in pandemic loans the agency doled out – was disbursed to “potentially fraudulent actors” (Ngo M. Pandemic Fraud...).*

(206) *Huntington Bancshares fell **3.8 percent**, while KeyCorp and Regions Financial both fell **more than 2.5 percent** (Phillips M. Stocks Fall...).*

Знаки-квантификаторы, содержащие информацию о возрастных категориях граждан, находящихся в группе риска, инфицированных, в том числе госпитализированных и пребывающих в тяжелом состоянии, апеллируют к реципиентам соответствующего возраста, цифры оказывают на читателя определенное воздействие, заставляют задуматься о необходимости пройти вакцинацию, соблюдать предписанные меры предосторожности. Так, в примерах 207, 208, 209 знаки-квантификаторы *older than 75, 65 and older, 85 and over*, адресованные к населению пожилого возраста, нацеливают на необходимость вакцинирования от COVID-19 и выполнение превентивных мер:

(207) *The people at highest risk are those **older than 75**, with underlying health conditions and the immune-compromised, according to CDC data (Glenza J. The new Covid-19...).*

(208) *The majority of Covid hospitalizations are among those **65 and older**, although the share for children under four roughly doubled in 2022 (Schreiber M. ‘People aren’t taking...).*

(209) *Those aged **85 and over** continue to have the highest hospital admission rates (Ramsey L. Flu and COVID-19...).*

Знаки-процессивы, семантика которых связана с выявлением и подтверждением новых случаев заражения и штаммов, информируют об ухудшении эпидемиологической обстановки и воздействуют на эмоциональное состояние читателя:

(210) *Three cases **have been detected** in England and three in Scotland, health authorities have said (Covid-19: Brazil 'variant...).*

(211) *As of 4 September 2023, 34 confirmed cases of BA.2.86 **had been identified** in England (Ellis D. Latest updates...).*

Знаки-процессивы, семантика которых связана с проживанием в условиях пандемии, дополняют представление читателя о сложившейся ситуации мрачными деталями о трудностях, с которыми пришлось столкнуться людям в условиях пандемии, о финансовой и психологической неподготовленности к ним:

(212) *Essential workers are **falling ill**. And **struggling to pay the bills** (The coronavirus pandemic...).*

(213) *He said they would be required to **self-isolate** for 14 days and that self-isolation would be under regular communication with the public health units (New Zealand confirms...).*

Знаки-процессивы, семантика которых связана с вызванными эпидемией изменениями в экономике, информируют о негативных экономических последствиях, оказывая влияние на общее настроение:

(214) *Equity markets **reversed** last week's marginal gains (12.8 points) as the broad share index continued to **lose ground** for 5 consecutive days this week, **shedding** over 100 index points to remain staunchly below the 6,000 mark amid persistent foreign sell-off from domestic equities (ASPI falls...).*

(215) *JP Morgan says Chinese GDP might have **contracted** by 40% in the first three months of 2020 (Elliott L. Blindsided: how coronavirus...).*

Знаки-квалификаторы, характеризующие физическое и моральное состояние рядовых граждан и врачей, в основном имеют отрицательную коннотацию и поэтому в условиях неопределенности, непредсказуемости и

неконтролируемости ситуации оказывают угнетающее воздействие на психику реципиента:

(216) *Recent polls have shown the effects of pandemic **fatigue** – people getting **tired** of following strict Covid-19 guidelines – even though the virus’s spread is worsening* (Aratani L. US again breaks...).

(217) *This is unsurprising: lockdowns cause **a great deal of stress** for this age group, disrupting education and limiting vital contact with friends* (Foulkes L. Covid’s ‘lost generation’...).

Знаки-квалификаторы, характеризующие различные штаммы коронавируса часто используются в сочетании с интенсификаторами *highly, more, especially, twice as ... as* и свидетельствуют о еще более серьезной опасности, которую несут новые штаммы, возникшие в результате мутации коронавируса, что также оказывает негативное влияние на читателя:

(218) *Early research into people infected with the coronavirus variant first detected in Brazil, known as P1, estimates that it is roughly **twice as infectious as** other mutated forms of the virus and can partially evade immunity elicited by previous infection* (Lovett S., Ng K. What is the new Brazil Covid variant?...).

(219) *The CDC said: “The continued growth of JN.1 suggests that it is either **more transmissible or better at evading** our immune systems* (Davis N. Covid rising...).

Знаки-квалификаторы, характеризующие состояние экономики, в целом, и отдельных ее секторов, систему здравоохранения, эпидемическую ситуацию и данный временной период, создают еще более безнадежную и пессимистичную картину и оказывают влияние на настроение читателя:

(220) ***The fading dark days** of this pandemic winter could yield to another wave of infections propelled by mutated variants of the virus that have taken root, with 997 infections attributed to them nationwide by Thursday night* (Winter coronavirus wave...).

(221) *Covid lockdowns had a “catastrophic effect” on the UK’s social fabric and the most disadvantaged are no better off now than at the time of the financial crash, a new report claims (Covid lockdowns...).*

Анализ рассмотренных выше примеров показывает, что вербальные знаки разных классов благодаря разнообразию выполняемых ими прагматических функций вносят вклад в нагнетание обстановки, формирование пессимистичного настроения. Отрицательный эффект может быть достигнут через демонстрацию масштабности эпидемии, опасности и степени заразности вируса, серьезности ситуации и ее дальнейшего ухудшения, а также вызванных ею негативных последствий, сопутствующих заболеваний и осложнений, беспомощности системы здравоохранения и властей.

Положительное воздействие в медийных текстах пандемического дискурса осуществляется посредством позитивной репрезентации ситуации в целом или отдельных ее аспектов, что, в свою очередь, способствует актуализации у реципиентов информации позитивных эмоций. В положительном воздействии принимают участие различные классы вербальных знаков.

В частности, знаки-номинативы, обозначающие участников клинических испытаний, порождают надежду в то, что поиск эффективных методов лечения и предотвращения в конечном итоге увенчается успехом:

(222) *The issue for some European countries, acting upon the recommendation from their vaccine advisory bodies, is that they think not enough of the AZ **trial participants** aged over 65 caught the virus to make conclusions on the vaccine's effectiveness (Covid-19: Fact-checking Macron's...).*

(223) *The inclusion of **high-risk and elderly people** in the Moderna trial suggested the vaccine would protect those most vulnerable to the disease, said Peter Openshaw, a professor of experimental medicine at Imperial College London, who described the results as “tremendously exciting” (Sample I. Hopes of Covid...).*

Знаки-инструментативы, обозначающие меры правительства, которые направлены на помощь населению и бизнесу, вселяют в реципиента надежду

на то, что государство не оставляет своих граждан в трудную минуту, заботится о них, в том числе предоставляя возможность бесплатной вакцинации, и что каждый может рассчитывать на его поддержку:

(224) *European leaders briefly debated the possibility of **corona bonds** last week* (Amaro S. How far...).

(225) *Announcing that over 10 million low- and middle-income earners will benefit from a new and **additional tax cut*** (Budget speech 2021...).

Знаки-квантификаторы осуществляют сопоставление количественных данных, которое также направлено на то, чтобы убедить в конструктивности методов лечения и эффективности вакцинирования:

(226) *Hospital admissions for the disease in England in late July were **1.97 per 100,000** people, compared with more than **36 per 100,000** in January 2021* (Sridhar D. A new Covid variant...).

(227) *The overall COVID-19 hospital admission rate for week 19 was **3.86 per 100,000** population, a decrease from **4.39 per 100,000** the previous week* (Ramsey L. Flu and COVID-19...).

Знаки-процессивы, семантика которых связана с разработкой новых и действенных методов лечения, предотвращением и диагностикой, свидетельствуют о том, что ученые находятся в постоянном поиске эффективного средства для борьбы с коронавирусом, и позволяют читателю надеяться на то, что с эпидемией рано или поздно будет покончено:

(228) *Researchers and drugmakers are racing **to develop** treatments that could hold the key to recovery* (Mapping the Coronavirus...).

(229) *Scientists working for the US military **have designed** a new Covid-19 test that could potentially **identify** carriers before they become infectious and spread the disease, the Guardian has learned* (Tremlett G. US germ...).

Знаки-квалификаторы, характеризующие изменения приоритетов во время пандемии, свидетельствуют о том, что в условиях эпидемии и социальной изоляции люди стараются извлечь максимум пользы и позитивных эмоций из сложившейся ситуации и начинают ценить то, что

раньше воспринимали как должное, находить удовольствие в обыденных вещах:

(230) *Life in lockdown has necessitated **close, constant contact** with our families and partners, but social distancing measures have isolated us from our friends and wider communities* (Liu Y. Is Covid-19 changing...).

(231) *This has led me to shop less, start working through clearing things I don't need from my house for it to be more **minimalist and tidy*** (Guardian Australia readers...).

Анализ рассмотренных выше примеров показывает, что вербальные знаки разных классов благодаря разнообразию выполняемых ими прагматических функций вносят вклад в разряжение обстановки, формирование оптимистичного настроения. Положительный эффект может быть достигнут через демонстрацию профессионализма работников здравоохранения, результативности лечения и вакцинирования, заботы властей, улучшения ситуации.

Амбивалентное воздействие в медийных текстах пандемического дискурса осуществляется посредством неоднозначной репрезентации ситуации в целом или отдельных ее аспектов, что, в свою очередь, способствует актуализации у реципиентов информации противоречивых эмоций. В амбивалентном воздействии принимают участие различные классы вербальных знаков.

В частности, в знаках-номинативах, обозначающих экспертов и специалистов в области вирусологии, эпидемиологии, медицины, фармакологии, элемент, указывающий на принадлежность к научным кругам, повышает авторитетность мнения, тогда как название конкретного лица придает достоверность сообщаемой информации. Ссылка на авторитетные источники придает информации о распространении коронавируса больше убедительности, с тем чтобы посеять беспокойство, или наоборот, вселить надежду:

(232) *Professor Gabriel Leung, the chair of public health medicine at Hong Kong University, said the overriding question was to figure out the size and shape of the iceberg* (Boseley S. Coronavirus ‘could infect...).

(233) *“It’s really hard to find a pattern right now,” said Akiko Iwasaki, a professor of immunobiology at Yale University who has been following cases of reinfection closely* (Sample I. Flurry of coronavirus...).

Знаки-инструментативы, обозначающие предметы личной гигиены, напоминают о необходимости соблюдать меры предосторожности, а также используются в контекстах, где говорится о снабжении санитарно-гигиенической продукцией районов с высоким уровнем эпидемиологической опасности. Но иллюкативная установка высказывания не всегда дает нужный перлокутивный эффект, и подобные предостережения способны пробудить у реципиентов разные реакции. Если сознательные и ответственные граждане, вероятно, будут строго выполнять предписания, то у несознательных и безответственных слоев населения их упоминание может вызвать раздражение и отрицание опасности заражения:

(234) *Medical supplies including **face masks, protective suits, and medicines** are arriving in epidemic areas* (Coronavirus battle...).

(235) *Putting the tissue straight in the bin and washing your hands or using **hand sanitizer** immediately is the best way to minimize risk* (Coronavirus spread...).

Знаки-инструментативы, обозначающие учреждения, оборудование, препараты, предназначенные для тестирования, лечения, вакцинации, а также способы лечения и предотвращения болезни и все, что связано с производством вакцины, употребляются в публикациях, где доходчиво объясняются принципы действия прививки или особенности терапии, методы тестирования. Здесь можно выделить несколько типичных ожидаемых вариантов коммуникативного поведения реципиентов, обусловленного воздействием этих знаков. Так, если на одних подробности лечения будут наводить страх, а сложные названия медицинских препаратов усилят

неясность, то другие попытаются извлечь больше полезной информации и прояснить для себя вопросы, связанные с коронавирусной инфекцией:

(236) ***Tocilizumab and sarilumab dampen down inflammation, which can go into overdrive in Covid patients and cause damage to the lungs and other organs*** (Gallagher J. Coronavirus cure...).

(237) *Scientists say they have identified a “stealth” version of Omicron that cannot be distinguished from other variants using **the PCR tests** that public health officials deploy to gain a quick picture of its spread around the world* (Sample I., Walker P. Scientists find...).

Аналогичный эффект производят знаки-номинативы, обозначающие варианты и мутации вируса:

(238) *Both **the South African variant and the Kent variant** contain a mutation called **N501Y**, which is believed to make the virus more contagious than older variants* (Davis N. What are Covid variants...).

(239) *While **BA.2.86** has a significant number of mutations to the viral genome compared to other currently circulating **COVID-19 variants**, the data so far is too limited to draw firm conclusions about the impact this will have on the transmissibility, severity or immune escape properties of the virus* (Ellis D. Latest updates...).

Гибридные знаки, номинирующие различные международные, государственные и негосударственные организации, фонды, учреждения, существующие или созданные в условиях пандемии и так или иначе причастные к ситуации, служат для реализации различных функций. Они свидетельствуют о вовлеченности в борьбу с коронавирусом ряда медицинских, коммерческих и благотворительных структур, что с одной стороны, демонстрирует координированность действий официальных властей и экспертов, а с другой – косвенно указывает на серьезность и сложность сложившейся обстановки, обуславливающие необходимость привлечения всех ресурсов:

(240) *The Centers for Disease Control and Prevention (CDC) on Wednesday announced shorter coronavirus-related quarantine periods ahead of anticipated holiday travel* (Rivas K. CDC shortens...).

(241) *Cepi, the Coalition for Epidemic Preparedness Innovations, had already swung into action* (Sample I. The great project...).

Знаки-квантификаторы, содержащие сведения о числе инфицированных, госпитализированных, умерших, вакцинированных людей, добровольцев, привлеченных для испытания новых вакцин, количестве необходимых доз и т.п., выполняют различные задачи в зависимости от характера обозначаемого ими количества. При помощи знаков-квантификаторов точной семантики подчеркивается, что органами здравоохранения учитывается каждый случай заражения коронавирусной инфекцией, тогда как знаки-квантификаторы приблизительной семантики в силу округления числовых данных способствуют запоминанию информации. Они либо служат показателями профессионализма работников медицинской сферы, результативности методов лечения, эффективности вакцины, либо свидетельствуют о беспомощности медицины перед вирусом, но в любом случае производят впечатление на читателя. Для одних читателей это будет угнетающим фактором, оказывающим негативное влияние на психологическое состояние, для других – мотивирующим, вызывающим желание узнать больше полезной информации и прояснить для себя вопросы, связанные с эпидемией:

(242) *A further 15,166 lab-confirmed cases of coronavirus in the UK were reported on Saturday, and 81 more deaths were confirmed of people who died within 28 days of testing positive for Covid-19* (Coronavirus: Millions face...).

(243) *Its trial involved more than 30,000 people, half of whom received the vaccine and the other half received a placebo* (Cambridge E. Moderna produces...).

Знаки-процессивы, семантика которых связана с контролем эпидемиологической ситуации, соблюдением мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, сообщают об ухудшении или

улучшении ситуации в стране в целом или конкретном регионе и, соответственно, вызывают беспокойство или вселяют надежду:

(244) *The Brazilian "variant of concern" that has been discovered in the UK could disrupt plans to lift all lockdown measures in the UK by June 21 an expert has suggested* (Gutteridge N. Schools reopening...).

(245) *It has told American citizens not to visit the country at all* (Spinks R. Who Says...).

Анализ рассмотренных выше примеров показывает, что вербальные знаки разных классов благодаря разнообразию выполняемых ими прагматических функций могут вызвать как угнетающий, так и мотивирующий эффект, как отрицание, так и признание опасности ситуации. Такому восприятию информации способствуют демонстрация борьбы с вирусом, сотрудничества различных общественных структур в предотвращении его распространения, разъяснение и предостережение.

Речевое воздействие, осуществляемое в медийных текстах пандемического дискурса посредством языковых знаков, носит аргументативный, а не манипулятивный характер, что объясняется сложной смысловой структурой публицистических текстов. При этом языковые знаки могут провоцировать вариативную интерпретацию действительности, которая обусловлена их асимметричным дуализмом. Таким образом, языковые знаки в медийных текстах пандемического дискурса выполняют не только информативную функцию, но и воздействующую функцию, под которой понимается изменение индивидуального сознания или образа мира, существующего в нем.

Итак, в условиях неопределенности, непредсказуемости и неконтролируемости ситуации охарактеризованные шесть типов вербальных знаков информируют читательскую аудиторию, апеллируют к ней, управляют ее настроением, т.е. выступают в качестве механизмов речевого воздействия на массовое сознание и создают в нем пандемическую картину мира.

Выводы по второй главе

1. В медийных текстах пандемического дискурса шесть типов языковых знаков, а именно: знаки-номинативы, знаки-локативы, знаки-инструментативы, знаки-квантификаторы, знаки-процессивы и знаки-квалификаторы подвергаются дискурсивному варьированию в результате которого внутри данных классов выделяются семантические варианты, выполняющие различные прагматические функции с тем, чтобы не только информировать о распространении коронавирусной инфекции и борьбе с ней, но и осуществлять отрицательное, положительное и амбивалентное воздействие на читателя и сформировать у него определенное представление о сложившейся ситуации.

2. Внутридискурсивные семантические варианты знаков-номинативов в медийных текстах пандемического дискурса обозначают участников описываемых событий и причастных к ним, а именно: медицинских работников, экспертов и специалистов в области вирусологии, эпидемиологии, медицины, фармакологии, должностных лиц, пациентов и испытуемых, различные в качественно-количественном отношении социальные группы людей, конкретных знаменитостей и рядовых граждан, а также вирус, его варианты, мутации, сопутствующие заболевания, синдромы и осложнения, которые повлекла за собой коронавирусная инфекция.

3. Внутридискурсивные семантические варианты знаков-локативов в медийных текстах пандемического дискурса осуществляют локализацию происходящих событий путем обозначения охваченных эпидемией государств и их административно-территориальных единиц, урбанистических объектов, а именно: медицинских учреждений и зданий, переоборудованных под ковидные госпитали.

4. Внутридискурсивные семантические варианты знаков-инструментативов в медийных текстах пандемического дискурса обозначают материальные и нематериальные ресурсы, используемые для борьбы с

пандемией, а именно: предметы личной гигиены и средства санитарно-эпидемической обработки, оборудование, препараты и вещества, предназначенные для терапии, тестирования, вакцинации и производства вакцины, способы лечения и предотвращения болезни, ограничительные мероприятия, вводимые федеральными и региональными органами власти для того, чтобы остановить распространение инфекции, меры правительства, направленные на помощь населению и бизнесу.

5. Внутридискурсивные семантические варианты знаково-квантификаторов в медийных текстах пандемического дискурса обеспечивают читателя статистическими данными о стоимости медикаментозного лечения, дезинфицирующих средств, лабораторных исследований и разработок, объеме средств, отчисляемых на борьбу с пандемией, поддержку физических и юридических лиц, финансовых потерях государственного и частного секторов экономики, числе инфицированных, госпитализированных, вакцинированных, находящихся в тяжелом состоянии, умерших людей, добровольцев, привлеченных для испытания новых вакцин, количестве необходимых доз, а также обозначают различные возрастные категории граждан.

6. Внутридискурсивные семантические варианты знаково-процессивов в медийных текстах пандемического дискурса описывают действия, в которые вовлечен вирус и в которых участвуют люди. В последнем случае они связаны с выявлением и подтверждением новых случаев заражения и штаммов, разработкой методов лечения, предотвращения и диагностики, вакцинированием, терапией, исследованием, санитарной обработкой и профилактикой, контролем эпидемиологической ситуации, соблюдением мер по предотвращению распространения инфекции, проживанием в условиях пандемии, вызванными эпидемией изменениями в экономике.

7. Внутридискурсивные семантические варианты знаково-квалификаторов в медийных текстах пандемического дискурса передают физическое, моральное и эмоциональное состояние рядовых граждан и врачей,

характеризуют различные штаммы коронавируса, состояние экономики, в целом, и отдельных ее секторов, систему здравоохранения, а также эпидемическую ситуацию и данный временной период, описывают изменения приоритетов во время пандемии.

8. Знаки-неологизмы, появившиеся в период пандемии как проявление лингвокреативной деятельности человека и встречающиеся среди знаков-номинативов, знаков-локативов, знаков-инструментативов, знаков-процессивов, знаков-квалификаторов, гибридных и транспозиционных знаков, служат еще одним подтверждением общественной природы языка.

9. В медийных текстах пандемического дискурса выделяются гибридные знаки, которые обозначают учреждения и отделения, где проходит лечение больных, тестирование, исследование вируса, что позволяет считать их одновременно знаками-локативами и знаками-инструментативами, гибридные знаки, которые обозначают различные международные, государственные и негосударственные организации, фонды, учреждения, существующие или созданные в условиях пандемии и служащие нематериальным ресурсом, используемым в борьбе с ней, что позволяет считать их одновременно знаками-номинативами и знаками-инструментативами, а также гибридные знаки-неологизмы, обозначающие людей и дающие им характеристики, что позволяет считать их одновременно знаками-номинативами и знаками-квалификаторами.

10. В медийных текстах пандемического дискурса выделяются транспозиционные знаки, включающие в себя отдельные знаки-процессивы и знаки-инструментативы, связанные со способами лечения и превентивными мерами, а также транспозиционные знаки-неологизмы, включающие в себя отдельные знаки-номинативы и знаки-процессивы, связанные с носителями вируса, знаки-номинативы и знаки-квалификаторы, связанные со взглядами на пандемию.

11. В медийных текстах пандемического дискурса встречаются метафорические вербальные знаки, основанные на соотношении или сходстве

между различными предметами и представлениями. В связи с тем, что для реализации значения метафоры необходимо наличие сопутствующих ей слов, метафорические знаки представляют собой семиотические образования, состоящие из нескольких лексических единиц и относящиеся, главным образом, к знакам-процессивам и знакам-инструментативам, или из нескольких знаков разных типов, в последнем случае они основываются на знаках-процессивах или знаках-квалификаторах, взаимодействующих со знаками-номинативами или знаками-инструментативами. Метафорические знаки подразделяются на устойчивые и терминологические, выполняющие денотативную функцию и экспрессивные, выполняющие стилистическую функцию.

12. В медийных текстах пандемического дискурса встречаются различные тематические классы метафорических знаков, а именно: ориентационные метафорические знаки динамической и статической пространственной локализации по горизонтали и вертикали, в том числе туристические; биоморфные метафорические знаки, включающие в себя антропоморфные, зооморфные и фитоморфные; метафорические знаки неживой природы, к которым относятся гидроморфные, метеорологические, астрономические; социоморфные метафорические знаки, представленные криминальными, военными, спортивными, экономическими; артефактные метафорические знаки, в частности, автомобильные, строительные, механистические, гастрономические; метафорические знаки искусства, подразделяющиеся на музыкальные, театральные, литературные; религиозные и апокалиптические метафорические знаки.

13. В медийных текстах пандемического дискурса метафорические знаки разных тематических групп могут использоваться по отдельности или взаимодействовать друг с другом в одном высказывании, освещая различные аспекты ситуации, сложившейся в результате эпидемии. Они описывают вирус, его действия и оказываемые ему противодействия, относятся к методам лечения, вакцинам, образу жизни, характеризуют уровень заболеваемости,

состояние здравоохранения, экономики, туризма, ситуацию в целом и другие фрагменты действительности.

14. В медийных текстах пандемического дискурса вербальные знаки оказывают отрицательное воздействие на реципиентов, осуществляемое через демонстрацию распространенности инфекции, уязвимости населения перед ней, серьезности сложившейся ситуации, ухудшения эпидемиологической обстановки, озабоченности ею властей, масштабности борьбы с ростом заболеваемости, степени заразности вируса, негативных для экономики последствий, сопутствующих заболеваний и осложнений, с которыми пришлось столкнуться людям, и неподготовленности к ним.

15. В медийных текстах пандемического дискурса вербальные знаки оказывают положительное воздействие на реципиентов, которое осуществляется через демонстрацию государственной поддержки населения, бизнеса и науки, позитивных аспектов жизни в новых реалиях, конструктивности методов лечения, эффективности вакцинирования, результативности исследовательской деятельности.

16. В медийных текстах пандемического дискурса вербальные знаки оказывают амбивалентное воздействие на читателя, которое осуществляется через придание достоверности сообщаемой информации, повышение авторитетности мнения, передачу количественных данных, предостережение, инструктирование, разъяснение, что может вызвать различные реакции со стороны реципиентов: принятие и отрицание, оптимизм и пессимизм, надежду и отчаяние.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данного исследования нами была предпринята попытка характеристики пандемического дискурса как лингвосемиотической системы, актуализируемой в текстах современных средств массовой информации и служащей для реализации информирующей и воздействующей функций.

Гибкость и динамичность дискурсивного пространства позволяет ему эволюционировать вместе с развитием общества и реагировать на происходящие в мире события изменением и взаимодействием существующих дискурсов, а также возникновением новых и их интеграцией с теми, которые сформировались ранее. Резонансность сложившейся экстралингвистической ситуации, лингвокреативная реакция на нее носителей разных языков и закрепление результатов лингвокреативной деятельности в языковой системе, активное обсуждение темы в различных сферах общения, появление в научном обиходе понятия и обозначающих его терминов, а также попытки ученых описать отдельные черты самого явления служат предпосылками для выделения в дискурсивном пространстве пандемического дискурса, обладающего собственным набором типологических признаков, таких как время, место, участники, условия, цель и способы общения.

Пандемический дискурс представляет собой совокупность тематически соотнесенных вербальных манифестаций, связанных с эпидемией и ее последствиями. Его гибридный статус обусловлен взаимодействием с медицинским, научным, политическим и экономическим дискурсами в медиасреде, а также в институциональной и бытовой плоскостях, что проявляется в широком спектре обсуждаемых в нем проблем. Он не отличается регулярностью и предсказуемостью, не имеет четких временных рамок, поскольку возникает стихийно и сопровождает пандемию на протяжении всего периода ее существования. Условия, предопределяющие его появление, включают быстрое распространение инфекции, которая не

поддается традиционному лечению, большую смертность от ее последствий, озабоченность людей и поиск способов остановить пандемию.

Существование пандемического дискурса в институциональной, персональной и медийной формах расширяет места его реализации и состав участников. Среди трех разновидностей пандемического дискурса именно медийный является наиболее влиятельным и всесторонне отражающим ситуацию, сложившуюся в связи с распространением заболевания. И если общая цель пандемического дискурса состоит в борьбе с эпидемией на профессиональном, обывательском, коллективном, индивидуальном, государственном и личном уровнях, то задачи медийного пандемического дискурса заключаются в информировании населения о ситуации с эпидемией, ее последствиях для экономики и других сфер, предупреждении об опасности заражения, с тем чтобы консолидировать усилия общества, направленные на предотвращение распространения инфекции, и таким образом способствовать противостоянию ей.

С позиций лингвосемиотического подхода пандемический дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее в себя процессы производства сообщений на фоне социального контекста с помощью вербальных знаков – двусторонних единиц языка, которые, репрезентируя различные фрагменты действительности, служат для отображения складывающейся в массовом сознании пандемической картины мира и при этом выполняют информирующую и воздействующую функции.

В освещении пандемической ситуации задействованы шесть типов языковых знаков, а именно: знаки-номинативы, знаки-локативы, знаки-процессивы, знаки-инструментативы, знаки-квантификаторы, знаки-квалификаторы, которые производят локализацию происходящих событий, обозначают их участников, используемые ими материальные и нематериальные ресурсы, действия, осуществляемые для реализации определенной цели, а также дают различные количественные и качественные характеристики. Будучи универсальными абстрактными семантическими

инвариантами, при реализации в пандемическом дискурсе они подвергаются варьированию, вследствие чего возникают конкретные дискурсивные семантические варианты, в которых обобщенное инвариантное значение остается неизменным, но подвергается конкретизации, обусловленной спецификой дискурса.

Знаки, обозначающие участников ситуации и причастных к ней, включают в себя наименования медицинских работников, экспертов и специалистов в области вирусологии, эпидемиологии, медицины, фармакологии, должностных лиц, пациентов и испытуемых, знаменитостей, рядовых граждан разных социальных групп, а также вируса, его вариантов, мутаций, сопутствующих заболеваний, синдромов и осложнений. Знаки, осуществляющие локализацию событий, связанных с пандемией, включают в себя названия охваченных эпидемией государств и их административно-территориальных единиц, медицинских учреждений, где развернуты ковидные госпитали, урбанистических объектов, переоборудованных для приема и лечения ковидных больных. Знаки, обозначающие материальные и нематериальные ресурсы, служащие для борьбы с пандемией, включают в себя наименования способов лечения, оборудования, препаратов, веществ для тестирования, терапии, производства вакцины, санитарной обработки и вакцинации, федеральных и региональных ограничительных мероприятий и мер поддержки населения. Знаки, дающие количественные характеристики, содержат информацию о затратах на медицинское обеспечение, научно-исследовательские проекты, материальную помощь населению, финансирование мероприятий по ликвидации последствий, вызванных Covid-19, а также о финансовых потерях государственного и частного секторов экономики, количестве пострадавших в той или иной мере от вируса, показателях заболеваемости, выздоровления, смертности в разных возрастных группах населения. Знаки, номинирующие действия и процессы, включают в себя наименования процессов, в которые вовлечен вирус, и действий людей, связанных с выявлением и подтверждением новых случаев заражения и

штаммов, разработкой действенных методов лечения, предотвращения и диагностики, вакцинированием и терапией, контролем эпидемиологической ситуации, соблюдением мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, проживанием в условиях пандемии и экономическими изменениями. Знаки, дающие различные качественные характеристики, включают в себя оценку физического, эмоционального и морального состояния рядовых граждан и врачей, различных штаммов вируса, состояния экономики, сферы здравоохранения, а также меняющейся аксиологической системы.

Анализ медийных текстов пандемического дискурса позволил выделить случаи семиотической гибридизации вербальных знаков, случаи транспозиции отдельных знаков из одного класса в другой, обусловленные конверсией, взаимодействием частей речи, асимметричным дуализмом, а также случаи образования знаков-неологизмов в результате лингвокреативной деятельности человека и влияния общественных изменений на лингвосемиотическую систему.

В медийных текстах пандемического дискурса наблюдается метафоризация вербальных знаков в результате их перемещения в необычное контекстуальное окружение, что обусловлено способностью человека подмечать и выразить в языковых формах соотношение или сходство между различными предметами и представлениями. Устойчивые, терминологические и экспрессивные метафорические знаки пандемического дискурса принадлежат к различным классам, выделяемым на основе тематической отнесенности денотата, служащего основанием для сравнения, выполняют денотативную и стилистическую функции, характеризую различные аспекты сложившейся ситуации, и вносят вклад в формирование картины мира читателя.

В медийных текстах пандемического дискурса языковые знаки разных классов взаимодействуют друг с другом и служат для решения широкого спектра задач. Они призваны убеждать в серьезности сложившейся ситуации

через демонстрацию масштабов эпидемии и борьбы с ней, степени заразности различных штаммов вируса, трудных условий работы медицинского персонала, озабоченности властей и вовлеченности в события различных общественных и государственных структур. При помощи соответствующих языковых знаков авторы публикаций сообщают об ухудшении или улучшении эпидемиологической обстановки, негативных экономических последствиях, беспомощности медицины перед вирусом или, напротив, результативности методов лечения, эффективности вакцины, профессионализме работников здравоохранения, постоянном поиске действенных средства для борьбы с заболеваемостью и с самой болезнью, заботе государства о рядовых гражданах и представителях малого бизнеса и таким образом пытаются породить у читателей обеспокоенность, тревогу, пессимизм, состояние безнадежности, безысходности или, напротив, вселить надежду на то, что с эпидемией рано или поздно будет покончено. Кроме того, вербальные знаки разных типов дополняют описание мрачными деталями о трудностях, с которыми пришлось столкнуться населению, о финансовой и психологической неподготовленности к ним, что также не может не влиять на эмоциональное состояние читательской аудитории. Напоминания о необходимости соблюдать меры предосторожности, призывы пройти вакцинацию, осуществляемые языковыми знаками перечисленных классов, способны вызвать у реципиентов разные реакции: от строгого выполнения предписаний до раздражения и отрицания опасности заражения. Отображаемые ими подробности лечения, принципы действия прививки или особенности терапии, вероятно, окажут отрицательное, угнетающее влияние на психику одних читателей, в то время как другие, возможно, будут стремиться извлечь больше полезной информации и прояснить для себя вопросы, связанные с инфекцией. Используя знаки, подчеркивающие опору на авторитетные мнения, журналисты повышают достоверность сообщаемым сведениям, придают им большую убедительность и тем самым стараются произвести впечатление на реципиентов, которые, судя по постам в социальных сетях в период эпидемии,

начинают ценить то, что раньше воспринимали как должное, находить удовольствие в обыденных вещах.

Таким образом, пандемический дискурс представляет собой лингвосемиотическую систему, включающую в себя комплекс вербальных знаков, которые при реализации в медийных текстах служат для передачи текущей информации и выступают средством положительного, отрицательного и амбивалентного воздействия на читателей, формируя в общественном сознании определенный образ мира, нужное представление о сложившейся ситуации и вызывая при этом желаемую реакцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Научная и справочная литература**

1. Абросимова, Л. С. Словообразование в языковой категоризации мира / Л. С. Абросимова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южн. федеральн. ун-та, 2015. – 328 с.
2. Адащик, Д. Н. Эволюция англоязычного пандемийного политического медиадискурса: лингвопрагматический аспект (на материале выступлений премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6 / Адащик Дмитрий Николаевич. – Пятигорск, 2024. – 27 с.
3. Акай, О. М. Пандемия COVID-19 как фактор экстренной цифровизации системы высшего образования / О. М. Акай // Контаминированный характер современного дискурса пандемии: онтологические и концептологические основания. – 2022. – С. 134–151.
4. Андреев, В. С. Индекс метафоры: что подсчеты могут сказать об образности стихов / В. С. Андреев // Квантитативная лингвистика. – 2020. – № 7. – С. 21–28.
5. Античные теории языка и стиля / Под ред. О. М. Фрейденберг. – Москва ; Ленинград : ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. – 344 с.
6. Апресян, Р. Г. Этико-пандемический дискурс: в поисках нормативного языка / Р. Г. Апресян // Человек. – 2022. – Т. 33. – Выпуск № 3. – С. 67–84.
7. Аристотель, Риторика (Книга III) / Аристотель // Аристотель и античная литература. – Москва : Наука, 1978. – С. 164–229.
8. Арнольд, И. В. Стилистика: современный английский язык / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта; Наука, 2002. – 384 с.
9. Арутюнова, Н. Д. Дискурс. / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.

10. Арутюнова, Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. Литература и языкознание. – 1978. – Т. 37. – № 4. – С. 333–343.
11. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
12. Арутюнян, В. С. Культурные смыслы экономического дискурса в контексте пандемии 2020 / В. С. Арутюнян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 2. – С. 71–86.
13. Бабаева, Р. Г. Военная метафора как способ осмысления концепта «коронавирус» в политическом дискурсе англоязычных и русскоязычных СМИ / Р. Г. Бабаева // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 5 (102). – С. 349–351.
14. Багдасарян, В. Э. Постпандемическое мироустройство: модели актуального дискурса / В. Э. Багдасарян // Пандемия COVID-19: конец привычного мира? Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2020. – № 2. – С. 64–73.
15. Бадаева, Н. В. Модели концептуальной метафоры в экономическом дискурсе немецкоязычных сетевых масс-медиа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бадаева Наталья Валерьевна. – Москва, 2022. – 16 с.
16. Баева, Г. В. Семантико-прагматические особенности вербальных и невербальных знаков в рекламном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Баева Галина Валентиновна. – Тамбов, 2000. – 24 с.
17. Бажайкин, Н. Е. О юридической функции прецедентных феноменов в пандемическом дискурсе / Н. Е. Бажайкин // Казанская наука. – 2022. – № 5. – С. 66–68.
18. Бажайкин, Н. Е. Персуазивное воздействие в пандемическом дискурсе: на материале выступления А. Меркель / Н. Е. Бажайкин // Казанская наука. – 2020. – № 6. – С. 54–56.

19. Балашова, Л. В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX-XXI вв.: (динамический аспект) / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 2 (68). – С. 10–17.
20. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. – 358 с.
21. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва : Изд-во Ин-та русского языка РАН, 1991. – 193 с.
22. Барсукова, М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Барсукова Марина Игоревна. – Саратов, 2007. – 141 с.
23. Бархударов, А. С. Санскритские универсалии современного хинди / А. С. Бархударов // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – Москва : Наука, 1969. – С. 322–331.
24. Белецкий, С. Б. Узловые и периферийные точки пандемийного дискурса: парадигматика и синтагматика / С. Б. Белецкий, Д. Н. Автаева, П. А. Кузьмичева, С. Б. Чудинова // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2022. – № 15. – С. 1655–1679.
25. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : Эдиториал УРСС, 2002. – 448 с.
26. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1993. – 68 с.
27. Боева, Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке / Н. Б. Боева. – Москва : Готика, 2000. – 160 с.
28. Бойчук, А. С. Гастрономическая метафора в современном русском языке / А. С. Бойчук // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 7. – С. 75–78.
29. Болдырева, А. А. Категория авторитетности в научном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Болдырева Анна Александровна. – Воронеж, 2006. – 22 с.

30. Большой толковый социологический словарь. В 2-х томах / Сост. Д. Джери, Дж. Джери. – Москва : Вече, АСТ, 1999.
31. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса / В. Г. Борботько. – Грозный : Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 113 с.
32. Бредихин, С. Н. Вертикальный контекст как призма интенсификации индивидуально-личностных компонентов в социально маркированном дискурсе пандемии / С. Н. Бредихин, Ю. И. Бредихина // Контаминированный характер современного дискурса пандемии: онтологические и концептологические основания. – Ставрополь : Параграф, 2022. – С. 62–85.
33. Бредихин, С. Н. Номинация и деривация в дискурсе пандемии / С. Н. Бредихин // Контаминированный характер современного дискурса пандемии: онтологические и концептологические основания. – Ставрополь : Параграф, 2022. – С. 8–24.
34. Бредихин, С. Н. Поликодовость и полидискурсивность как определяющие факторы выбора стратегий и тактик в дискурсе пандемии / С. Н. Бредихин, Т. С. Ледович // Контаминированный характер современного дискурса пандемии: онтологические и концептологические основания. – Ставрополь : Параграф, 2022. – С. 25–61.
35. Булыгина, Т. В. Денотат / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 128–129.
36. Буцева, Т. Н. Наименование лиц в период коронавирусной пандемии / Т. Н. Буцева, А. В. Зеленин // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 162–213.
37. Вальтер, Х. Коронавирус и его оценка в зеркале современной паремиологии / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 563–572.

38. Вардуль, И. Ф. Основы описательной лингвистики / И. Ф. Вардуль. – Москва : Наука, 1977. – 351 с.

39. Вепрева, И. Т. COVID-19: ключевое слово коронавирусного лексикона на этапе графического усвоения в русском языке / И. Т. Вепрева, Т. В. Куприна // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021б. – С. 91–100.

40. Вепрева, И. Т. Локдаун, карантин, самоизоляция: новое английское заимствование в синонимичном ряду коронавирусной лексики русского языка / И. Т. Вепрева, Т. В. Куприна // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021а. – С. 113–124.

41. Власова, Ю. Н. Категории прагматики в свете теории лингвистики универсалий / Ю. Н. Власова, Н. Г. Складорова // Прагмалингвистика и практика речевого общения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2007. – С. 67–72.

42. Воронцов, Р. И. Имя собственное в языковой игре ковидного времени / Р. И. Воронцов // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 430–438.

43. Воякина, Е. Ю. Ономастическая метафора в экономическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Воякина Елена Юрьевна. – Москва, 2011. – 25 с.

44. Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы. – Москва : Наука, 1977. – С. 230–293.

45. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – Москва : Наука, 1988. – Гл. 1. – С. 11–26.

46. Гапутина, В. А. Проявление гибридности в современном русскоязычном медиадискурсе моды: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гапутина Виолетта Александровна. – Москва, 2019. – 198 с.

47. Геккина, Е. Н. К характеристике деривационных различий лексем ковид и коронавирус (семантико-словообразовательный аспект) / Е. Н. Геккина // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 338–354.

48. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургск. гос. ун-та, 2000. – 190 с.

49. Глинчевский, Э. И. Аргументативное речевое воздействие как средство влияния на внутренний мир человека / Э. И. Глинчевский // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. – Москва–Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингвистич. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С. 80–86.

50. Гловинская, М. Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия / М. Я. Гловинская // Логический анализ языка. Ментальные действия. – Москва : Наука, 1993. – С. 82–88.

51. Голоднов, А. В. Риторический метадискурс как интегративный тип дискурса / А. В. Голоднов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2009. – № 104. – С. 77–86.

52. Голоднов, А. В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка) / А. В. Голоднов. – Санкт-Петербург : Астерион, 2011. – 344 с.

53. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 217–237.

54. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и коммуникативный аспекты / В. С. Григорьева – Тамбов : Изд-во Тамбовск. гос. технич. ун-та., 2007. – 288 с.

55. Гринберг, Дж. Меморандум о языковых универсалиях / Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1970. – Вып. V: Языковые универсалии. – С. 31–44.

56. Гринберг, Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1970. – Вып. V: Языковые универсалии. – С. 114–162.

57. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – 4-е изд. – Москва : Академия, 2007. – 336 с.

58. Громенко, Е. С. Корона как ключевое слово русского языка коронавирусной эпохи / Е. С. Громенко // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021а. – С. 101–112.

59. Громенко, Е. С. Символы новых расстояний: удаленка, дистанционка и социальная дистанция / Е. С. Громенко // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021б. – С. 138–149.

60. Губик, С. В. Когнитивно-дискурсивное исследование английского экономического массмедийного дискурса: на материале журнала «The Economist»: дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / Губик Светлана Викторовна. – Уфа, 2006. – 207 с.

61. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1984. – 398 с.

62. Гухман, М. М. Лингвистические универсалии и типологические исследования / М. М. Гухман // Универсалии и типологические исследования. Мещаниновские чтения. – Москва : Наука, 1974. – С. 29–53.

63. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Москва : URSS, 2015. – 320 с.

64. Денисюк, Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Денисюк Елена Викторовна. – Екатеринбург, 2003. – 200 с.

65. Джалашова, Л. Ю. Синонимико-антонимические парадигмы в системе знаменательных частей речи современного английского языка и реализация их конститuentов в речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Джалашова Лариса Юрьевна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 21 с.

66. Дзвоник, Е. О. Реализация речевых тактик в пандемическом дискурсе во французских и немецких СМИ / Е. О. Дзвоник, О. В. Мифтахова // European scientific conference: сб. статей XXVI междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2021. – С. 158–162.

67. Добровольский, Д. О. К проблеме лексико-семантических универсалий / Д. О. Добровольский // НДВШ. Филологические науки, 1986. – № 5. – С. 24–30.

68. Добросклонская, Т. Г. Что такое медиалингвистика? / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2004. – № 2. – С. 9–17.

69. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв.) / М. Я. Дымарский. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.

70. Дягилева, И. Б. Исторические параллели: от холеры XIX века к коронабесию / И. Б. Дягилева // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 307–321.

71. Евтушина, Т. А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования / Т. А. Евтушина, Н. А. Ковальская // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014. – № 6 (335). – Вып. 88. – С. 42–46.

72. Егоров, В. Г. Глобальная экономика после коронавируса / В. Г. Егоров // Пандемия COVID-19: конец привычного мира? Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2020. – № 2. – С. 35–43.

73. Ефремов, В. А. Язык вражды: ковидный извод / В. А. Ефремов // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021. – С. 254–264.

74. Жура, В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Жура Виктория Валентиновна. – Волгоград, 2008. – 40 с.

75. Зеленин, А. В. Методы и приемы исследования коронавирусного лексикона (обзор зарубежных работ) / А. В. Зеленин // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021. – С. 66–90.

76. Зернецкий, П. В. Четырехмерное пространство речевой деятельности / П. В. Зернецкий // Язык, дискурс, личность. – Тверь : Изд-во Тверск. гос. ун-та, 1990. – С. 60–68.

77. Зобов, Р. А. Проблемы стереотипа в средствах массовой информации / Р. А. Зобов // Журналист. Пресса. Аудитория. – Ленинград : Изд-во Ленинградск. гос. ун-та, 1991. – Вып. 3. – С. 25–36.

78. Ивицкая, О. Д. К вопросу о национальной языковой личности и различиях в номинативной картине мира (на примере Великобритании) / О. Д. Ивицкая // Юбилейный сборник статей. – Москва : Научно-образовательный центр «Школа Китайгородской», 2002. – С. 122–142.

79. Ильющеня, Т. А. Системное описание глагольной терминологической номинации в учебном компьютерном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Ильющеня Татьяна Анатольевна. – Тюмень, 2008. – 287 с.

80. Калантаевский, Ю. С. Политический дискурс как объект лингвистического исследования / Ю. С. Калантаевский, К. В. Китова, В. Б. Поповская // Язык. Дискурс. Текст.: Материалы III междунар. науч. конф. – Ростов-на-Дону : Изд-во ПИ ЮФУ, 2007. – С. 27–29.

81. Календр, А. А. Жанрово-стилистические характеристики американского популярно-медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Календр Алла Александровна. – Астрахань, 2017. – 194 с.
82. Камель, М. Й. М. Неология в арабском пандемическом дискурсе / М. Й. М. Камель // Индоевропейские языки: общелингвистические и методологические аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Москва : Изд-во Московск. гос. обл. ун-та, 2022. – С. 102–108.
83. Камель, М. Й. М. Языковая идентичность и англоязычные заимствования в дискурсе о пандемии / М. Й. М. Камель // Дискурсивные практики в современном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Москва : Изд-во Московск. гос. обл. ун-та, 2021. – С. 90–96.
84. Камчатнов, А. М. Лексическая вариативность и лексическое значение / А. М. Камчатнов // Вопросы языкознания, 1983. – № 4. – С. 121–130.
85. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
86. Карасик, В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 25–34.
87. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва : Изд-во Ин-та языкознания РАН; Волгоградск. гос. пед. ин-та, 1992. – 330 с.
88. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
89. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с.
90. Кармин, А. С. Культурология / А. С. Кармин. – 2-е изд. перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Лань, 2003. – 928 с.
91. Касаткин, М. Л. Персуазивный потенциал прецедентных высказываний в риторическом дискурсе пандемии коронавируса (на

материале немецкоязычных СМИ / М. Л. Касаткин // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 137–146.

92. Катермина, В. В. COVID-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) / В. В. Катермина, Е. А. Яченко // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3 (108). – С. 51–58.

93. Катермина, В. В. Лексика пандемии коронавируса как отражение социально-бытовых реалий 2020-2021 гг. / В. В. Катермина, С. Х. Липириди // Актуальные проблемы современной филологии и журналистики. – 2022б. – № 2 (45). – С. 7–15.

94. Катермина, В. В. Лексика пандемии коронавируса как отражение эволюции социума / В. В. Катермина, С. Х. Липириди // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022а. – № 1. – С. 95–105.

95. Катермина, В. В. Лингвокультурный аспект новой лексики пандемии коронавируса / В. В. Катермина, С. Х. Липириди // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021а. – № 2. – С. 49–59.

96. Катермина, В. В. Лингвосемиотические характеристики метафоры в профессиональном дискурсе / В. В. Катермина, Т. А. Ширяева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 1. – С. 47–58.

97. Катермина, В. В. Манипулятивный потенциал лексики пандемии коронавируса в профессиональном дискурсе / В. В. Катермина, С. Х. Липириди // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021б. – Т. 10. – № 4 (37). – С. 274–278.

98. Катермина, В. В. Новая лексика пандемии коронавируса в англоязычном дискурсе / В. В. Катермина, С. Х. Липириди. – Краснодар : Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 2022в. – 178 с.

99. Катермина, В. В. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) / В. В. Катермина, С. Х. Липириди // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. – 2020. – С. 170–175.

100. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – 3-е изд. – Москва : Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.

101. Кашкин, В. Б. Авторитетность как коммуникативная категория / В. Б. Кашкин // Известия Волгоградск. гос. пед. ун-та. – 2007. – № 5 – С. 12–18.

102. Кашкин, В. Б. Введение в теорию дискурса / В. Б. Кашкин. – Москва : Восточная книга, 2010. – 152 с.

103. Кашкин, В. Б. Сопоставительные исследования дискурса / В. Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка. – Тамбов : Изд-во Тамбовск. гос. ун-та, 2005. – С. 337–353.

104. Керимов, Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Керимов Руслан Джаванширович – Барнаул, 2005. – 186 с.

105. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Кибрик Андрей Александрович. – Москва, 2003. – 90 с.

106. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

107. Кибрик, А. Е. Язык // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / А. Е. Кибрик. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 604–606.

108. Кириллова, И. К. Лингвосемиотика англоязычного университетского дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кириллова Ирина Константиновна. – Волгоград, 2010. – 199 с.

109. Кислицина, Н.Н. Спортивный дискурс в системе институциональных видов дискурса / Н. Н. Кислицина, Е. А. Новикова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 2 (26). – С. 28–35.

110. Кисс, О. С. Некоторые аспекты прагматики медиа-текста печатных СМИ / О. С. Кисс // Прагмалингвистика и практика речевого общения: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2009. – Вып. 3. – С. 204–208.

111. Китанина, Э. А. Языковое и жанровое своеобразие топливно-энергетического дискурса / Э. А. Китанина, В. В. Колесников // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2023. – Т. 12. – № 3. – С. 65–72.

112. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Клюев. – Москва : ПРИОР, 1998. – 224 с.

113. Козловская, Н. В. Военная метафора в медиадискурсе коонавирусной эпохи: от слова / Н. В. Козловская // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН. – 2021. – С. 234–253.

114. Козырев, В. А. Пандемийный год: ракурсы картины мира в зеркале словаря / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН. – 2021. – С. 214–223.

115. Колшанский, Г. В. Универсальная и частная типология / Г. В. Колшанский // Лингвистическая типология. – Москва : Наука, 1985. – С. 13–18.

116. Комлева, Н. А. Геополитические последствия пандемии COVID 19 / Н. А. Комлева // Пандемия COVID-19: конец привычного мира? Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2020. – № 2. – С. 51–56.

117. Кондратьева, О. Н. Милитарная метафора и ее роль в концептуализации внутреннего мира человека (на материале литературы Древней Руси) / О. Н. Кондратьева // Вестник Военного университета. Научно-информационный журнал «Армия и общество», 2011. – № 2 (26). – С. 54–57.

118. Константинова, М. В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Константинова Маргарита Владимировна. – Курск, 2011. – 181 с.

119. Копыл, Д. А. К вопросу об убеждении как методе коммуникативного воздействия / Д. А. Копыл // Лингвистика: традиции и современность: Материалы II междунар. науч. конф. – Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2011. – С. 13–39.

120. Коренева, А. В. Новая лексика эпохи пандемии в английском и русском языках: лингвистические и лингводидактические аспекты / А. В. Коренева, Н. Н. Бычкова // Тульский научный вестник. Сер. История. Языкознание. – 2022. – Вып. 2 (10). – С. 54–66.

121. Коротун, В. Ю. Когнитивно-прагматические особенности функционирования музыкальных метафор в структуре английского масс-медийного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Коротун Виктория Юрьевна. – Краснодар, 2017. – 207 с.

122. Кох, В. А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа / В. А. Кох // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 149–171.

123. Кочергина, В. А. Введение в языкознание / В. А. Кочергина. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 272 с.

124. Кошкарлова, Н. Н. Межкультурный политический комментарий. Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности / Н. Н. Кошкарлова // Нижний Новгород : Изд-во Нижегородск. гос. лингвистич. ун-та, 2014. – Вып. 2 (9). – С. 110–114.

125. Кравцов, С. М. Метафора сквозь призму когнитивистики и диахронии: на материале французского военного дискурса / С. М. Кравцов, Е. А. Соловьева. – Ростов-на-Дону – Таганрог : Изд-во Южн. федеральн. ун-та, 2022. – 186 с.

126. Крамаренко, Н. С. Казнить нельзя помиловать: дистанционное обучение в период пандемии / Н. С. Крамаренко // Пандемия COVID-19: конец привычного мира? Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2020. – № 2. – С. 47–51.

127. Кронгауз, М. А. Зум и зумиться как символы коммуникативных технологий / М. А. Кронгауз // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 150–161.

128. Крысин, Л. П. Язык и общество / Л. П. Крысин, А. Д. Швейцер // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 606–608.

129. Кубрякова, Е. С. Ономазиология / Е. С. Кубрякова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 345–346.

130. Кудряшов, И. А. Семиотическая экспликация моделей идеологически альтернативных социумов в антиутопии Е. И. Замятина «Мы» / И. А. Кудряшов, А. Б. Диденко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 1. – С. 126–141.

131. Кузнецова, А. В. Современный медиадискурс в парадигме лингвоэкологии: проблемы и перспективы / А. В. Кузнецова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 273–275.

132. Купина, Н. А. Массовый лингвокреатив в эпоху коронавируса / Н. А. Купина // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива (вып. 31). – 2022. – № 2. – С. 156–166.

133. Купина, Н. А. Руководящие ценности россиян в эпоху пандемии коронавируса / Н. А. Купина // Известия Уральского федерального

университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры, 2021а. – Т. 27. – № 2. – С. 74–83.

134. Купина, Н. А. Языковые и индивидуальные метафоры в текстах СМИ эпохи коронавируса / Н. А. Купина // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та лингвистических исследований РАН, 2021б. – С. 224–233.

135. Лаврухина, А. В. Знаки-квантификаторы в пандемическом дискурсе (на материале англоязычных публикаций, посвященных эпидемии коронавируса) / А. В. Лаврухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – Вып. 12. – С. 4389–4395.

136. Лаврухина, А. В. Знаки-процессивы в пандемическом дискурсе (на материале англоязычных публикаций, посвященных эпидемии коронавируса) / А. В. Лаврухина // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2023. – Т. 27. – № 2. – С. 54–62.

137. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.

138. Ласкова, М. В. Реализация спортивного дискурса в коммуникативном пространстве масс-медиа: лингвопрагматические особенности / М. В. Ласкова, С. А. Егорова // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 6. – С. 124–134.

139. Левин, Ю. И. Структура русской метафоры / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – С. 457–463.

140. Левина, С. Д. Новая глагольная лексика в русском языке периода пандемии / С. Д. Левина // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021. – С. 419–429.

141. Ленец, А. В. Языковая репрезентация вакцинации от Covid-19 в немецкоязычном медиaprостранстве / А. В. Ленец, Ю. А. Лагажан // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2023. – Т. 9. – № 4. – С. 68–83.

142. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – 3-е изд. – Москва : Смысл, 1999. – 365 с.
143. Логачев, С. А. Метафора войны в политическом дискурсе (на материале немецких СМИ) / С. А. Логачев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2008. – № 49. – С. 94–97.
144. Лотман, Ю. М. Люди и знаки / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство, 2004. – С. 5–11.
145. Лясота, Ю. Л. Понятие о контекстуальной метафорической группе / Ю. Л. Лясота // Уч. зап. Дальневосточного государственного университета. – Владивосток, 1962. – Вып. V. – Сер. фразеологическая. – С. 93–98.
146. Маджаева, С. И. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Маджаева Санья Ибрагимовна. – Волгоград, 2013. – 356 с.
147. Маджаева, С. И. Словарь эпохи пандемии: год спустя / С. И. Маджаева, Е. Ю. Кислякова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2022. – № 2. – С. 145–151.
148. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.
149. Малычева, Н. В. Понятия «текст» и «дискурс» в лингвистической литературе / Н. В. Малычева // Словесность: традиции и современность. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовск. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 121–124.
150. Манукян, Я. А. Пандемия COVID-19 сквозь призму немецкоязычного юмора / Я. А. Манукян, Н. А. Трофимова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 6. – С. 218–234.
151. Маринова, Е. В. «Ковид»-лексика как микросистема и особенности ее состава (семантико-структурный аспект процесса номинации) / Е. В. Маринова // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-

Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021. – С. 322–337.

152. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – 9-е изд. стереотип. – Москва : Флинта, 2018а. – 296 с.

153. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2018б. – 208 с.

154. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1990. – 172 с.

155. Меликян, В. Ю. Актуальные технологии современного экстремистского дискурса / В. Ю. Меликян // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы XI всероссийск. науч.-практ. конф. – Ростов-на-Дону : Донское книжное издательство, 2021. – С. 11–35.

156. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – Минск : Амалфея, 2000. – 368 с.

157. Минеева, З. И. Неологизмы эпохи пандемии, образованные сложением / З. И. Минеева // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021. – С. 388–405.

158. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – Москва : Тезаурус, 1997. – 158 с.

159. Митурска-Бояновска, Й. «Пандемийные» контаминанты / Й. Митурска-Бояновска // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021. – С. 406–418.

160. Мифтахова, О. В. Речевые тактики пандемического дискурса в СМИ Германии / О. В. Мифтахова // Вестник Луганского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1 (54). – С.82–88.

161. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Михайлова Елена Владимировна. – Волгоград, 1999. – 22 с.
162. Мордовина, Т. В. Научный дискурс через призму социолингвистического подхода и когнитивной лингвистики / Т. В. Мордовина, Е. Ю. Воякина, Л. Ю. Королева // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2 (75). – С. 366–368.
163. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика: Антология. – Москва : Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
164. Москвин, В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
165. Муругова, Е. В. Взаимодействие частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека / Е. В. Муругова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Сев-Кав. науч. центра высш. шк., 2007. – 460 с.
166. Назарова, Т. Б. Филология и Семиотика. Современный английский язык / Т. Б. Назарова. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2003. – 191 с.
167. Наумова, К. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации / К. А. Наумова, О. А. Солопова // Филологический класс. – 2018. – № 4 (54). – С. 15–21.
168. Наумова, К. А. Специфика гибридных видов дискурса (на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Наумова Ксения Андреевна. – Челябинск, 2021. – 23 с.
169. Нефедова, Л. А. О дискурсивной маркированности лексики пандемии коронавируса (на материале немецкого языка / Л. А. Нефедова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3 (845). – С. 185–196.
170. Нечаева, И. В. Иноязычные заимствования ковидной эпохи в письменном языке (нормативный аспект) / И. В. Нечаева // Русский язык

коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021. – С. 439–452.

171. Никитина, Е. С. Семиотика / Е. С. Никитина. – М.: Академический проект, 2006. – 528 с.

172. Никитина, О. А. Контаминация как проявление игрового словотворчества в дискурсе о пандемии COVID-19 (на материале новообразований немецкого языка) / О. А. Никитина, О. А. Гудкова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 4 (39). – С. 123–132.

173. Николаев, С. Г. Академический дискурс как комплексный объект и дискурсивные жанровые специфики как интегративный предмет лингвистического исследования / С. Г. Николаев // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 228–229.

174. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 467–472.

175. Овсиенко, Т. В. Лингвокультурные особенности австрийского гастрономического дискурса (на материале кулинарных рецептов) / Т. В. Овсиенко, О. Н. Фесенко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – № 4 (37). – С. 295–299.

176. Олянич, А. В. “Show must go on”, или семиотика циркового дискурса / А. В. Олянич // Коммуникативные исследования, 2019. – Т. 6. – № 3. – С. 759–775.

177. Олянич, А. В. Лингвосемиотика англоязычного гастрономического дискурса / А. В. Олянич, А. Ю. Земскова. – Волгоград : Изд-во Волгоградск. гос. аграрн. ун-та, 2015. – 392 с.

178. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.

179. Олянич, А. В. Презентема в лексико-семантической структуре глагола как способ дискурсообразования и дискурсивного развертывания (на

материале глагольных лексем из российского молодежного сленга) / А. В. Олянич // Дискурс Пи, 2015. – № 1 (18). – С. 63–70.

180. Орлова, О. Г. Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям его функционирования / О. Г. Орлова, В. Л. Каракчиева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23. – № 2. – С. 521–531.

181. Остроушко, Н. А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (К понятию языкового манипулирования) / Н. А. Остроушко // Мир русского слова, 2002. – № 5. – С. 86–91.

182. Павлова, А. С. «Ковидный лексикон» немецкого языка как фрагмент национальной языковой картины мира / А. С. Павлова // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021а. – С. 533–549.

183. Павлова, А. С. Наименования коронавирусной инфекции в английском и русском языках (к тенденции интернационализации ковидного лексикона) / А. С. Павлова // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021б. – С. 453–469.

184. Павлова, А. С. Самоизоляция и самоизолироваться: из терминов в ключевые слова эпохи / А. С. Павлова // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021в. – С. 125–137.

185. Пакус, В. О. Контрастная репрезентация образа США в американском политическом президентском и оппозиционном дискурсе XXI века: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. / Пакус Виктория Олеговна. – Ростов-на-Дону, 2023. – 178 с.

186. Панфилов, В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. – Москва : Наука, 1982. – 356 с.

187. Панфилов, В. З. Языковые универсалии и типология предложения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 3–16.
188. Парешнива, В. О. Когнитивно-семиотические характеристики метафоры в современном французском политическом газетном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Парешнива Валерия Олеговна. – Краснодар, 2023. – 28 с.
189. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – Москва : Изд-во Московск. гос. ун-та, 1997. – 482 с.
190. Пирс, Ч. С. Начало прагматизма / Ч. С. Пирс. – Т. 2. Логические основания теории знаков. – Санкт-Петербург : Лаборатория метафизических исследований философского факультета Санкт-Петербургск. гос. ун-та; Алетейя, 2000. – 352 с.
191. Плотникова, С. Н. Пространственная модель дискурса / С. Н. Плотникова // Функциональная лингвистика: Материалы III междунар. крымск. лингвистич. конгресса «Язык и мир». – Симферополь: Изд-во Крымск. республиканск. ин-та последипломн. пед. обр., 2011. – С. 123–125.
192. Поляков, Д. К. Чешские коронавирусные неологизмы на фоне русских: номинативный и словообразовательный аспекты / Д. К. Поляков // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021. – С. 508–523.
193. Пономарев, Н. Ф. Эпидемическая психология и пандемический нарратив: электрон. версия журн. URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2022/01/Пономарев-Н.-Ф.pdf> (дата обращения: 16.11.23).
194. Попова, Е. С. Текст и дискурс: дифференциация понятий / Е. С. Попова // Молодой ученый. – Казань : ООО «Издательство Молодой ученый», 2014. – № 6. – С. 641–643.
195. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. – 656 с.

196. Приемышева, М. Н. Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 / М. Н. Приемышева // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН. – 2021. – С. 16–51.

197. Приемышева, М. Н. Коронавзрыв, коронахаос и коронамир: концептуализация языковой картины мира через метафоры и образы пандемийной неологии / М. Н. Приемышева // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021а. – С. 265–306.

198. Приемышева, М. Н. Коронаяз, карантинсмех и ковидный фольклор / М. Н. Приемышева // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021б. – С. 550–562.

199. Прокофьева, Н. А. Роль медиа в создании языка коронавирусной эпохи: пандемия словотворчества / Н. А. Прокофьева, Е. А. Щеглова // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 52–65.

200. Расчепеева, Д. Д. Язык медицинской профилактики: дискурс пандемии коронавируса / Д. Д. Расчепеева, Е. В. Семейкина, А. О. Стеблецова // International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2020. – Vol. 7-3 (46). – С. 85–87.

201. Рацибурская, Л. В. Новые словообразовательные гнезда с «коронавирусной» лексикой / Л. В. Рацибурская // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 355–377.

202. Ребрина, Л. Н. Формирование образа Ирака в региональных СМИ Германии посредством концептуальных метафор / Л. Н. Ребрина, Л. Х. М. А. Аль-Хафаджи // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 8. – С. 210–228.

203. Ревзина, О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О. Г. Ревзина // Критика семиотики. Вып. 8. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. гос. ун-та, 2005. – С. 66–78.
204. Редкозубова, Е. А. Covid-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) / Е. А. Редкозубова // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 4. – С. 193–200.
205. Реформатский, А. А. Число и грамматика / А. А. Реформатский // Вопросы грамматики. – Москва-Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1960. – С. 384–400.
206. Ридецкая, Ю. С. Суффиксоиды пандемийного времени: семантика, переходные морфемные явления / Ю. С. Ридецкая // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021. – С. 378–387.
207. Рогалева, О. С. Автомобильный дискурс: содержание, структура и языковое оформление: электрон. версия журн. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1617> (дата обращения: 15.01.2024).
208. Рогозин, А. Ю. Гибридный дискурс как результат интердискурсивного взаимодействия / А. Ю. Рогозин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 4 (97). – С. 161–168.
209. Рождественский, Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский – Москва : Добросвет, 1997. – 597 с.
210. Романик, А. Лексика эпохи коронавируса (на примере польского и русского языков) / А. Романик // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН. – 2021, С. 495–507.
211. Рябко, О. П. Метафорическая картина мира: специфика метафорики фитонимов / О. П. Рябко, Н. О. Григорьева // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2016. – № 12. – С. 79–81.

212. Рябцева, И. Г. Политический дискурс как средство изучения языковой картины мира / И. Г. Рябцева // Язык. Дискурс. Текст: Материалы III междунар. науч. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007. – С. 58–61.

213. Северская, О. И. Ковидиоты на карантинных: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик / О. И. Северская // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 887–906.

214. Силанова, М. А. Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Силанова Марина Александровна. – Москва, 2016. – 260 с.

215. Силантьев, И. В. Газета и роман. Риторика дискурсивных смешений / И. В. Силантьев. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 222 с.

216. Сильницкий, Г. Г. Семантические классы глаголов в английском языке / Г. Г. Сильницкий. – Смоленск : Изд-во Смоленск. гос. пед. ин-та, 1986. – 112 с.

217. Симоненко, М. А. Архитектурная метафора в языке и речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Симоненко Марина Александровна. – Курск, 2009. – 196 с.

218. Симонова, К. Н. Функционально-семантическое поле количественности в английском языке // К. Н. Симонова, Н. Г. Складорова, А. В. Николаева, Н. А. Ляшенко, С. Е. Молчанова. Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. – С. 84–100.

219. Синельникова, Л. Н. Триггеры резонансности и формирование пандемического коронавирусного дискурса / Л. Н. Синельникова, Л. В. Селезнева // Критика и семиотика. – 2022. – № 2. – С. 91–113.

220. Складорова, Н. Г. Альтернативность как языковая универсалия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Складорова Наталья Геннадиевна. – Ростов-на-Дону, 2006. – 436 с.

221. Склярова, Н. Г. Лингвосемиотика англоязычного туристического медиадискурса (на материале интернет-публикаций) / Н. Г. Склярова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 163–168.

222. Склярова, Н. Г. Лингвосемиотика медийного пандемического дискурса (на материале англоязычных публикаций, посвященных эпидемии коронавируса) / Н. Г. Склярова, А. В. Лаврухина // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 492. – С. 40–49.

223. Склярова, Н. Г. Лингвосемиотика милитарно-медийного дискурса (на материале современных публикаций англоязычных СМИ) / Н. Г. Склярова. – Москва : Инфра-М, 2019. – 88 с.

224. Склярова, Н. Г. Лингвосемиотика футбольного медиадискурса (на материале англоязычных публикаций) / Н. Г. Склярова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – № 3. – С. 68–77.

225. Склярова, Н. Г. Лингвосемиотическая репрезентация жизни британской королевской семьи в медийном монархическом дискурсе / Н. Г. Склярова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2020. – № 4. – С. 47–55.

226. Склярова, Н. Г. Разработка теории функционально-семантического поля в отечественной лингвистике // Н. Г. Склярова, К. Н. Симонова, А. В. Николаева, Н. А. Ляшенко, С. Е. Молчанова. Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. – С. 7–31.

227. Склярова, Н. Г. Функционально-семантическая категория альтернативности в свете традиционных и современных лингвистических концепций / Н. Г. Склярова. – Москва : Инфра-М, 2022. – 413 с.

228. Скребцова, Т. Г. Современные исследования политической метафоры / Т. Г. Скребцова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика, 2005. – Вып. 1. – С. 35–47.

229. Скрябина, Е. Ю. Лингвокогнитивное моделирование метафоры в дискурсе туризма (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Скрябина Екатерина Юрьевна. – Пермь, 2021. – 20 с.
230. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемьшева, Ю. С. Ридецкая. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистич. исслед. РАН, 2021. – 550 с.
231. Сложеникина, Ю. В. К вопросу о метаязыке теории вариантности / Ю. В. Сложеникина // НДВШ. Филологические науки. – 2005. – № 2. – С. 50–58.
232. Солганик, Г. Я. О специфике газетно-публицистической метафоры и метафоризации / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура на переломе тысячелетий: рабочие материалы междунар. конф. – Москва : Российский фонд культуры, 2002. – С. 96–100.
233. Солнцев, В. М. Вариантность / В. М. Солнцев // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 80–81.
234. Солнцев, В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания, 1984. – № 2. – С. 31–42.
235. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1999. – 432 с.
236. Старикова, Ю. И. Газетный текст в коммуникативно-прагматическом аспекте (специфика речевого воздействия) / Ю. И. Стариков // Личность, речь и юридическая практика. – Ростов-на-Дону : Изд-во Донск. юридич. ин-та, 2005. – Вып. 8. – С. 207–210.
237. Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 440–442.

238. Сусов, И. П. Введение в языкознание / И. П. Сусов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 379 с.
239. Сухова, Е. А. Лингвосемиотика сельскохозяйственного дискурса / Е. А. Сухова. – Волгоград : Изд-во Волгоградск. гос. аграрн. ун-та, 2016. – 199 с.
240. Тарасов, Е. Ф. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Е. Ф. Тарасов. – Москва : Наука, 1990.
241. Тарасова, Н. П. Метафорическое моделирование эпидемии в медийном дискурсе (на материале русских и немецких текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Тарасова Наталья Павловна. – Пермь, 2013. – 20 с.
242. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – Москва : Наука, 1988. – С. 173–205.
243. Телия, В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 336–337.
244. Темиргазина, З. К. Вспышка, всплеск или волна: как и что мы говорим о коронавирусе / З. К. Темиргазина // Неофилология. – 2020. – Т. 6. – № 24. – С. 645–652.
245. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – Москва : Наука, 1983. – С. 227–284.
246. Третьякова, Е. В. Метафорический образ Германии в рекламном туристическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Третьякова Евгения Валерьевна. – Иркутск, 2015. – 18 с.
247. Трофимова, Н. А. Метафоры пандемического дискурса (на материале СМИ Германии) / Н. А. Трофимова // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 483. – С. 57–71.

248. Удальцова, Н. М. Спортивная концептуальная метафора в англоязычном медиадискурсе / Н. М. Удальцова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 173–181.
249. Ульманн, С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1970. – Вып. V: Языковые универсалии. – С. 250–299.
250. Успенский, Б. А. Проблема универсалий в языкознании / Б. А. Успенский // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1970. – Вып. V: Языковые универсалии. – С. 5–30.
251. Успенский, Б. А. Структурная типология языков / Б. А. Успенский. – Москва : Наука, 1965. – 288 с.
252. Уткина, Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе: семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Уткина Татьяна Игоревна. – Пермь, 2006. – 26 с.
253. Уфимцева, А. А. Знак / А. А. Уфимцева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 167.
254. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация: Виды наименований. – Москва : Наука, 1977. – С. 5–86.
255. Уфимцева, А. А. Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
256. Фадеева, Н. Г. Театральная метафора: основные модели и сферы функционирования / Н. Г. Фадеева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4. – С. 90–94.
257. Федотова, Н. В. Военная метафора в современном русском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Федотова Наталия Владимировна. – Воронеж, 2022. – 291 с.

258. Филатова, Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Филатова Наталья Вячеславовна. – Москва, 2014. – 179 с.
259. Филиппова, Т. А. Лингвосемиотика англоязычного волонтерского дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Филиппова Татьяна Анатольевна. – Волгоград, 2014. – 167 с.
260. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
261. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Москва : Прогресс, 1977. – 408 с.
262. Хоккетт, Ч. Ф. Проблема языковых универсалий / Ч. Ф. Хоккетт // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1970. – Вып. V: Языковые универсалии. – С. 45–76.
263. Чанышева, З. З. Влияние пандемии COVID-19 на нефтегазовый дискурс в кризисной медиакommunikации: планы контаминации / З. З. Чанышева // Контаминированный характер современного дискурса пандемии: онтологические и концептологические основания. – Ставрополь : Параграф, 2022. – С. 86–100.
264. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – Москва : Прогресс, 1975. – 432 с.
265. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – Москва : Флинта, 2006. – 136 с.
266. Чеснокова, Л. Д. Категория неопределенного множества и семантические формы мысли / Л. Д. Чеснокова // Семантика грамматических форм. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовск. гос. пед. ин-та, 1982. – С. 21–31.
267. Чудинов, А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 91–105.
268. Шафиков, С. Г. Семантические универсалии в лексике / С. Г. Шафиков. – Уфа : Изд-во Башкирск. гос. ун-та, 1996. – 196 с.

269. Шахбагова, Д. А. Фонетическая система английского литературного языка - целостность, устойчивость, вариативность: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Шахбагова Джульетта Аршавировна. – Москва, 1986. – 425 с.

270. Ширяева, Т. А. Специфика метафоризации в современном англоязычном бизнес-медиа дискурсе как отражение современных экономических реалий / Т. А. Ширяева // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 4 (51). – С281–286.

271. Ширяева, Т. А. Язык вирусных фейковых новостей: корпусный подход к анализу русскоязычной дезинформации о Covid-19 / Т. А. Ширяева // Язык в эпоху цифровых трансформаций и развития искусственного интеллекта: Сборник статей междунар. науч. конф. – Минск : Изд-во Минск. гос. лингвистич. ун-та, 2024. – С. 387–392.

272. Ширяева, Т. А. Языковая репрезентация пандемии в социальных сетях глав государств (на материале микроблогов государственных лидеров Великобритании и США) / Т. А. Ширяева // Контаминированный характер современного дискурса пандемии: онтологические и концептологические основания. – Ставрополь : Параграф, 2022. – С. 101–133.

273. Ширяева, Т. А. Языковая репрезентация пандемии в социальных сетях государственных лидеров (на материале микроблогов в «Твиттере» Джо Байдена и Бориса Джонсона) / Т. А. Ширяева, Л. И. Триус // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 2 (110). – С. 77–85.

274. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2005. – 502 с.

275. Юдина, О. Л. Метафоры и метафорические модели в российском и англо-американском управленческом дискурсе: параллели и взаимодействие: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Юдина Оксана Леонидовна. – Екатеринбург, 2012. – 240 с.

276. Янурик, С. Неологизмы английского происхождения в русском и венгерском языках коронавирусной эпохи / С. Янурик // Русский язык

коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН. – 2021а. – С. 524–532.

277. Янурик, С. Новые английские заимствования в русском языке коронавирусной эпохи: контаминанты и композиты / С. Янурик // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Изд-во ин-та лингвистический исследований РАН, 2021б. – С. 470–494.

278. Янушкевич, И. Ф. К лингвосемиотической типологии знаков / И. Ф. Янушкевич // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы. – Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. ун-та, 2011. – С. 282–289.

279. Ярцева, В. Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка / В. Н. Ярцева // Вопросы языкознания, 1983. – № 5. – С. 17–24.

280. Ярцева, В. Н. Проблема универсалий и классификация языков / В. Н. Ярцева // Универсалии и типологические исследования. Мещаниновские чтения. – Москва : Наука, 1974. – С. 5–28.

281. Akhmanova, O. Linguistic Terminology / O. Akhmanova, R. F. Idzelis. – Moscow : Moscow University Press, 1977. – 188 p.

282. Akhmanova, O. Linguistics and Semiotics / O. Akhmanova. – Moscow : Moscow University Press, 1979. – 108 p.

283. Akhmanova, O. Linguistics and Semiotics / O. Akhmanova, T. Nazarova // Methods of Linguistic Research. – Moscow, 1988. – P. 89–94.

284. Alexander, R. J. On the hegemonic power of the pandemic discourse // International Journal of Business and Applied Social Science (IJBASS): online version. URL: <https://www.ijbassnet.com/publication/401/details> (дата обращения: 13.06.23).

285. Al-Salman, S. COVID-19 as the cause of neologisms and word-formation processes in the English language / S. Al-Salman, A. Haider // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – № 25 (1). – P. 24–42.

286. Alyeksyeyeva, I. O. Coronaspeak as Key to Coronaculture: Studying New Cultural Practices Through Neologisms / I. O. Alyeksyeyeva, T. A. Chaiuk, E. A. Galitska // *International Journal of English Linguistics*. – 2020. – Vol. 10. – № 6. – P. 202–212.
287. Belhaj, S. La pandémie Covid-19 et l'émergence d'un nouveau technolecte / S. Belhaj // *Langues, cultures et sociétés*. – 2020. – Vol. 6. – № 1. – P. 28–38.
288. Berndt, Ch. Die heimlichen Herrscher der Welt / Ch. Berndt // *Süddeutsche Zeitung*. – 2020. – № 101.
289. Busso, L. Clustering metaphors of COVID-19 discourse in Italian online newspapers / L. Busso, O. Tordini // online version. URL: <http://enl.auth.gr/tclr/BOA-15-7-2020.pdf>. (дата обращения: 13.06.23).
290. Chafe, W. Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. / W. Chafe. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 340 p.
291. Cierpich-Kozieł, A. Koronarzeczywistość – o nowych złożeniach z członem korona- w dobie pandemii / A. Cierpich-Kozieł // *Język Polski*. – 2020. – P. 102–117.
292. Dienstbach, D. Invisible war: Coronavirus metaphors in the Brazilian media: online version. URL: <http://enl.auth.gr/tclr/BOA-15-7-2020.pdf>. (дата обращения: 13.06.23).
293. Flusberg, S. J. War metaphors in public discourse / S. J. Flusberg, T. Matlock, P. H. Thibodeau // *Metaphor and Symbol*. – 2018. – № 33 (1). – P. 1–18.
294. Fukuda-Parr, S. Pandemic Discourses – A Global Contagion Demands Global Perspectives / S. Fukuda-Parr, M. Mahajan, M. W. Frazier // online version. URL: <https://developingeconomics.org/2020/06/06/an-introduction-pandemic-discourses/> (дата обращения: 13.06.23).
295. Gębka-Wolak, M. Jak polszczyzna radzi sobie z koronawirusem? O środkach językowych wykorzystywanych do opisu rzeczywistości w czasie pandemii / M. Gębka-Wolak // *Dyskurs&Dialog*. – 2020. – P. 159–173.

296. Gipper, S. Yurakaré representations of Corona: The figurative strategy of personification by means of combat metaphors / S. Gipper, V. Hirtzel // online version. URL: <http://enl.auth.gr/tclr/BOA-15-7-2020.pdf>. (дата обращения: 13.06.23).

297. Graesser, A. C. Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text / A. C. Graesser, S. M. Goodman // *Understanding expository text: A theoretical and practical handbook for analyzing explanatory text* / ed. B. K. Britton and J. B. Black. – Hillsdale : Erlbaum, 1985. – 109–172.

298. Habermas, J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns / J. Habermas // *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1984. – P. 571–606.

299. Haddad, H. A. COVID-19: a metaphor-based neologism and its translation into Arabic / H. A. Haddad, S. Montero-Martínez // *Journal of Science Communication*. – 2020. – № 19 (05).

300. Harris, Z. Discourse analysis / Z. Harris // *Language*. – 1952. – V. 28. – № 1. – P. 1–30.

301. Iritspukhova, N. COVID-19: War of metaphors The coverage of novel coronavirus pandemic in Georgian news reports: online version. URL: <http://enl.auth.gr/tclr/BOA-15-7-2020.pdf>. (дата обращения: 17.06.23).

302. Jalonen, H. Koronapandemian puhujapositiot sosiaalisen median lapsi- ja perheaiheisissa keskusteluissa / H. Jalonen, J. Kokkola // *Media & viestintä*. – 2020. – № 43 (4). – P. 303–325.

303. Khalfan, M. Covid-19 Neologisms and their Social Use: An Analysis from the Perspective of Linguistic Relativism / M. Khalfan, H. Batool, W. Shehzad // *Linguistics and Literature Review*. – 2020. – № 6 (2). – P. 17–129.

304. Lakoff, G. Conceptual metaphor in everyday language / G. Lakoff, M. Johnson // *The Journal of Philosophy*, 1980. – Vol. 77. – № 8. – P. 453–486.

305. Larson, Ch. Persuasion. Reception and responsibility / Ch. Larson // Northern Illinois University: WPC, 1998.

306. Lawson, R. Coronavirus has led to an explosion of new words and phrases – and that helps us cope: online version. URL: <https://theconversation.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909> (дата обращения: 17.06.23).
307. Martinková, M., Janebová M. Metaphors in British and Czech coronavirus media discourse: A corpusdriven study: online version. URL: <http://enl.auth.gr/tclr/BOA-15-7-2020.pdf>. (дата обращения: 14.06.23).
308. Monogarova, A. G. The words that make fake stories go viral: a corpus-based approach to analyzing Russian Covid-19 disinformation / A. G. Monogarova, T. A., Shiryayeva, E. V. Tikhonova // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – Т. 27. – № 3. – С. 543–569.
309. Pollock, J. C. COVID-19 in International Media: Global Pandemic Perspectives / J. C. Pollock, D. A. Vakoch. – London: Routledge, 2023. – 300 p.
310. Reijnierse, W. G. Audience perceptions of COVID-19 metaphors / W. G. Reijnierse, B. Brugman, E. Droog, G. Frezza, S. Leymann, K. Renardel de Lavalette // online version. URL: <http://enl.auth.gr/tclr/BOA-15-7-2020.pdf>. (дата обращения: 17.06.23).
311. Shiryayeva, T. A. Axiology of Russia's image in mass media discourse in coronavirus pandemic / T. A. Shiryayeva, V. V. Katermina, E. A. Golubovskaya, N. M. Mekeko // International Journal of Arabic-English Studies. – 2023. – Т. 23. – № 1. – С. 145–168.
312. Schönhöfer, P. Jak wirus zmienił nasze życie: online version. URL: <https://goethe.de/ins/pl/pl/kul/mag/21946898.html>. (дата обращения: 14.06.23).
313. Sunalini, K. K. Pandemic discourse and cultural healing / K. Sunalini, D. K. Nair, M. Sumalatha, I. Merugu, M. Slathia, C. J. Kumari // International Journal of Health Sciences. – 2022. – № 6. – P. 4769–4778.
314. Tervonen, R. Koronasuosta parvekevappuun – uudissanoja kahden metrin yhteiskunnasta / R. Tervonen // Kielikello. – 2020. – № 2. – P. 1–9.
315. Thorne, T. Spotlight on COVID: Pandemic language and the role of linguistics: online version. URL: <https://www.kcl.ac.uk/news/spotlight/spotlight->

on-covid-pandemic-language-and-the-role-of-linguists (дата обращения: 17.06.23).

316. Tran, H. Online agenda setting: A new frontier for theory development / H. Tran // *Agenda Setting in a 2.0 World: A Tribute to Maxwell McCombs* / Ed. Johnson T. – New York : Routledge, 2013. – P. 205–229.

317. Vakoch, D. A. Eco-Anxiety and Pandemic Distress: Psychological Perspectives on Resilience and Interconnectedness / D. A. Vakoch, S. Mickey. – Oxford : Oxford University Press, 2022. – 210 p.

Источники языкового материала

1. Amaro, S. How far will Europe go? Central bankers and EU leaders push for ‘corona bonds’ / S. Amaro // *CNBS*. – 2020. – March 23. URL: <https://www.cnbc.com/2020/03/23/corona-bonds-what-they-are-and-why-europe-is-talking-about-them.html> (дата обращения: 15.12.2020).

2. Americans Say South Korea, Germany Have Managed Pandemic Better Than U.S. // *U.S. News*. – 2020. – May 21. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2020-05-21/americans-say-south-korea-germany-have-managed-coronavirus-crisis-better-than-the-us> (дата обращения: 15.02.2021).

3. Amid COVID-19 war, Xi advocates int’l cooperation in scientific research // *The Daily News*. – 2020. – March 06. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/06/world/213549/amid-covid-19-war-xi-advocates-int%E2%80%99l-cooperation-scientific-research> (дата обращения: 20.11.2021).

4. Anderton, K. Columbia teams receive \$2.1 million grant to find potential antiviral drugs for 2019-nCoV / K. Anderton // *News Medical*. – 2020. – February 20. URL: <https://www.news-medical.net/news/20200220/Columbia-teams-receive-2421-million-grant-to-find-potential-antiviral-drugs-for-2019-nCoV.aspx> (дата обращения 20.11.2023).

5. Anderton, K. Experimental antiviral prevents MERS-CoV in rhesus macaques / K. Anderton // News Medical. – 2020. – February 13. URL: <https://www.news-medical.net/news/20200213/Experimental-antiviral-prevents-MERS-CoV-in-rhesus-macaques.aspx> (дата обращения: 05.10.2022).
6. Aratani, L. US again breaks daily Covid-19 record with 121,000 cases recorded Thursday / L. Aratani // The Guardian. – 2020. – November 06. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/06/us-coronavirus-record-daily-cases-thursday> (дата обращения 15.02.2021).
7. ASPI falls 113 points amid foreign sell-off due to Coronavirus // The Daily News. – 2020. – February 17. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/02/17/finance/211583/aspi-falls-113-points-amid-foreign-sell-due-coronavirus> (дата обращения: 07.02.2023).
8. ASPI hits over 8-month low amid COVID-19 spread // The Daily News. – 2020. – March 11. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/11/finance/213956/aspi-hits-over-8-month-low-amid-covid-19-spread> (дата обращения: 20.11.2023).
9. Beaumont, P. ‘Paradigm shift’ needed in way WHO is funded, says director general / P. Beaumont // The Guardian. – 2022. – January 24. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jan/24/world-health-organization-funding-who-director-general> (дата обращения: 17.02.2023).
10. Bebinger, M. Addiction is ‘a disease of isolation’ – so pandemic puts recovery at risk / M. Bebinger // Kaiser Health News. – 2020. – March 30. URL: <https://khn.org/news/addiction-is-a-disease-of-isolation-so-pandemic-puts-recovery-at-risk/> (дата обращения: 06.10.2022).
11. Begley, S. New analysis breaks down age-group risk for coronavirus – and shows millennials are not invincible / S. Begley // Stat News. – 2020. – March 18. URL: <https://www.statnews.com/2020/03/18/coronavirus-new-age-analysis-of-risk-confirms-young-adults-not-invincible/> (дата обращения: 13.12.2020).
12. Bernhard, M. The School Where the Pandemic Never Ended / M. Bernhard // The New York Times Magazine. – 2023. – April 05. URL:

<https://www.nytimes.com/2023/04/05/magazine/la-school-pandemic.html?action=click&module=RelatedLinks&pgtype=Article> (дата обращения: 17.12.2022).

13. BioLife's Worcester Plasma Services Center Is Company's First in Massachusetts // Spectrum News. – 2021. – November 30. URL: <https://spectrumnews1.com/ma/worcester/news/2021/11/30/biolife-plasma-service-center-worcester> (дата обращения 25.03.2023).

14. Booth, R. Allow loved ones to be with dying coronavirus patients, says charity / R. Booth // The Guardian. – 2020. – April 01. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/01/allow-loved-ones-to-be-with-dying-coronavirus-patients-says-charity> (дата обращения 15.02.2023).

15. Boris Johnson's speech in full: 'first, careful steps' to ease Covid-19 lockdown // The Guardian. – 2020. – May 10. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/10/boris-johnson-details-first-careful-steps-to-ease-covid-19-lockdown> (дата обращения 15.02.2023).

16. Boris to allow kids to 'hold hands' with grandparents as care home visits get the go ahead // The Washington Time. – 2021. – February 20. URL: <https://www.thewashingtontime.com/boris-to-allow-kids-to-hold-hands-with-grandparents-as-care-home-visits-get-the-go-ahead/> (дата обращения: 23.02.2021).

17. Boseley, S. Coronavirus 'could infect 60% of global population if unchecked' / S. Boseley // The Guardian. – 2020. – February 11. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/11/coronavirus-expert-warns-infection-could-reach-60-of-worlds-population> (дата обращения: 15.01.2021).

18. Boseley, S. How vaccine approval compares between the UK, Europe and the US / S. Boseley // The Guardian. – 2020. – December 04. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/04/how-vaccine-approval-compares-between-the-uk-europe-and-the-us> (дата обращения: 26.02.2024).

19. Boseley, S. Super-spreaders: what are they and how are they transmitting coronavirus? / S. Boseley, M. Belam // The Guardian. – 2020. – March

20. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/27/what-are-super-spreaders-and-how-are-they-transmitting-coronavirus> (дата обращения: 15.01.2021).

20. Boudette, N. E. To Disinfect a Police Car in a Pandemic, Software Cranks Up the Heat / N. E. Boudette // The New York Times. – 2020. – May 30. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/30/business/coronavirus-police-cars-heat.html?searchResultPosition=4> (дата обращения: 15.02.2022).

21. Boyd, C. How the killer coronavirus compares to SARS, swine flu and Ebola: Interactive map lays bare true scale of the outbreak which has struck down more than 60,000 people / C. Boyd // The Daily Mail. – 2020. – February 13. URL: <https://www.dailymail.co.uk/health/article-7995583/How-killer-coronavirus-compares-SARS-swine-flu-Ebola-Interactive-map.html> (дата обращения 20.11.2023).

22. Brenner, D. Covid Combat Fatigue: ‘I Would Come Home with Tears in My Eyes’ / D. Brenner // The New York Times. – 2020. – November 25. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/25/health/doctors-nurses-covid-stress.html> (дата обращения: 15.02.2021).

23. Bruce, T. Americans are asked to snitch on each other during coronavirus crisis / T. Bruce // The Washington Times. – 2020. – April 22. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2020/apr/22/americans-are-asked-to-snitch-on-each-other-during/> (дата обращения: 25.02.2022).

24. Budget speech 2021: treasurer Josh Frydenberg’s full address – and what we can read between the lines // The Guardian. – 2021. – May 11. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/ng-interactive/2021/may/11/budget-speech-2021-australia-treasurer-josh-frydenberg-full-address-annotated-what-we-can-read-between-the-lines> (дата обращения: 27.02.2022).

25. Busby, M. How Covid changed medicine for the future / M. Busby // The Guardian. – 2022. – February 20. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/20/how-covid-created-a-vision-for-treating-disease> (дата обращения: 25.02.2022).

26. Cambell, D. Private hospitals treated just eight Covid patients a day during pandemic – report / D. Cambell // The Guardian. – 2021. – October 07. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/oct/07/private-hospitals-treated-eight-covid-patients-a-day-during-pandemic-says-report> (дата обращения: 28.02.2023).

27. Cambridge, E. Moderna produces first Covid vaccine to tackle South African variant / E. Cambridge // The Sun. – 2021. – February 25. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/14158602/moderna-trials-covid-vaccine-south-africa-variant/> (дата обращения: 18.03.2021).

28. Campbell, D. NHS moving dozens of Covid patients a day in search for ICU beds / D. Campbell, S. Marsh // The Guardian. – 2021. – February 03. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/feb/03/dozens-covid-patients-move-daily-search-nhs-icu-beds> (дата обращения: 28.02.2023).

29. Campbell, L. Covid: 1.5 million dead globally as vaccination schemes set to begin / L. Campbell // The Guardian. – 2020. – December 03. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/03/covid-15-million-dead-globally-as-vaccination-schemes-set-to-begin> (дата обращения: 26.02.2024).

30. Clement, S. Stress on the front lines of covid-19 / S. Clement, C. Pascual, M. Ulmanu // Washington Post. – 2020. – April 03. URL: <https://www.washingtonpost.com/health/2021/04/06/stress-front-lines-health-care-workers-share-hardest-parts-working-during-pandemic/> (дата обращения: 25.02.2023).

31. Cockburn, H. Coronavirus: People with no symptoms could be spreading deadly virus, study warns / H. Cockburn // The Independent. – 2020. – January 25. URL: <https://www.independent.co.uk/news/health/coronavirus-outbreak-symptoms-china-france-latest-a9301366.html> (дата обращения: 28.03.2022).

32. Connolly, K. Austria set to bow to pressure on Covid risk with ski holiday ban / K. Connolly // The Guardian. – 2020. – December 01. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/01/austria-set-to-bow-to-pressure-on-covid-risk-with-ski-holiday-ban> (дата обращения: 26.02.2024).

33. Connolly, M. Coronavirus: Warning for men over 50 due to Covid-19 threat / M. Connolly // BBC News. – 2020. – December 22. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-55396901> (дата обращения: 20.01.2021).

34. Coronasomnia: Tips for Sleeping Better with Anxiety-Induced Insomnia // Everlywell. – 2020. URL: <https://www.everlywell.com/blog/covid-19/sleeping-better-with-anxiety/> (дата обращения: 25.02.2022).

35. Coronavirus battle in China // The Daily News. – 2020. – February 15. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/02/15/features/211494/coronavirus-battle-china> (дата обращения 18.02.2020).

36. Coronavirus declared global health emergency by WHO // BBC News. – 2020. – January 31. URL: <https://www.bbc.com/news/world-51318246> (дата обращения: 08.02.21).

37. Coronavirus drying up supply chains of Southeast Asia's factories // The Daily News. – 2020. – March 02. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/02/finance/213039/coronavirus-drying-supply-chains-southeast-asia%E2%80%99s-factories> (дата обращения: 05.10.2022).

38. Coronavirus fatalities rise to 361 in China // The Daily News. – 2020. – February 03. URL: <https://dailynews.lk/2020/02/03/world/210310/coronavirus-fatalities-rise-361-china> (дата обращения: 05.10.2022).

39. Coronavirus fears wipe £200bn off UK firms' value // Daily News. – 2020. – March 03. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/03/finance/213166/coronavirus-fears-wipe-%C2%A3200bn-uk-firms%E2%80%99-value> (дата обращения: 20.11.2021).

40. Coronavirus spread will remain under control and specific groups should not be stigmatized, urges microbiologist // News Medical. – 2020. – March 13. URL: <https://www.news-medical.net/news/20200213/Coronavirus-spread-will-remain-under-control-and-specific-groups-should-not-be-stigmatized-urges-microbiologist.aspx> (дата обращения 20.03.2023).

41. Coronavirus: Asian nations face second wave of imported cases // BBC News. – 2020. – March 19. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-51955931> (дата обращения: 20.01.2021).

42. Coronavirus: Global death toll exceeds 3000 // The Daily News. – 2020. – March 02. URL: <https://dailynews.lk/2020/03/02/world/213111/coronavirus-global-death-toll-exceeds-3000> (дата обращения: 16.02.2022).

43. Coronavirus: Millions face ban on socialising under new Covid-19 restrictions // The Independent. – 2020. – October 11. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/coronavirus-lockdown-uk-new-rules-ban-boris-johnson-covid-update-b947399.html> (дата обращения 15.12.2020).

44. Coronavirus: Nightingale Hospital opens at London's ExCel centre // BBC News. – 2020. – April 03. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-52150598> (дата обращения: 10.01.2021).

45. Coronavirus: Prime Minister Boris Johnson tests positive // BBC News. – 2020. – March 30. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-52060791> (дата обращения: 18.02.2021).

46. Coronavirus: Pub Landlord Regrets Not Being 'Strong Enough' to Enforce Social Distancing Rules after Venue Linked to Outbreak Clea Skopeliti // The Independent. – 2020. – August 07. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/coronavirus-staffordshire-pub-covid-outbreak-crown-anchor-stone-a9659846.html> (дата обращения: 20.03.2023).

47. Coronavirus: White House concedes US lacks enough test kits // The Daily News. – 2020. – March 06. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/06/world/213638/coronavirus-white-house-concedes-us-lacks-enough-test-kits> (дата обращения: 20.11.2021).

48. Covax vaccine-sharing scheme delivers first doses to Ghana // BBC News. – 2021. – February 24. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-56180161> (дата обращения: 25.03.2021).

49. Covid lockdowns had ‘catastrophic effect’ on UK’s social fabric, report claims // The Guardian. – 2023. – December 10. URL: <https://www.theguardian.com/society/2023/dec/10/covid-lockdowns-had-catastrophic-effect-on-uks-social-fabric-report-claims> (дата обращения: 27.12.2023).

50. Covid-19: Brazil 'variant of concern' detected in UK // BBC News. – 2021. – February 28. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-56233038> (дата обращения: 10.03.2021).

51. Covid-19: Fact-checking Macron's over-65s claim about the Oxford-AstraZeneca vaccine // BBC News. – 2021. – February 05. URL: <https://www.bbc.com/news/55919245> (дата обращения: 17.04.2021).

52. Covidiot? Quarantinis? Linguist explains how COVID-19 has infected our language // CBC. – 2020. – April 22. URL: <https://www.cbc.ca/radio/thecurrent/the-current-for-april-22-2020-1.5540906/covidiots-quarantinis-linguist-explains-how-covid-19-has-infected-our-language-1.5540914> (дата обращения: 17.02.2022).

53. Cyber Monday set to become biggest online shopping day in US history // The Guardian. – 2020. – December 01. URL: <https://www.theguardian.com/business/2020/dec/01/cyber-monday-online-shopping-us> (дата обращения: 26.02.2024).

54. Das, S. ‘No no no. Avoid them all’: anti-vaccine conspiracies spread as UK cases of measles increase // The Guardian. – 2023. – November 25. URL: <https://www.theguardian.com/society/2023/nov/25/no-no-no-avoid-them-all-anti-vaccine-conspiracies-spread-as-uk-cases-of-measles-increase> (дата обращения: 29.04.2024).

55. Davey, M. How long after catching Covid can you become reinfected and when should you get your booster? / M. Davey // The Guardian. – 2022. – July 13. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/13/how-long-after-catching-covid-can-you-become-reinfected-and-when-should-you-get-your-booster> (дата обращения: 25.02.2023).

56. Davis, K. All you need to know about COVID-19 / K. Davis // Medical News Today. – 2021. – January 24. URL: <https://www.medicalnewstoday.com/articles/covid-19> (дата обращения: 25.03.2021).

57. Davis, N. Covid rising in England and Scotland as new variant spreads around world / N. Davis // The Guardian. – 2023. – December 21. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/21/covid-infections-rising-again-in-england-and-scotland-data-shows-eases> (дата обращения: 27.12.2023).

58. Davis, N. K number: what is the coronavirus metric that could be crucial as lockdown eases? / N. Davis // The Guardian. – 2020. – July 01. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/01/k-number-what-is-coronavirus-metric-crucial-lockdown-eases> (дата обращения: 15.02.2021).

59. Davis, N. Rise in UK Covid admissions leading to hospital illness, absence and delays / N. Davis // The Guardian. – 2022. – March 17. URL: <https://www.theguardian.com/society/2022/mar/17/rise-in-uk-covid-admissions-leading-to-infections-absence-and-delays> (дата обращения: 17.02.2022).

60. Davis, N. What are Covid variants – and should we be worried? / N. Davis // The Guardian. – 2021. – February 05. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/feb/05/what-are-covid-variants-and-should-we-be-worried> (дата обращения: 29.04.2024).

61. Devlin, H. 'Happy hypoxia': unusual coronavirus effect baffles doctors / N. Davis // The Guardian. – 2020. – May 03. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/03/happy-hypoxia-unusual-coronavirus-effect-baffles-doctors> (дата обращения: 15.02.2022).

62. Duncan, P. UK government's coronavirus death toll exceeds 60,000 / P. Duncan, C. Barr, D. Gayle // The Guardian. – 2020. – December 03. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/03/uk-governments-coronavirus-death-toll-exceeds-60000> (дата обращения: 26.02.2024).

63. Elliott, L. Blindsided: how coronavirus felled the global economy in 100 days / L. Elliott // The Guardian. – 2020. – April 09. URL:

<https://www.theguardian.com/world/2020/apr/09/blindsided-how-coronavirus-felled-the-global-economy-in-100-days> (дата обращения: 28.02.2023).

64. Elliott, L. The coronavirus crisis has brought the EU's failings into sharp relief / L. Elliott // The Guardian. – 2020. – March 29. URL: <https://www.theguardian.com/business/2020/mar/29/the-coronavirus-crisis-has-brought-the-eus-failings-into-sharp-relief> (дата обращения: 28.02.2023).

65. Ellis, D. Latest updates on SARS-CoV-2 variants identified in the UK / D. Ellis // News Medical. – 2023. – September 08. URL: <https://www.news-medical.net/news/20230908/Latest-updates-on-SARS-CoV-2-variants-identified-in-the-UK.aspx> (дата обращения: 2.11.2023).

66. Ellyatt, H. UK hunts for missing person infected with Covid variant first detected in Brazil / H. Ellyatt // CNBS. – 2021. – March 01. URL: <https://www.cnbcs.com/2021/03/01/uk-search-mystery-person-infected-with-brazil-covid-variant.html> (дата обращения: 10.04.2021).

67. Emeritus, S. H. Climate change, Coronavirus epidemic and the present human condition: Where does Sri Lanka stand? / S. H. Emeritus // The Daily News. – 2020. – March 11. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/11/features/213971/climate-change-coronavirus-epidemic-and-present-human-condition-where> (дата обращения: 20.11.2021).

68. Enrich your lexicon with Covid-19 lingo // Hindustan Times. – 2020. – April 05. URL: <https://www.hindustantimes.com/art-and-culture/enrich-your-lexicon-with-covid-19-lingo/story-GILF0NmFbtY4QSmU6mSvDM.html> (дата обращения: 27.04.2024).

69. Evelyn, K. Fauci accepts offer of chief medical adviser role in Biden administration / K. Evelyn // The Guardian. – 2020. – December 04. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/dec/04/fauci-accepts-biden-offer-chief-medical-adviser> (дата обращения: 26.02.2024).

70. Explainer: why is getting medical oxygen for Covid patients in some countries so difficult? // The Guardian. – 2021. – April 29. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/apr/29/explainer-why-is-getting->

medical-oxygen-for-covid-patients-in-some-countries-so-difficult (дата обращения: 28.02.2023).

71. Farr, C. Coronavirus vaccine trial participants report day-long exhaustion, fever and headaches – but say it’s worth it / C. Farr, B. Lovelace // CNBS. – 2020. – October 01. URL: <https://www.cnbc.com/2020/10/01/coronavirus-vaccine-trial-participants-exhaustion-fever-headaches.html> (дата обращения: 18.02.2021).

72. Fortin, J. Masks Keep Us Safe. They Also Hide Our Smiles / J. Fortin // The New York Times. – 2020. – June 23. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/23/style/face-mask-emotion-coronavirus.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 28.02.2023).

73. Foulkes, L. Covid’s ‘lost generation’ may be more resilient than we think / L. Foulkes // The Guardian. – 2021. – June 01. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jun/01/coronavirus-young-people-mental-health-lost-generation> (дата обращения: 25.02.2022).

74. Gabbat, A. Florida passes 1m Covid-19 cases amid fear of pre-Christmas surge / A. Gabbat // The Guardian. – 2020. – December 01. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/01/coronavirus-cases-us-hospitals-pre-christmas-surge-fauci> (дата обращения: 26.02.2024).

75. Gallagher, J. Coronavirus cure: What progress are we making on treatments? / J. Gallagher // BBC News. – 2021. – April 21. URL: <https://www.bbc.com/news/health-52354520> (дата обращения: 22.04.2021).

76. Gallagher, J. Coronavirus super-spreaders: Why are they important? / J. Gallagher // BBC News. – 2020. – February 10. URL: <https://www.bbc.com/news/health-51447143> (дата обращения: 16.02.2022).

77. Glenza, J. Florida hospitals stretched to capacity by acute coronavirus outbreak / J. Glenza // The Guardian. – 2020. – July 24. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jul/24/florida-hospitals-coronavirus-outbreak-ron-desantis> (дата обращения: 20.01.2021).

78. Glenza, J. The new Covid-19 booster shot in US: what you need to know / J. Glenza // The Guardian. – 2023. – September 16. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/16/new-covid-vaccine-booster-shot-faq> (дата обращения 20.11.2023).

79. Global COVID-19 death toll passes 3,000 // The Daily News. – 2020. – March 03. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/03/world/213151/global-covid-19-death-toll-passes-3000> (дата обращения: 20.11.2021).

80. Grosetti, M. Portraits of families living together through coronavirus / M. Grosetti // The Guardian. – 2020. – October 26. – URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2020/oct/26/portraits-of-families-living-together-through-coronavirus> (дата обращения: 30.04.2024).

81. Guardian Australia readers respond: how has the pandemic made you rethink life? // The Guardian. – 2022. – January 01. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2022/jan/02/guardian-australia-readers-respond-how-has-the-pandemic-made-you-rethink-life> (дата обращения 21.11.2023).

82. Guardian readers nominate their person of the year // The Guardian. – 2021. – December 30. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/30/guardian-readers-nominate-their-person-of-the-year> (дата обращения 20.11.2023).

83. Gunatilleke, N. Sixteen people under observation for COVID-19 / N. Gunatilleke // The Daily News. – 2020. – March 02. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/02/local/213096/sixteen-people-under-observation-covid-19> (дата обращения: 05.10.2022).

84. Gutierrez, P. Covid world map: which countries have the most coronavirus vaccinations, cases and deaths? / P. Gutierrez, S. Clarke, A. Kirk // The Guardian. – 2021. – December 01. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/01/covid-world-map-which-countries-have-the-most-coronavirus-vaccinations-cases-and-deaths> (дата обращения: 15.11.2023).

85. Gutteridge, N. Schools reopening: Boris Johnson promises parents teacher grading system for A Levels and GCSEs will be 'fair' / N. Gutteridge // The Sun. – 2021. – February 25. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/14159198/boris-johnson-schools-reopening-march-8/> (дата обращения: 28.02.2021).

86. Harding, L. Lockdown eased: Netherlands and France plan to re-open primary schools / L. Harding, D. Boffey, K. Willsher, B. McKernan // The Guardian. – 2020. – April 21. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/21/lockdown-eased-netherlands-and-france-plan-to-re-open-primary-schools> (дата обращения: 16.02.2022).

87. Helm, T. Scientists set to expose chaos and disagreement in UK government at Covid inquiry / T. Helm // The Guardian. – 2023. – November 19. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2023/nov/19/scientists-set-to-expose-chaos-and-disagreement-in-uk-government-at-covid-inquiry> (дата обращения: 09.08.2024).

88. Henderson, E. A view from the front lines of California's COVID-19 battle / E. Henderson // News Medical. – 2020. – March 18. URL: <https://www.news-medical.net/news/20200318/A-view-from-the-front-lines-of-Californias-COVID-19-battle.aspx> (дата обращения: 25.03.2023).

89. Henderson, E. As hospitals fill with COVID patients, medical reinforcements are hard to find / E. Henderson // News Medical. – 2020. – December 02. URL: <https://www.news-medical.net/news/20201202/As-hospitals-fill-with-COVID-patients-medical-reinforcements-are-hard-to-find.aspx> (дата обращения: 25.03.2023).

90. Henley, J. France to carry out border checks to stop skiers spreading Covid / J. Henley // The Guardian. – 2020. – December 02. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/02/france-will-carry-out-border-checks-to-stop-skiers-from-spreading-covid> (дата обращения: 26.02.2024).

91. Henley, J. European and US experts question UK's fast-track of Covid vaccine / J. Henley, K. Connolly, S. Jones // The Guardian. – 2020. – December 03.

URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/03/europe-us-experts-question-uk-fast-track-covid-vaccine> (дата обращения: 26.02.2024).

92. Holpuch, A. Trump calls Birx's dire warning on widespread coronavirus in the US 'pathetic' / A. Holpuch // The Guardian. – 2020. – August 03.

URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/03/trump-birx-pathetic-criticism-nancy-pelosi-coronavirus-comments> (дата обращения 20.11.2023).

93. Howell, T. Lee Zeldin: Frontline coronavirus workers helped by Trump / T. Howell // The Washington Times. – 2020. – August 26. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2020/aug/26/lee-zeldin-frontline-coronavirus-workers-helped-tr/> (дата обращения: 20.02.2023).

94. Incubation period of new coronavirus can be as long as 24 DAYS instead of previously thought two weeks, study reveals // The Daily Mail. – 2020. – February 10. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7986663/Incubation-period-new-coronavirus-long-24-DAYS-expert-claims.html> (дата обращения 20.11.2023).

95. Indian Wells tennis cancelled over coronavirus fears // The Daily News. – 2020. – March 10. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/10/sports/213894/indian-wells-tennis-cancelled-over-coronavirus-fears> (дата обращения: 20.11.2021).

96. Indigenous people infected with Covid Delta strain at twice the rate of other Australians // The Guardian. – 2021. – October 14. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/oct/14/indigenous-people-infected-with-covid-delta-strain-at-twice-the-rate-of-other-australians> (дата обращения 25.03.2023).

97. Italy has second-most COVID-19 deaths, infections // The Daily News. – 2020. – March 10. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/10/world/213851/italy-has-second-most-covid-19-deaths-infections> (дата обращения: 20.11.2021).

98. Italy records highest single toll from COVID19 // The Daily News. – 2020. – March 11. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/11/world/214047/italy-records-highest-single-toll-covid19> (дата обращения 20.11.2023).

99. Italy set to close schools and universities in coronavirus fight // The Daily News. – 2020. – March 05. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/05/world/213502/italy-set-close-schools-and-universities-coronavirus-fight> (дата обращения: 20.11.2021).

100. Ives, J. Antibody cocktail is being tested in human COVID-19 trials / J. Ives // News Medical. – 2020. – June 16. URL: <https://www.news-medical.net/news/20200616/Antibody-cocktail-is-being-tested-in-human-COVID-19-trials.aspx> (дата обращения 25.03.2023).

101. Jackson, D. Senate Passes Historic \$2 Trillion Stimulus Package to Curb Effects of Coronavirus / D. Jackson // USA Today. – 2020. – March 25. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2020/03/25/coronavirus-mcconnell-schumer-trump-admin-announce-stimulus-deal/5076640002/> (дата обращения 20.03.2023).

102. Jarrett, C. How lockdown may have changed your personality / C. Jarrett // BBC News. – 2020. – July 29. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20200728-how-lockdown-may-have-changed-your-personality> (дата обращения: 15.12.2020).

103. Johnson, C. Y. Unprecedented vaccine trials on track to begin delivering results / C. Y. Johnson // The Washington Post. – 2020. – October 21. URL: <https://www.washingtonpost.com/health/2020/10/21/vaccine-progress-coronavirus/> (дата обращения: 17.12.2022).

104. Karp, P. The 2021 federal budget reveals huge \$311bn cost of Covid to Australian economy / P. Karp // The Guardian. – 2021. – May 11. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/may/11/federal-budget-2021-papers-reveals-huge-cost-of-covid-australian-government-economy-economic-stimulus-packages> (дата обращения 20.11.2023).

105. Karp, P. Victorian workers offered \$1,500 pandemic leave payment, but unions and business call for more / P. Karp // The Guardian. – 2020. – August 03. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2020/aug/03/morrison-announces-1500-pandemic-leave-disaster-payment-for-workers-with-no-sick-leave> (дата обращения 20.11.2023).

106. Kinnear, R. My sister died of coronavirus. She needed care, but her life was not disposable / R. Kinnear // The Guardian. – 2020. – May 12. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/may/12/roxy-kinnearsister-protect-vulnerable-coronavirus-roxy-kinneear> (дата обращения 20.02.2021).

107. Kliff, S. Sick Workers and Spooked Customers: Coronavirus Threatens Small Businesses / S. Kliff, C. C. Miller, M. Sanger-Katz // The New York Times. – 2020. – March 04. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/04/upshot/coronavirus-impact-small-businesses.html> (дата обращения 20.11.2023).

108. Knowles, H. Seven states report highest coronavirus hospitalizations since pandemic began / H. Knowles, J. Wagner // The Washington Post. – 2020. – June 24. URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/06/23/coronavirus-live-updates-us/> (дата обращения: 25.01.2021).

109. Ladduwahetty, R. Coronavirus takes heavy toll on apparel industry / R. Ladduwahetty // The Daily News. – 2020. – March 02. URL: <https://archives1.dailynews.lk/2020/03/02/finance/213016/coronavirus-takes-heavy-toll-apparel-industry> (дата обращения 20.11.2023).

110. Liu, Y. Is Covid-19 changing our relationships? / Y. Liu // BBC News. – 2020. – June 05. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20200601-how-is-covid-19-is-affecting-relationships> (дата обращения: 18.12.2020).

111. Lloyd, B. Alsatian researchers want to train dogs to detect the coronavirus / B. Lloyd // Ace Mind. – 2022. – March 07. URL: <https://acemind.net/alsatian-researchers-want-to-train-dogs-to-detect-the-coronavirus> (дата обращения: 25.02.2023).

112. Lodge, G. Streaming: the best films for lockdown Valentine's Day / G. Lodge // The Guardian. – 2021. – February 13. URL:

<https://www.theguardian.com/film/2021/feb/13/streaming-the-best-films-for-lockdown-valentines-day-long-distance-lovers-couples-kept-apart> (дата обращения: 25.02.2021).

113. Lovett, S. What is the new Brazil Covid variant? Everything we know so far / S. Lovett, K. Ng // The Independent. – 2021. – March 15. URL: <https://www.independent.co.uk/news/health/what-is-the-brazil-variant-b1809240.html> (дата обращения: 10.04.2021).

114. Lu, D. Why Covid Death Rates Are Rising for Some Groups / D. Lu, A. Sun // The New York Times. – 2021. – December 28. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/12/28/us/covid-deaths.html?searchResultPosition=3> (дата обращения: 20.02.2022).

115. Maldives confirms two cases of Coronavirus, two islands lockdown // The Daily News. – 2020. – March 10. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/10/finance/213831/maldives-confirms-two-cases-coronavirus-two-islands-lockdown> (дата обращения: 20.11.2021).

116. Mandavilli, A. Wondering About Social Distancing? / A. Mandavilli // The New York Times. – 2020. – March 16. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/16/smarter-living/coronavirus-social-distancing.html> (дата обращения: 14.12.2020).

117. Mangan, L. Surviving Covid review: tales of dedication – and desperation / L. Mangan // The Guardian. – 2020. – December 02. URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2020/dec/02/surviving-covid-review-tales-of-dedication-and-desperation> (дата обращения: 26.02.2024).

118. Mapping the Coronavirus Outbreak Across the World // Bloomberg. – 2021. – April 30. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-coronavirus-cases-world-map/> (дата обращения: 30.04.2021).

119. Marks, G. Pandemic restrictions in US are lifting and business is getting back on the road / G. Marks // The Guardian. – 2021. – June 27. – URL: <https://www.theguardian.com/business/2021/jun/27/business-travel-post-pandemic-recovery> (дата обращения: 29.04.2024).

120. Mayberry, K. Threat of coronavirus pandemic 'very real': Live updates / K. Mayberry // Aljazeera. – 2020. – March 09. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/3/9/threat-of-coronavirus-pandemic-very-real-live-updates> (дата обращения: 15.01.2021).

121. McGowan, M. Fewer than 0.1% of NSW health staff have quit due to Covid vaccination mandates / M. McGowan // The Guardian. – 2021. – October 09. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/oct/09/less-than-01-of-nsw-health-staff-have-quit-due-to-covid-vaccination-mandates> (дата обращения: 26.02.2023).

122. McGuinness, K. Get into bed with your job - should we work from the boffice? / K. McGuinness // Irish Independent. – 2020. – April 14. – URL: <https://m.independent.ie/world-news/get-into-bed-with-your-job-should-we-work-from-the-boffice/39125788.html> (дата обращения: 27.04.2024).

123. Merrick, R. All UK adults to be offered vaccine by end of July under dramatic acceleration of programme / R. Merrick // The Independent. – 2021. – February 20. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/covid-vaccine-uk-adults-july-b1805091.html> (дата обращения: 26.02.2021).

124. Miller, K. What Is Doomscrolling, and How Do You Stop? / K. Miller // Health. – 2023. – November 14. URL: <https://www.health.com/mind-body/what-is-doomscrolling> (дата обращения: 20.11.2023).

125. 'Miracle': hospital consultant gives birth to twins while in coronavirus coma // The Guardian. – 2020. – November 19. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/nov/19/miracle-hospital-consultant-gives-birth-to-twins-while-in-coronavirus-coma> (дата обращения: 25.02.2023).

126. Moore, S. Are you a complete covidiot? It's what the government wants of all of us / S. Moore // The Guardian. – 2020. – September 03. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/07/are-you-a-complete-covidiot-its-what-the-government-wants-of-all-of-us-coronavirus> (дата обращения: 29.04.2024).

127. New Zealand city going into 3-day lockdown after virus found // Fox News. – 2021. – February 14. URL: <https://www.foxnews.com/sports/new-zealand-city-going-into-3-day-lockdown-after-virus-found> (дата обращения: 25.02.2021).

128. New Zealand confirms first case of COVID19 // The Daily News. – 2020. – February 28. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/02/28/world/212910/new-zealand-confirms-first-case-covid19> (дата обращения: 07.02.2023).

129. New Zealand drops mask and vaccine mandates in sweeping Covid changes // The Guardian. – 2022. – September 12. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/12/new-zealand-drops-mask-and-vaccine-mandates-in-sweeping-covid-changes> (дата обращения: 09.08.2024).

130. Ngo, M. Pandemic Fraud May Have Robbed Unemployment Insurance of \$135 Billion / M. Ngo // The New York Times. – 2023. – September 12. URL: <https://www.nytimes.com/2023/09/12/us/politics/pandemic-fraud-unemployment-insurance.html> (дата обращения 20.11.2023).

131. NHS Nightingale: inside London's temporary coronavirus hospital // The Guardian. – 2021. – April 01. URL: <https://www.theguardian.com/society/video/2020/apr/01/nhs-nightingale-inside-londons-temporary-coronavirus-hospital-video> (дата обращения 20.02.2023).

132. O'Brien, S. Here's what you need to know when it comes to paying for coronavirus treatment / S. O'Brien // CNBS. – 2020. – April 09. URL: <https://www.cnbc.com/2020/04/09/heres-what-you-need-to-know-about-coronavirus-treatment-costs.html> (дата обращения: 13.12.2020).

133. Offord, C. Steroid Drugs Are an Effective Treatment for Severe COVID-19: WHO / C. Offord // The Scientist Magazine. – 2020. – September 03. URL: <https://www.the-scientist.com/news-opinion/steroid-drugs-are-an-effective-treatment-for-severe-covid-19-who-67910> (дата обращения 20.03.2023).

134. Ostermann, Ph. Fetish gear out, PPE in: Berlin's KitKatClub offers Covid tests / Ph. Ostermann // The Guardian. – 2020. – December 04. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/04/fetish-gear-out-ppe-in-berlins-kitkatclub-offers-covid-tests> (дата обращения: 26.02.2024).

135. Pan, D. One man's two-week coronavirus self-quarantine: expensive, stressful — and surprisingly social / D. Pan // The Boston Globe. – 2020. – March 05. URL: <https://www.bostonglobe.com/2020/03/05/nation/one-mans-two-week-coronavirus-self-quarantine-expensive-stressful-surprisingly-social/> (дата обращения 20.11.2023).

136. Perry, N. Pacific Isles, Secretive States Among Last Virus-Free Places / N. Perry // U.S. News. – 2020. – November 11. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2020-11-11/pacific-isles-secretive-states-among-last-virus-free-places> (дата обращения: 10.01.2021).

137. Phillips, M. Stocks Fall as Second Virus Case in U.S. Spooks Investors / M. Phillips // The New York Times. – 2020. – January 24. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/24/business/stock-market-today.html> (дата обращения 20.11.2023).

138. Pidd, H. 'We're bursting': a day inside a Covid intensive care unit / H. Pidd // The Guardian. – 2021. – January 08. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/08/inside-covid-intensive-care-unit> (дата обращения 28.02.2023).

139. Quietly but Savagely, the Coronavirus Is Decimating Latin America // The New York Times. – 2020. – May 12. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/12/world/coronavirus-global-live-news.html> (дата обращения: 18.12.2020).

140. Ramsey, L. Flu and COVID-19 report offers latest surveillance data and public health advice / L. Ramsey // News Medical. – 2023. – July 21. URL: <https://www.news-medical.net/news/20230721/Flu-and-COVID-19-report-offers-latest-surveillance-data-and-public-health-advice.aspx> (дата обращения 20.11.2023).

141. Re, G. Trump says there's 'light at the end of the tunnel' as White House pitches \$6T coronavirus stimulus package / G. Re // Fox News. – 2020. – March 24. URL: <https://www.foxnews.com/politics/fauci-returns-to-coronavirus->

briefing-as-trump-sees-light-at-the-end-of-the-tunnel (дата обращения: 25.01.2021).

142. Reich, R. Coronavirus Is Bad Enough – Trump's Cuts Have Made the Danger Far Worse / R. Reich // The Guardian. – 2020. – March 01. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/01/trump-coronavirus-cuts-robert-reich> (дата обращения 20.03.2023).

143. Rivas, K. CDC shortens coronavirus quarantine period, adds travel-related testing recommendations / K. Rivas // Fox News. – 2020. – December 02. URL: <https://www.foxnews.com/health/coronavirus-quarantine-duration-shortened-cdc> (дата обращения: 15.12.2020).

144. Roy, E. A. New Zealand economy faces 'serious impact' from coronavirus outbreak / E. A. Roy // The Guardian. – 2020. – February 27. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/27/new-zealand-economy-faces-serious-impact-from-coronavirus-outbreak> (дата обращения: 25.12.2022).

145. Russonello, G. Lost and Found Jazz Stars, Are Both Gone / G. Russonello, H. Grimes, G. Logan // The New York Times. – 2020. – April 20. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/20/arts/music/henry-grimes-giuseppi-logan-coronavirus.html?searchResultPosition=11> (дата обращения: 11.12.2022).

146. Ryder, H. Africa's Coronavirus challenge / H. Ryder // The Daily News. – 2020. – February 06. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/02/06/features/210542/africa%E2%80%99s-coronavirus-challenge> (дата обращения: 19.10.2022).

147. Sainato, M. Anti-masker abuse, subpar healthcare, and a 5 cent raise: CVS workers say enough is enough / M. Sainato // The Guardian. – 2021. – September 15. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/sep/15/cvs-workers-petition-wages-working-conditions-covid> (дата обращения: 29.04.2024).

148. Sample, I. Flurry of coronavirus reinfections leaves scientists puzzled / I. Sample // The Guardian. – 2020. – October 06. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/oct/06/flurry-of-coronavirus-reinfections-leaves-scientists-puzzled> (дата обращения: 18.10.2022).

149. Sample, I. Hopes of Covid vaccine for more than 1bn people by end of 2021 / I. Sample // The Guardian. – 2020. – November 16. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/16/moderna-covid-vaccine-candidate-almost-95-effective-trials-show> (дата обращения: 18.10.2022).

150. Sample, I. The great project: how Covid changed science for ever / I. Sample // The Guardian. – 2020. – December 15. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/15/the-great-project-how-covid-changed-science-for-ever> (дата обращения: 20.10.2022).

151. Sample, I. Scientists find ‘stealth’ version of Omicron that may be harder to track / I. Sample, P. Walker // The Guardian. – 2021. – December 07. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/07/scientists-find-stealth-version-of-omicron-not-identifiable-with-pcr-test-covid-variant> (дата обращения: 19.10.2022).

152. Sawa, D. B. Hand sanitizer or hand washing: which is better against coronavirus? / D. B. Sawa // The Guardian. – 2020. – March 04. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/28/hand-sanitiser-or-hand-washing-which-more-effective-against-coronavirus-covid-19> (дата обращения: 19.10.2022).

153. Schreiber, M. ‘People aren’t taking this seriously’: experts say US Covid surge is big risk / M. Schreiber // The Guardian. – 2023. – January 15. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/jan/15/covid-19-coronavirus-us-surge-complacency> (дата обращения 20.11.2023).

154. Secon, H. The Gates Foundation is spending \$100 million to fight the coronavirus outbreak / H. Secon // Business Insider. – 2020. – February 06. URL: <https://www.businessinsider.com/gates-foundation-10-million-to-fight-wuhan-coronavirus-2020-1> (дата обращения: 15.12.2020).

155. Shackle, S. Among the Covid sceptics: ‘We are being manipulated, without a shadow of a doubt’ / S. Shackle // The Guardian. – 2021. – April 08. URL: <https://www.theguardian.com/news/2021/apr/08/among-covid-sceptics-we-are-being-manipulated-anti-lockdown> (дата обращения 20.02.2023).

156. Sharman, J. Coronavirus: Freight crisis as new strain leads France and European neighbours to ban travel from UK / J. Sharman, R. Sullivan, B. Chapman // The Independent. – 2020. – December 21. URL: <https://www.independent.co.uk/news/health/coronavirus-new-strain-travel-ban-france-eurotunnel-freight-dover-b1776901.html> (дата обращения 25.12.2021).

157. Shear, M. D. First Lady Tests Positive for Covid, but President Does Not / M. D. Shear // The New York Times. – 2023. – September 04. URL: <https://www.nytimes.com/2023/09/04/us/politics/jill-biden-covid-positive.html?searchResultPosition=2> (дата обращения 19.02.2024).

158. Sheikh, K. Researchers Are Racing to Make a Coronavirus Vaccine. Will It Help? / K. Sheikh, K. Thomas // The New York Times. – 2020. – January 28. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/28/health/coronavirus-vaccine.html> (дата обращения 20.11.2023).

159. Shen, Wu Tan. ‘Twindemic’ possible as flu season approaches, health experts warn / Wu Tan Shen // The Washington Times. – 2021. – September 14. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2021/sep/14/twindemic-possible-flu-season-approaches-health-ex/> (дата обращения 19.02.2024).

160. Skopeliti, C. Busy high streets after lockdown prompt Covid fears but numbers still down / C. Skopeliti, G. Topham // The Guardian. – 2020. – December 06. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/06/busy-high-streets-after-lockdown-covid> (дата обращения: 26.02.2024).

161. Smith, D. Donald Trump stays silent as US sees record 2,804 coronavirus deaths in a day / D. Smith // The Guardian. – 2020. – December 03. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/dec/03/donald-trump-coronavirus-record-deaths-silence> (дата обращения: 26.02.2024).

162. Spike in China’s COVID-19 cases, Trump urges calm // The Daily News. – 2020. – March 02. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/02/world/213015/spike-china%E2%80%99s-covid-19-cases-trump-urges-calm> (дата обращения: 07.02.2023).

163. Spinks, R. Who Says It's Not Safe to Travel to China? / R. Spinks // The New York Times. – 2020. – February 05. URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/05/opinion/china-travel-coronavirus.html> (дата обращения: 20.11.2022).

164. Spinney, L. Wuhan virologist says more bat coronaviruses capable of crossing over / L. Spinney // The Guardian. – 2020. – December 04. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/04/wuhan-virologist-warns-more-bat-coronaviruses-capable-of-crossing-over-covid-beyond-china> (дата обращения: 26.02.2024).

165. Sridhar, D. A new Covid variant is on the rise – how worried should we be? / D. Sridhar // The Guardian. – 2023. – August 18. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/18/new-covid-variant-worried-subvariants-mutate> (дата обращения 20.11.2023).

166. Stein, J. The video call is starting. Time to Put on Your Zoom Shirt / J. Stein // The New York Times. – 2020. – June 29. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/29/business/zoom-shirt.html?searchResultPosition=1> (дата обращения 17.02.2023).

167. The coronavirus pandemic in the voices of those who lived it // The Washington Post. – 2020. – December 30. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/national/coronavirus-oral-history/> (дата обращения: 10.02.2021).

168. Thomas, L. Certain antibodies may cause the dangerous part of COVID-19 disease / L. Thomas // News Medical. – 2020. – July 15. URL: <https://www.news-medical.net/news/20200715/Certain-antibodies-may-cause-the-dangerous-part-of-COVID-19-disease.aspx> (дата обращения: 30.04.2024).

169. Thomas, L. COVID-19 produces lung inflammation in non-human primate experiments / L. Thomas // News Medical. – 2020. – June 09. URL: <https://www.news-medical.net/news/20200609/COVID-19-produces-lung-inflammation-in-non-human-primate-experiments.aspx> (дата обращения: 30.04.2024).

170. Topham, G. Road and rail works curtailed to aid UK Christmas travel plans / G. Topham // The Guardian. – 2020. – December 03. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/dec/03/road-and-rail-works-curtailed-to-aid-uk-christmas-travel-plans-covid> (дата обращения: 26.02.2024).

171. Tourist sites in Asia hit by coronavirus fears – before and after // The Guardian. – 2020. – March 09. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/09/tourist-sites-asia-hit-coronavirus-fears-before-after-pictures> (дата обращения 25.03.2023).

172. Tremlett, G. US germ warfare research leads to new early Covid-19 test / G. Tremlett // The Guardian. – 2020. – May 01. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/01/us-germ-warfare-lab-creates-test-for-pre-infectious-covid-19-carriers> (дата обращения 20.03.2022).

173. Triggler, N. Covid: Is it time we learned to live with the virus? / N. Triggler // BBC News. – 2020. – September 28. URL: <https://www.bbc.com/news/health-54228649> (дата обращения: 15.02.2021).

174. Vietnam designs test kit for new coronavirus // The Daily News. – 2020. – March 05. URL: <http://www.dailynews.lk/2020/03/05/finance/213433/vietnam-designs-test-kit-new-coronavirus> (дата обращения: 07.02.2023).

175. Vince, G. Following the science: the writers who have made sense of Covid / G. Vince // The Guardian. – 2020. – December 05. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/dec/05/following-the-science-the-writers-who-have-made-sense-of-covid> (дата обращения: 26.02.2024).

176. Walker, P. Boris Johnson plans to end England's Covid rules a month early / P. Walker, H. Stewart, I. Sample, S. Weale // The Guardian. – 2022. – February 09. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/09/boris-johnson-says-he-plans-to-lift-all-englands-covid-rules-a-month-early> (дата обращения: 07.02.2023).

177. Weaver, C. The Most Crucial Tools for WFH: Kindness, and a Piece of Tape / C. Weaver // The New York Times. – 2020. – March 20. URL:

<https://www.nytimes.com/2020/03/20/business/coronavirus-work-from-home-tips.html?searchResultPosition=6> (дата обращения 25.02.2022).

178. Weiland, N. Loss of Pandemic Aid Stresses Hospitals That Treat the Uninsured / N. Weiland // The New York Times. – 2022. – May 01. URL: <https://www.nytimes.com/2022/05/01/us/politics/covid-aid-hospitals-uninsured.html> (дата обращения 20.11.2023).

179. Weintraub, K. New strains of COVID swiftly moving through the US need careful watch, scientists say / K. Weintraub, E. Weise // USA Today. – 2021. – January 22. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/health/2021/01/22/covid-new-virus-mutations-but-vaccines-fight-outbreak/4216815001/> (дата обращения: 18.02.2021).

180. Wilson, B. Off our trolleys: what stockpiling in the coronavirus crisis reveals about us / B. Wilson // The Guardian. – 2020. – April 03. URL: <https://www.theguardian.com/news/2020/apr/03/off-our-trolleys-what-stockpiling-in-the-coronavirus-crisis-reveals-about-us> (дата обращения 20.11.2023).

181. Winter coronavirus wave ebbs and deaths drop, but experts fear a spring surge // The Washington Post. – 2021. – February 12. URL: https://www.washingtonpost.com/health/coronavirus-cases-deaths-dropping/2021/02/12/8e3cc38c-6c8b-11eb-9ead-673168d5b874_story.html (дата обращения: 25.02.2021).

182. Wintour, P. Global summit hopes to raise \$8.2bn for coronavirus vaccine / P. Wintour // The Guardian. – 2020. – May 04. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/03/global-summit-hopes-to-raise-82bn-for-coronavirus-vaccine> (дата обращения 20.02.2023).

183. Wood, V. Coronavirus: Christmas easing sees families meet across UK / V. Wood // The Independent. – 2020. – December 26. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/christmas-covid-meeting-rules-easing-b1778939.html> (дата обращения 20.03.2023).

184. Wright, C. Lest we forget: a pandemic isn't a war but our healthcare workers are heroes / C. Wright // The Guardian. – 2020. – April 27. URL:

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/27/lest-we-forget-a-pandemic-isnt-a-war-but-our-healthcare-workers-are-heroes> (дата обращения 20.02.2024).

185. Zimmer, C. Cancer Drug Greatly Reduces Deaths in Hospitalized Covid Patients / C. Zimmer // The New York Times. – 2022. – July 06. URL: <https://www.nytimes.com/2022/07/06/health/covid-drug-cancer-sabizabulin.html?searchResultPosition=89> (дата обращения 28.02.2023).

186. Zoppi, L. Hypoxemia in COVID-19 / L. Zoppi // News Medical. – 2021. – February 24. URL: <https://www.news-medical.net/health/Нypoxemia-in-COVID-19.aspx> (дата обращения: 29.04.2024).